3 1761 07464398 2

LIBRARY
LIBRARY
OCT 27 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

Князь В. В. Тенишевъ

членъ государственной думы

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

РУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА

ПРИЛОЖЕНІЕ

ОПЕКА ВЪ РУССКОМЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ БЫТУ

П. С. ЦЫПКИНА.

СВОДЫ ДАННЫХЪ, ДОБЫТЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМИ МАТЕРІАЛАМИ ПОКОЙНАГО КНЯЗЯ В. Н. ТЕНИШЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, д. 13

1908

LIBRARY
OCT 27 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

HD
715
T45

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1898 г. покойный князь Вячеславъ Николаевичъ Тенишевъ предпринялъ этнографическое изслѣдованіе, касающееся всѣхъ сторонъ быта великорусскаго крестьянина. Имъ была издана «Программа этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи» (Смоленскъ, 1898). Было засимъ организовано этнографическое бюро въ С.-Петербургѣ, куда присылались всѣми сотрудниками, работавшими по указанной программѣ, ихъ труды, и гдѣ должна была производиться сводка присланныхъ матеріаловъ. Основаніемъ работы сотрудниковъ было слѣдующее требованіе: «сотрудникъ долженъ помнить, что отъ него требуются факты, а не общіе выводы; поэтому къ вопросамъ программы необходимо пріурочить отдѣльныя наблюденія, поставивъ себя въ положеніе достовѣрнаго свидѣтеля о видѣнномъ и слышанномъ въ народномъ быту. Общіе же выводы будутъ сдѣланы въ центральномъ этнографическомъ бюро, въ Петербургѣ» (Программа, стр. 5). Къ сожалѣнію, огромное количество присланнаго въ бюро цѣннаго этнографическаго матеріала осталось, вслѣдствіе кончины кн. В. Н. Тенишева въ 1903 году, неразработаннымъ.

Самое бюро, какъ учрежденіе, не отличалось творческою продуктивностью и за время его дѣйствій были изданы только двѣ монографіи: «Нечистая Сила» С. В. Максимова (Спб. 1899 и 1903) и «Русская Народно-бытовая Медицина» д-ра медицины Попова (Спб. 1903), а также «Разсказы изъ народнаго быта» Анны Стеллингъ (Спб. 1903), принадлежащія перу отдѣльныхъ сотрудниковъ бюро. Все это побудило князя В. Н. Тенишева взять трудъ разработки матеріаловъ лично на себя. Подготовляв-

шійся къ печати трудъ его «Бытъ великорусскихъ крестьянъ землепашцевъ» не былъ, по случаю кончины автора, законченъ.

Послѣ смерти князя В. Н. Тенишева матеріалы этнографическаго бюро были переданы наслѣдницею покойнаго, княгинею М. К. Тенишевою, въ музей Императора Александра III, гдѣ, съ разрѣшенія администраціи музея, ихъ можетъ разрабатывать каждый, кто пожелаетъ.

Не имѣя возможности произвести разработку всего имѣющагося матеріала, авторъ настоящаго труда предпринялъ изслѣдованіе лишь о правовомъ бытѣ русскаго крестьянина. Всѣ матеріалы, касающіеся суда въ крестьянскомъ быту, послужили предметомъ книги «Правосудіе въ русскомъ крестьянскомъ быту» (Брянскъ, 1907).

Предметомъ настоящей монографіи является административное положеніе русскаго крестьянина, т. е. все то, что касается крестьянскихъ сходовъ, крестьянскихъ должностныхъ лицъ, властей, надзирающихъ за крестьянами, паспортной системы и повинностей, какія крестьяне несутъ. Весь собранный по этимъ предметамъ матеріалъ даетъ яркую характеристику безправія въ крестьянскомъ административномъ строѣ. Авторъ спѣшилъ разработкой именно этихъ матеріаловъ, во-первыхъ, потому, что, въ виду предстоящей реформы мѣстнаго и въ особенности крестьянскаго управленія, они грозятъ устарѣть; во-вторыхъ, и главное, потому, что онъ считаетъ необходимымъ подчеркнуть неотложность и коренное значеніе этой реформы. Правда, предлагаемый сводъ данныхъ содержитъ только фактическій матеріалъ, а не общіе выводы. Но авторъ не сомнѣвается, что необходимость сдѣлать сельскіе сходы только хозяйственными органами управленія общимъ имуществомъ, выдѣливъ изъ ихъ вѣдѣнія дѣла общей администраціи, ярко обрисовывается благодаря этому фактическому матеріалу. Столь же ясна и неудовлетворительность нынѣшней администраціи, надзирающей за крестьянскимъ управленіемъ.

Въ видѣ особаго приложенія къ настоящему труду издается статья П. С. Цыпкина «Опека въ русскомъ крестьянскомъ быту», имѣющая отношеніе къ вопросу о крестьянской администраціи лишь потому, что опека вѣдается сельскими сходами. Мотивомъ такого порядка изданія являлось то соображеніе, что матеріалы по гражданскому праву еще далеко не подготовлены къ печати.

Матеріаломъ какъ для «административнаго положенія», такъ и для «опеки» послужило около 100 корреспонденцій сотрудниковъ этнографическаго бюро князя В. Н. Тенишева изъ разныхъ великорусскихъ губерній. Выборки наиболѣе характерныхъ разсказовъ и сообщеній, сдѣланныя въ текстѣ, приведены съ указаніемъ, каждый разъ, губерніи и уѣзда, къ которому они относятся.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность П. С. Цыпкину за его прекрасную статью и почтить глубокой признательностью память покойной Лидіи Алексѣевны Гальпертъ, оказавшей мнѣ огромную помощь перепиской матеріаловъ, находящихся въ музеѣ Императора Александра III.

Князь В. В. Тенишевъ.

С.-Петербургъ 16 января 1908 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ статьѣ «Опека въ крестьянскомъ быту».

Весь фактическій матеріалъ, который лежитъ въ основѣ современной литературы объ институтахъ обычнаго права, исчерпывается только немногими отдѣльными частными наблюденіями и однимъ всего массовымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ пятнадцати губерніяхъ надъ рѣшеніями волостныхъ судовъ конца шестидесятыхъ и самаго начала семидесятыхъ годовъ [1]): всѣ выдающіяся работы по тѣмъ или инымъ вопросамъ обычнаго права основаны именно на такихъ единичныхъ наблюденіяхъ и матеріалахъ судебной практики, добытыхъ комиссіей сенатора Любощинскаго.

Между тѣмъ помимо своей казуистичности, противорѣчивости и несистематичности, практика волостныхъ судовъ, порою весьма неправосудная, не можетъ явиться надежнымъ источникомъ для

---

[1]) Высочайшее повелѣніе 16 декабря 1871 г. (50.309), о возложеніи на комиссію по пересмотру правилъ о волостныхъ судахъ подробнаго изслѣдованія этихъ судовъ.

изслѣдованія обычнаго права и не можетъ дать полной картины существующихъ въ деревенской Россіи обычаевъ уже въ силу того, что наиболѣе устойчивые обычаи соблюдаются населеніемъ безъ принужденія къ тому судомъ и потому весьма рѣдко до него доходятъ.

Необходимость въ иныхъ источникахъ для выясненія нормъ, которыми регулируется гражданско-правовая жизнь русскаго крестьянства, давно уже ощущается въ юридической литературѣ.

Навстрѣчу этой необходимости пошелъ князь В. Н. Тенишевъ; по его мысли и по выработанной имъ программѣ собранъ обширный и цѣнный этнографическій матеріалъ, имѣющій задачей всестороннее изслѣдованіе жизни и быта крестьянъ великорусскихъ губерній. Матеріалъ этотъ доставлялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладѣльцами, земскими начальниками, фельдшерами и отчасти самими крестьянами. Число такихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, имѣющихъ самое тѣсное и близкое отношеніе къ народной жизни, достигло по 23 губерніямъ до 350. Содержаніемъ матеріала явились главнѣйшимъ образомъ, личныя наблюденія сотрудниковъ и отчасти мѣстные печатные источники; понятно, что при такомъ способѣ выясненія обычныхъ нормъ ни одинъ существенный и распространенный обычай не могъ оказаться не внесеннымъ въ «этнографическіе матеріалы».

Настоящая работа представляетъ посильную попытку со стороны автора разобраться въ той части собраннаго княземъ В. Н. Тенишевымъ матеріала, которая касается института опеки въ крестьянскомъ быту.

П. Цыпкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе III
Предисловіе къ статьѣ «Опека въ крестьянскомъ быту» . . . V

I. Административное положеніе русскаго крестьянина.

§ 1. Законы, регулирующіе крестьянскую жизнь. Знакомство крестьянъ съ ними 1
§ 2. Крестьянскіе сходы. Ихъ устройство 4
§ 3. Внѣшняя обстановка сходовъ 5
§ 4. Составъ сходовъ. Участіе женщинъ 7
§ 5. Порядокъ созыва сходовъ. Абсентеизмъ и борьба съ нимъ —
§ 6. Компетенція сходовъ 8
§ 7. Нарушенія сходами предметовъ ихъ вѣдомства и правъ отдѣльныхъ лицъ 24
§ 8. Поведеніе крестьянъ на сходахъ. Порядокъ рѣшенія вопросовъ 32
§ 9. Вліянія, оказываемыя на постановленія сходовъ 36
§ 10. Приведеніе въ исполненіе постановленій сходовъ 43
§ 11. Власти, имѣющія отношеніе къ крестьянамъ. Сельскія и волостныя должностныя лица 44
§ 12. Общая полиція 54
§ 13. Земскіе начальники 59
§ 14. Приведеніе въ исполненіе постановленій властей. Неповиновеніе и сопротивленіе властямъ 92
§ 15. Свобода передвиженій. Паспорты 94
§ 16. Повинности въ крестьянскомъ быту. Повинности натуральныя и денежныя 96
§ 17. Воинская повинность 104
§ 18. Военно-конская повинность 112
Приложеніе къ § 17. Народныя пѣсни о военной службѣ . . . 115

II. Опека въ крестьянскомъ быту.

СТРАН.

§ 1. Опредѣленіе понятія опеки въ наукѣ гражданскаго права; опека въ оффиціальномъ законодательствѣ и судебной практикѣ; матеріальное основаніе ея; понятіе опеки въ обычномъ правѣ; немногочисленность случаевъ ея въ крестьянскомъ быту; причины немногочисленности; отрицательныя теоріи опеки; неосновательность ихъ. Значеніе опеки въ крестьянскомъ быту по этнографическимъ матеріаламъ. Различныя названія для обозначенія опеки 130

§ 2. Учрежденіе опеки; виды ея: 1) tutela testamentaria; 2) tutela legitima; материнская опека, опека отчима, опека родственниковъ; 3) tutela dativa: большая и малая семья; число опекуновъ; самоустраненіе и устраненіе опекуновъ 135

§ 3. Общественное призрѣніе и частная благотворительность у крестьянъ; организація ихъ. Различіе между мальчиками и дѣвочками въ отношеніи попеченія и опеки 146

§ 4. Порядокъ избранія опекуна 148

§ 5. Обязанности опекуна: 1) попеченіе о лицѣ, 2) управленіе имуществомъ малолѣтнихъ и распоряженіе имъ. Наслѣдованіе опекуномъ имущества опекаемыхъ, въ частности слабоумныхъ 150

§ 6. Вознагражденіе опекуновъ: виды его; присвоеніе опекунами имущества малолѣтнихъ сиротъ въ цѣломъ 152

§ 7. Отчетность по опекѣ; время и мѣсто представленія отчетовъ; содержаніе ихъ; формы, словесныя и письменныя. Безотчетная опека 154

§ 8. Отвѣтственность опекуновъ; немногочисленность случаевъ ея: причины; примѣры невмѣшательства общества въ дѣла опеки. Виды отвѣтственности и ея послѣдствія. Порядокъ привлеченія къ отвѣтственности опекуна 156

§ 9. Прекращеніе опеки; достиженіе совершеннолѣтія, вступленіе въ бракъ, какъ причины прекращенія опеки; выбытіе опекуна съ замѣной его новымъ; послѣдствія прекращенія опеки 159

§ 10. Опека по особымъ основаніямъ; виды ея; послѣдствія установленія опеки по особымъ основаніямъ 161

§ 11. Заключеніе 163

I.

Административное положеніе русскаго крестьянина.

§ 1. Законы, регулирующіе крестьянскую жизнь. Знакомство крестьянъ съ ними.

Законы, болѣе всего регулирующіе жизнь крестьянъ великорусскихъ губерній, суть:

1. Общее положеніе о крестьянахъ, изд. 1902 г.

2. Положеніе о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ въ собственность, изд. 1902 г.

3. Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, изд. 1902 г.

4. Положеніе объ установленіяхъ. завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами, изд. 1902 г.

5. Положеніе о видахъ на жительство и

6. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Знаніе крестьянами законовъ крайне ничтожно.

«Крестьяне не только не знакомы съ общими гражданскими и уголовными законами, но даже не знакомы съ самыми элементарными законами, съ которыми имъ постоянно приходится сталкиваться. Во многихъ случаяхъ единственнымъ закономъ является постановленіе міра, иногда прямо противозаконное, напримѣръ: обезземелить того или другого крестьянина, хотя законъ положительно запрещаетъ это» (Орловская губ., Кромской у.).

Лучше другихъ законовъ крестьяне знаютъ, конечно, тѣ, съ которыми чаще сталкиваются, напримѣръ, о главныхъ предметахъ

вѣдомства сельскихъ сходовъ (распоряженіе оставшимися праздными участками мірской земли, назначеніе сборовъ на мірскіе расходы, мѣры къ предупрежденію и взысканію недоимокъ, учетъ выборныхъ должностныхъ лицъ), о правахъ старшинъ и старостъ подвергать крестьянъ административнымъ взысканіямъ, о тѣхъ же правахъ земскихъ начальниковъ (отмѣненныхъ 5 октября 1906 г.), о выборахъ сельскихъ должностныхъ лицъ (Тверская губ., Корчевской у.).

Впрочемъ, и здѣсь не обходится безъ грубыхъ ошибокъ; привожу характерный разсказъ:

«Въ февралѣ мѣсяцѣ сего года земскій начальникъ далъ распоряженіе старшинамъ обязать пожарныхъ старостъ слѣдить за крестьянами по исполненію ими правилъ предосторожности отъ пожара, а главное, чтобы были посажены раннею весною при каждомъ домѣ березки и поставлены кадки съ водою и швабрами. 11 іюня приходитъ въ Ивановское волостное правленіе пожарный староста изъ деревни Чукши, находящейся отъ правленія въ двухъ верстахъ разстоянія. Тамъ былъ и земскій начальникъ, къ которому староста обратился: «Ваше благородіе, я съ полицейскимъ привелъ подъ арестъ крестьянъ за то, что не посадили березки, пусть посидятъ сутокъ пять; надо бы на семь, да думаю,—время-то теперь не такое». Земскій начальникъ изумляется:—Да гдѣ же они у тебя?

Пожарный староста:—Здѣсь въ сѣняхъ.

Начальникъ:—Позови! Приходятъ. Начальникъ:—Какъ же вы пожарнаго старосту не слушаетесь? Крестьяне:—Некогда было, ваше благородіе, въ заработкѣ были; а я, говоритъ одинъ крестьянинъ, посадилъ да повяли, такъ онъ меня опять заставляетъ. Крестьяне: (всѣ)—Отпустите, ваше благородіе,—мы исправимъ. Начальникъ:—Я не знаю, дѣло пожарнаго старосты, просите его. Крестьяне обращаются къ пожарному старостѣ:—Отпустите насъ, Павелъ Степановичъ, вѣдь, что исправимъ. Пожарный староста:—Опять обманете. Крестьяне:—Да нечто при начальникѣ можно обманывать? Пожарный староста: Ну, ладно, ужъ отпущу, только чтобы было исправлено, а то опять арестую, тогда ужъ не прощу. Начальникъ ухмыляется, а писарь волостной смѣется.

Послѣ ухода земскій начальникъ спросилъ старшину,—почему пожарный староста думаетъ, что онъ можетъ садить подъ арестъ? Старшина:—Намедни приходитъ онъ въ правленіе съ жалобой, а мы съ писаремъ и сказали, что если кто не будетъ слушаться—гони подъ арестъ (Новгородск. губ., Череповецкій у.).

Засимъ нельзя отрицать, что крестьяне имѣютъ нѣкоторыя смутныя общія понятія о подсудности волостныхъ судовъ съ одной

стороны и общихъ (окружныхъ) судовъ съ другой по дѣламъ уголовнымъ и знаютъ, что волостной судъ приговариваетъ къ аресту и къ штрафу, а окружной можетъ приговорить и въ арестантскія отдѣленія и въ Сибирь на каторгу (Новгородск. губ., Тихвинскій у.).

Тѣмъ не менѣе непониманіе даже того, что говорится на судѣ, доходитъ иногда до смѣшного.—Спрашиваешь: Ну, какъ твои дѣла въ городѣ?—Слава Богу, оправдался, безъ послѣдствій остался.—Наводишь справку и оказывается, что мужику этому сидѣть подъ арестомъ или въ тюрьмѣ, а безъ послѣдствій оставили его жалобу. (Рязанск. губ. Скопинск. у.).

Есть, конечно, и среди крестьянъ, знающіе законы сравнительно недурно, но и это относительное знаніе въ общемъ ничтожно. Кое-чему научатся тѣ изъ крестьянъ, которые попадутъ въ присяжные засѣдатели. Побывавшіе въ присяжныхъ засѣдателяхъ крестьяне (куда назначаются болѣе опытные), разсказываютъ своимъ односельчанамъ о разобранныхъ дѣлахъ и наложенныхъ наказаніяхъ и черезъ то знакомятъ съ порядками своихъ слушателей (Новгородск. губ., Тихвинск. у.). — Другіе законовѣды - самоучки чаще всего приносятъ своимъ односельчанамъ одинъ только вредъ. Законами занимаются тѣ изъ крестьянъ, которые мало понимаютъ въ нихъ, ходятъ ходатаями и руководятъ обществами, часто разоряя ихъ безъ всякой пользы (Нижегородск. губ., Макарьевск. у.).

Привожу еще характерный отзывъ о крестьянахъ - законовѣдахъ:

«Теоретически крестьяне съ закономъ совершенно незнакомы, но въ средѣ ихъ иногда встрѣчаются законовѣды-практики, которые, не умѣя точно указать законъ, безошибочно угадываютъ исходъ того или другого дѣла. При этомъ они руководствуются аналогичными случаями, имѣвшими мѣсто ранѣе. Такъ, напримѣръ, за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ такой-то крестьянинъ былъ подвергнутъ извѣстному наказанію, а такъ какъ подлежащее обсужденію дѣло во всемъ сходно съ первымъ, то очевидно, что виновный въ настоящемъ случаѣ понесетъ одинаковое съ первымъ наказаніе и т. д. Въ приговорахъ, составляемыхъ на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, законы, какъ мотивъ, почти никогда не приводятся, а при произнесеніи приговоровъ волостнымъ судомъ необходимые законы подбираются волостнымъ писаремъ. Судьи же, развѣ только прослуживъ нѣсколько лѣтъ, пріобрѣтаютъ нѣкоторое знакомство съ закономъ. Приговоры волостного суда въ большинствѣ случаевъ ссылаются на временныя правила о волостномъ судѣ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. При

подыскиваніи статей закона въ томъ или другомъ случаѣ волостной писарь руководствуется въ большинствѣ случаевъ алфавитнымъ указателемъ и пользуется первыми попавшимися изъ нихъ, лишь бы они только отчасти подходили къ данному случаю. Незнакомство крестьянъ съ закономъ позволяетъ писарю руководствоваться въ такихъ случаяхъ исключительно личнымъ благоусмотрѣніемъ. По той же причинѣ въ аппеляціонныхъ жалобахъ крестьянъ, приносимыхъ въ уѣздный съѣздъ, никогда не встрѣчается указаній на неправильное примѣненіе въ томъ или другомъ случаѣ извѣстной статьи (Рязанск. губ., Зарайск. у.).

§ 2. Крестьянскіе сходы. Ихъ устройство.

Административное устройство русскаго крестьянина сводится въ общихъ чертахъ къ положеніямъ о сельскомъ и волостномъ управленіи. Крестьяне образуютъ общества сельскія и волостныя. Сельскія общества суть одновременно органы, завѣдывающіе находящейся во владѣніи крестьянъ надѣльной землею, и органы, осуществляющіе обще-административныя функціи крестьянскаго управленія. Установленіемъ, рѣшающимъ дѣла сельскаго общества, является сельскій сходъ.

Волостное общество есть совокупность цѣлаго ряда смежныхъ между собою сельскихъ обществъ. Оно управляется волостнымъ сходомъ.

Привожу руководящія статьи Общаго положенія о крестьянахъ изданія 1902 года (т. IX Св. Зак. Особ. Прил.).

47. Крестьяне составляютъ по дѣламъ хозяйственнымъ сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда соединяются въ волости.

48. Сельское общество можетъ состоять либо изъ цѣлаго селенія, либо изъ одной части разнопомѣстнаго селенія, либо изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности смежныхъ и, во всякомъ случаѣ, ближайшихъ между собой поселковъ, пользующихся всѣми угодьями или нѣкоторыми изъ нихъ сообща, или же имѣющихъ другія общія хозяйственныя выгоды.

49. Волости образуются изъ состоящихъ въ одномъ уѣздѣ и, по возможности, смежныхъ сельскихъ обществъ. При соединеніи въ волости сельскія общества не раздробляются.

57. Сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и, кромѣ того, изъ всѣхъ назначенныхъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ.

71. Въ сельскихъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ, имѣющихъ отдѣльное владѣніе землею, селеній или частей селеній, раскладка причитающихся съ этихъ селеній или частей ихъ окладныхъ сборовъ между домохозяевами производится селенными сходами подлежащаго селенія или части его.

Таково спеціальное назначеніе селеннаго схода, что при будущемъ изложеніи необходимо постоянно имѣть въ виду.

72. Селенный сходъ образуется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу селенія, имѣющаго отдѣльное владѣніе землею.

86. Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ по выбору и исчисленныхъ въ ст. 180, и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія и поселка, къ волости принадлежащаго, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ.

87. Отъ поселка, выселка, хутора починка, застѣнка, односелья и прочее, гдѣ менѣе 10 дворовъ, предоставляется посылать на волостной сходъ по одному выборному.

89. Переселенческія товарищества крестьянъ, пріобрѣвшихъ земли съ содѣйствіемъ Крестьянскаго поземельнаго банка, посылаютъ представителя своего на волостные сходы.

Всѣ изложенныя общія положенія на практикѣ примѣняются повсемѣстно и этнографическіе матеріалы подтверждаютъ это. Какихъ либо характерныхъ отступленій отъ этихъ основныхъ началъ мною встрѣчено не было.

§ 3. Внѣшняя обстановка сходовъ.

Въ большинствѣ случаевъ относительно мѣста сходовъ можно вывести изъ имѣющихся данныхъ слѣдующія общія заключенія. Сельскіе сходы происходятъ лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, зимою—въ избѣ старосты или въ спеціально нанятомъ сараѣ, или «шумовой избѣ» или «караулкѣ», иногда въ помѣщеніи школы. Волостные сходы происходятъ большею частью въ зданіи волостного правленія. Число разъ въ году, въ кои созываются сходы, точно опредѣлить трудно; оно колеблется между 7 — 10 и болѣе днями сельскихъ и 2—4 днями волостныхъ сходовъ.

Время дня, въ какое происходятъ сходы, нельзя считать опредѣленнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ констатируются дневныя собранія, въ другихъ—вечернія, иногда заходящія за полночь. Все зависитъ отъ времени созыва схода и быстроты сбора народа. Бываетъ, что участники собираются въ $^1/_2$ часа послѣ созыва,

бываетъ, однако, и такъ, что раньше чѣмъ соберется законный составъ ($^1/_2$ общаго числа, ст. 64 Общ. Пол., а не $^2/_3$, какъ утверждаютъ нѣкоторые корреспонденты), пришедшіе первыми ждутъ иногда съ полудня до вечера. Волостные сходы собираются въ дни и часы, опредѣляемые на практикѣ земскими начальниками, отъ которыхъ зависитъ, по закону, согласіе на созывъ волостного схода. (Ст. 92 Общ. Пол.).

На сельскіе сходы, а уже тѣмъ болѣе на селенные, крестьяне идутъ обыкновенно въ будничной одеждѣ. Впрочемъ, болѣе зажиточные иногда принаряжаются. При явкѣ на волостные сходы, наоборотъ, лучшая одежда составляетъ общее правило. Привожу характерное описаніе одного волостного схода.

«Идя на сходъ, крестьяне надѣваютъ праздничную одежду: нагольные полушубки и полушубки, покрытые чернымъ, синимъ и сѣрымъ сукномъ, чортовой кожей и казинетомъ, головы у большинства намазаны коровьимъ масломъ, волосы расчесаны на прямой проборъ, на шеяхъ красные и сѣрые шарфы, подъ кушаки заткнуты рукавицы, а у иныхъ, пришедшихъ издалека, кромѣ рукавицъ подъ кушакомъ мѣшочки съ хлѣбомъ. У старостъ и волостныхъ судей на грудь пришпилены значки, присвоенные ихъ должности: у двухъ старостъ знаки повѣшены на шею при помощи тонкой бичевочки (описываю сходъ 23 декабря 1898 года)» (Новгородск. губ., Череповецк. у.).

Присутствіе постороннихъ лицъ на сходѣ, въ видѣ общаго правила, допускается, равно и присутствіе женщинъ, но, конечно лишь въ качествѣ зрителей, безъ права участія въ обсужденіи дѣлъ. Впрочемъ, допущеніе постороннихъ существуетъ далеко не повсемѣстно. Безусловное недопущеніе бабъ къ присутствію на сходахъ въ единичныхъ случаяхъ прямо отмѣчается (Пензенск. губ., Чембарск., Городищенск. у.). Но есть и противоположныя указанія: «женщины присутствуютъ на сходѣ даже при мужьяхъ и нерѣдко спорятъ съ ними и съ другими членами схода» (Новгор. губ., Череповецк. у.).

Пьяные на сходахъ—не рѣдкость. Нѣкоторые корреспонденты говорятъ, что пьяныхъ терпятъ на сельскомъ сходѣ, но не на волостномъ (Ярославск. губ., Бѣлозерск. у.). Есть указаніе, что крестьянъ, когда они ругаются, уводятъ со схода и сажаютъ въ холодную (Орл. губ., Болховск. у.). Указанія эти о репрессіяхъ по отношенію къ пьянымъ носятъ единичный характеръ, а самый фактъ частаго появленія пьяныхъ членовъ на сельскихъ сходахъ единогласно подтверждается всѣми имѣющимися матеріалами.

§ 4. Составъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Участіе женщинъ.

Ст. 57 Общ. Пол. о крестьянахъ, изд. 1902 года, говоритъ: «Сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и, кромѣ того, изъ всѣхъ назначенныхъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ. Не воспрещается домохозяину, въ случаѣ отлучки, болѣзни или вообще невозможности лично явиться на сходъ, присылать вмѣсто себя кого либо изъ членовъ своей семьи: съ дворовъ же многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ». Такимъ образомъ, въ текстѣ закона не содержится ни запрещенія участія въ сходѣ женщинамъ-домохозяйкамъ, ни запрещенія замѣны женами на сходахъ ихъ отсутствующихъ мужей. По почти единогласному свидѣтельству источниковъ, и то и другое существуетъ повсемѣстно. Примѣры недопущенія женщинъ, указанные мною въ предыдущемъ §, если только они касаются не постороннихъ женщинъ, а участницъ схода, должны быть признаны нарушеніемъ смысла закона. Но практика знаетъ даже допущеніе на сходы малолѣтнихъ, когда они—старшіе въ семьѣ, напр. допущеніе 14-лѣтняго мальчика, сироты (Жиздринск. у.).

Составъ волостного схода опредѣляется приведенною выше ст. 86 Общ. Пол., къ которой возвращаться не буду. По единогласному отзыву источниковъ, женщинъ въ число «десятидворныхъ» на практикѣ никогда не выбираютъ.

§ 5. Порядокъ созыва сходовъ. Абсентеизмъ и борьба съ нимъ.

Сельскій сходъ созывается, смотря по надобности, старостою, преимущественно въ дни воскресные или праздничные (Общ. Пол. ст. 60). Земскій участковый начальникъ, когда представляется надобность, приказываетъ также сельскому старостѣ или другому должностному лицу собрать сельскій сходъ (т. же ст. 61).—Селенный сходъ созывается сельскимъ старостою (ст. 73). Для собранія волостныхъ сходовъ въ тѣхъ волостяхъ, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, назначаются земскимъ участковымъ начальникомъ, по представленію волостного старшины, особые сроки. Если бы представилась надобность собрать сходъ не въ назначенный для сего срокъ, то такое собраніе схода дѣлается съ вѣдома и согласія земскаго участковаго начальника (ст. 92).

Самый созывъ сельскаго схода производится въ огромномъ большинствѣ случаевъ устно, посредствомъ обхода всѣхъ домовъ сельскими десятскими, волостного — иногда устно черезъ старостъ, но чаще письменно, посредствомъ особыхъ увѣдомленій. Есть случаи, — правда, довольно рѣдкіе,—когда всѣ сходы созываются письменно посредствомъ особыхъ ярлыковъ (Саратовск. губ., Хвалынскій у.). Этотъ способъ даетъ возможность точно опредѣлить, кто именно, получивъ повѣстку, не явился на сходъ.

Насколько развитъ у крестьянъ интересъ къ общественному дѣлу и охотно ли, въ видѣ общаго правила, крестьяне идутъ на сходы, опредѣлить съ достовѣрностью трудно. Нѣкоторые матеріалы указываютъ на слабое и неохотное посѣщеніе сходовъ— вплоть до такого, что ради полученія законнаго состава схода приходится вызывать крестьянъ по нѣсколько разъ; другіе, наоборотъ, констатируютъ нормальное посѣщеніе домохозяевами сходовъ. Посѣщеніе волостныхъ сходовъ, въ видѣ общаго правила, болѣе аккуратно, чѣмъ сельскихъ. Засимъ, конечно, играетъ роль степень важности и интереса дѣла, подлежащаго обсужденію. Наконецъ, крестьяне лучше идутъ на сходъ, когда предстоитъ по окончаніи ея попойка, и совсѣмъ неохотно, когда сходъ собранъ ради ускоренія платежа повинностей (Калужск. губ., Козельск. у.). Какъ на любопытный мотивъ аккуратнаго посѣщенія схода, одинъ изъ корреспондентовъ указываетъ на нежеланіе быть избраннымъ на какую либо должность безъ собственнаго согласія (Новгор. губ., Череповецк. у.).

Мѣры противъ абсентеизма крестьянъ на сходахъ принимаются иногда репрессивныя. Такъ, за неявку безъ уважительной причины на сходъ староста, а иногда земскій начальникъ, подвергаетъ виновнаго штрафу или аресту въ административномъ порядкѣ (Новгородск. губ., Тихвинск. у.). Бываетъ также, что штрафъ этотъ идетъ въ пользу общества и имъ пропивается. Надо, однако, отмѣтить, что штрафъ за неявку на сходъ далеко не составляетъ общаго явленія (ср. Вологодск. губ., Кадников. у.).

§ 6. Компетенція сельскихъ сходовъ.

Согласно закону (ст. 62 Общ. Пол. о крестьянахъ изд. 1902 года) вѣдѣнію сельскихъ сходовъ подлежатъ:

1. Выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и назначеніе выборныхъ на волостной сходъ, а въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, также избраніе кандидатовъ въ волостные судьи.

2. Удаленіе изъ крестьянскаго общества тѣхъ изъ проживающихъ въ средѣ онаго, дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности; временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не далѣе чѣмъ на три года;

3. Увольненіе изъ общества членовъ его и пріемъ новыхъ.

4. Отобраніе паспортной книжки и другія дѣла, предоставленныя вѣдѣнію схода на основаніи Положенія о видахъ на жительство.

5. Назначеніе опекуновъ и попечителей, повѣрка ихъ дѣйствій и разрѣшеніе дѣлъ, указанныхъ въ примѣчаніи 2 къ ст. 1.

6. Разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ (что отмѣнено указомъ 5 октября 1906 года).

7. Дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею.

8. Дѣла о переименованіи селенія въ городъ.

9. При участковомъ и подворномъ пользованіи мірскою землей распоряженіе участками мірской земли, по какому либо случаю остающимися праздными или несостоящими въ подворномъ пользованіи.

10. Совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ.

11. Принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ, по дѣламъ общества, черезъ особыхъ выборныхъ.

12. Назначеніе сборовъ на мірскіе расходы.

13. Раскладка всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ окладныхъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей, и порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ сборамъ.

14. Учетъ должностныхъ лицъ, сельскимъ обществомъ избранныхъ, и назначеніе имъ жалованія или иного за службу вознагражденія.

15. Дѣла по отбыванію воинской повинности, въ той степени, въ какой они касаются сельскаго общества.

16. Принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недоборовъ и недоимокъ.

17. Дѣла, касающіяся продовольствія, подробно перечисленныя.

18. Дачи довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ

и 19. Всѣ тѣ случаи, когда, по общему закону или по правиламъ положеній о крестьянахъ, требуется согласіе или разрѣшеніе сельскаго общества.

Сельскіе сходы обсуждаютъ, какъ видно, весьма обширный кругъ дѣлъ.

По многимъ изъ перечисленныхъ разрядовъ дѣлъ имѣющіеся матеріалы даютъ характерныя указанія на то, какимъ образомъ крестьяне пользуются своими правами. Нельзя сказать, чтобы примѣры эти приводили къ отраднымъ выводамъ.

Въ первомъ же дѣлѣ, болѣе всего затрогивающемъ интересы общества,—въ выборѣ сельскихъ должностныхъ лицъ, приходится констатировать весьма слабое пониманіе крестьянами его значенія. Слабое сознаніе смысла выборнаго акта—общее явленіе. Но характерна не столько даже слабая сознательность выборовъ, сколько общее нежеланіе крестьянъ служить по выборамъ. Можно указать единичные случаи угощенія схода водкой за избраніе (Пензенская губ., Краснослоб. уѣздъ), но гораздо чаще — угощеніе за избавленіе отъ выбора. Возможны и употребительны на практикѣ такіе пріемы: выборъ старостъ по очереди изъ опредѣленныхъ семей или опредѣленныхъ поселковъ (Новгородск. губ., Череповецк. у.); умышленный выборъ нежелающихъ служить, дабы они откупались отъ должности угощеніемъ схода водкой (Череповецкій у.); «до тѣхъ поръ все выбираютъ иного, покуда наткнутся на такого, который откажется поднести имъ водки: вотъ того и выбираютъ уже старостой» (Орловская губ., Кромск. у.). Наиболѣе характерные разсказы, касающіеся выборовъ на сельскихъ сходахъ, привожу цѣликомъ.

«При выборѣ старосты не обращается никакого вниманія на нравственныя качества и имущественное положеніе избираемаго, а просто соблюдается строгая очередь, такъ что выборъ старосты правильнѣе будетъ называть назначеніемъ: никакого выбора не происходитъ, всѣ раньше знаютъ, «чья очередь садиться въ старосты», и сходъ собирается лишь за тѣмъ, чтобы подписать приговоръ. Очередь держится только между такими семействами, въ которыхъ не одинъ, а два и болѣе мужчины-работника; «одиночки», т. е. единственные работники въ семьѣ, въ старосты не избираются,—по большей части избираютъ въ полицейскіе десятскіе, но тоже съ соблюденіемъ очереди» (Черепов. у.).

«Крестьяне деревни Енюкова, второй Петреневской волости весной настоящаго года собрались какъ бы на сходъ. Сельскаго старосты не было. Въ этой толпѣ два-три человѣка говорили о выборѣ пожарнаго старосты. Остальные тихо вели разговоры.—«А что, міряне, давайте выберемъ въ пожарные старосты Любимцева, онъ все равно не сядетъ—такъ откупится. Любимцевъ пріѣхалъ на-время, живетъ на сторонѣ. А потомъ пойдемъ къ Марьѣ Шапырихѣ, та тоже не сядетъ и дастъ намъ горлышко промочить»,—говоритъ одинъ довольно громко изъ толпы.—Теперь

не время выбирать, добавляетъ одинъ голосъ, да и къ тому же этимъ лицамъ не въ очередь. Да вѣдь ты слышалъ, что этотъ выборъ не въ забыль, говоритъ первоговорившій.—Такъ согласны что ли, братцы?—«Согласны, кричатъ 5—6 голосовъ. Отдѣляются изъ толпы говорившій и два крестьянина и идутъ къ пожарному старостѣ: взяли со стѣны доску «пожарный староста» и принесли къ Любимцеву—говорятъ: принимай доску, тебя міръ въ пожарные старосты избралъ. Любимцевъ изумляется и говоритъ: «Да что жъ вы, братцы, вздумали, вѣдь я не могу исполнить».—«А какъ же мы-то исполняемъ, говорятъ крестьяне. Давай на $^1/_2$ ведра, другого найдемъ». Любимцевъ выдалъ. Пошли къ Шапырихѣ, и тамъ тотъ же разговоръ. Получили на четвертную. Та при выдачѣ денегъ заплакала и сказала: «На-те, міроѣды вы эдакіе, дерите послѣднюю кожу, чтобъ вамъ захлебнуться и издохнуть». На эти деньги купили вина и всѣ участвовавшіе въ толпѣ выпили. Когда дошли слухи до земскаго начальника, то по опросѣ каждый участвовавшій въ попойкѣ не призналъ себя виновнымъ и всю вину свалилъ на общество». (Новгор. г., Череповецк. у.).

«Въ земской мы застали старшину, волостного и сельскаго писарей и человѣкъ до 60 крестьянъ. Одни сидѣли на лавкѣ, другіе на полу въ довольно обширной, тускло освѣщенной избѣ. Нѣкоторые курили, иные смѣялись плоскимъ каламбурамъ своихъ товарищей, а болѣе солидные и почтенные, поникнувъ головой, сосредоточенно и упорно молчали. Въ общемъ слышенъ былъ безпорядочный гулъ, въ которомъ не было возможности разобраться, кто о чемъ бесѣдуетъ, только можно было понять, что разговоръ идетъ далеко не о тѣхъ дѣлахъ, за которыми стеклись сюда представители общества. Тѣмъ временемъ старшина учиталъ сборщика; рядомъ съ нимъ сидѣлъ мужикъ молодой, видимо чѣмъ-то озабоченный. Учетъ былъ произведенъ благополучно: у сборщика недочетовъ не оказалось (а это бываетъ не часто), подготовительныя работы писаря окончены. Ударомъ линейки по столу молодой писарь далъ знать о началѣ засѣданія и, попросивъ присутствующихъ подойти ближе къ столу, началъ звучнымъ голосомъ вычитывать оклады должностнымъ лицамъ, раскладку сборовъ и т. д. (сельскому писарю 10 р., старостѣ и сборщику по 30 р., церковному сторожу 40 р.). Все было спокойно и безъ замѣчаній выслушано и единогласно утверждено. Наконецъ начали чтеніе приговора утверждающаго сборщика. «Православные», раздался просящій голосъ задумавшагося мужика, сидѣвшаго рядомъ со старшиной, «да неужели-то кромѣ меня некому быть сборщикомъ? Всѣ знаютъ, что я человѣкъ одинокій, зачѣмъ же меня выбирать. Аль по слу-

чаю тому, когда я былъ на работѣ и прошлый разъ меня на сходѣ замѣняла баба?» (За отсутствіемъ мужчины женщина имѣетъ право голоса на сходѣ, а всякій посторонній можетъ присутствовать безпрепятственно). Мнѣ и не пришло время быть сборщикомъ, не старъ, успѣю отправить свою очередь. А теперь мнѣ большой расходъ, долженъ работника нанять, сыну всего 7 лѣтъ. Да и очередь то не моя, есть въ обществѣ люди семейные, по три работника въ семьѣ; пусть хоть сынъ-то подростетъ, до 15 лѣтъ, тогда я ни слова не скажу. Долго еще продолжалъ мужичокъ упрашивать міръ православный освободить его отъ несвоевременнаго назначенія, не въ очередь, но никто ни слова не молвилъ, ни участія, ни противорѣчія. Молчаніе было отвѣтомъ. Писарь дочитывалъ приговоръ. Мужикъ нѣсколько разъ прерывалъ его, умоляя мірянъ все тѣмъ же плачевнымъ голосомъ отмѣнить избраніе, но всякій боялся за себя. Видя, что просьбы не дѣйствуютъ, тотъ разсердился, и началъ отпускать по адресу однообщественниковъ довольно энергичныя угрозы. «Такъ вамъ охота меня разорить? Вы завидуете моей исправности. Не придется, ладно; смотрите теперь въ оба, не пеняйте: у меня потачки никому не будетъ, да и другой не отвертится отъ должности не въ очередь». Но угрозы не подѣйствовали, сходъ единогласно постановилъ и никто не догадался сдѣлать переголосовки. Меня удивила такая настойчивость міра. За разъясненіемъ я обратился къ одному изъ молодыхъ мужиковъ.

— Зачѣмъ вы сдѣлали избраніе не въ очередь?

— За горло,—отвѣчалъ сосѣдъ, онъ много оретъ на сходѣ и старается сдѣлать по-своему. Изъ-за него Иванъ Колобъ выключенъ изъ волостныхъ судей, вотъ теперь тотъ ему и досадилъ. Но вотъ наступилъ давно всѣми ожидаемый моментъ: получка на неизбѣжную водку—чай со всѣхъ должностныхъ лицъ. Здѣсь проявился у большинства самый живѣйшій интересъ къ дѣлу. Съ видомъ серьезнаго возбужденія начали настаивать на прибавкѣ въ 60 коп. къ обычнымъ 3 р. 40 коп., раньше получавшимся со старосты и сборщика изъ ассигнуемаго имъ жалованія по 30 р. каждому, въ виду того, что водка вздорожала до 4 р. ½ ведра. Вновь утвержденный староста безпрекословно отдалъ 4 р. (мужикъ честолюбивый и былъ радъ избранію въ старосты), хотя старшина замѣтилъ, взглянувъ на меня, что финансовыя операціи лучше производить не у всѣхъ на глазахъ, ибо это можетъ дойти до начальства, и составленные приговоры могутъ оказаться недѣйствительными. Получатели даровщики немедленно удалились въ другую комнату, откуда слышалась рѣчь сборщика, который все еще не могъ по-

мириться съ назначеніемъ не въ очередь. Слышно было, какъ онъ категорически заявилъ, что цѣна водки зависитъ не отъ него. Я замѣтилъ сосѣду, что вотъ благопріятная минута для сборщика, чтобы избавиться отъ должности: стоитъ только обществу не дать «на чай».—«Ну, этого нельзя, замѣтилъ мужичокъ,—безъ этого жалованія никакого не назначатъ, заставятъ служить даромъ». Наконецъ приговоры подписаны, деньги собраны, настало время дѣлежа. Писарь насчиталъ 70 человѣкъ присутствующихъ изъ 160 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса. Я замѣтилъ писарю, что число присутствующихъ не составляетъ законнаго числа домохозяевъ, т. е. половины, требуемой для разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ.—«У насъ все сойдетъ»,—иронически отвѣтилъ тотъ. И дѣйствительно, сошло.—На каждаго изъ присутствующихъ пришлось по 12 коп., которыя были расхватаны съ такой поспѣшностью, какъ будто это была главная цѣль собранія. Сходъ безъ даровщинки еще малочисленнѣе, еще монотоннѣе. Чтобы собрать полный сходъ, когда это необходимо, отбирается у каждаго домохозяина подписка о явкѣ. Пьяные на сходѣ рѣдкое исключеніе, а послѣ схода сколько угодно. Сходы собираются только по приказанію начальства, въ силу необходимости или по личной нуждѣ, напримѣръ при раздѣлѣ. Селенные сходы бываютъ еще рѣже и именно когда у нѣкоторыхъ истощатся хозяйственные реестры и является необходимость пополнить ихъ продажею лѣсной дачи. Вопросы сходовъ ограничиваются назначеніемъ должностныхъ лицъ, окладовъ, наймомъ квартиръ, раскладкою податей и тому подобными денежными дѣлами». (Олонецкая губ., Вытегорскій уѣздъ).

«1898 года 14 декабря происходилъ сельскій сходъ по поводу выбора старосты, сборщика и другихъ. Сельское правленіе было биткомъ набито крестьянами: шумъ, говоръ. Но вотъ входитъ староста со знакомъ на груди, за нимъ сельскій писарь, садятся въ большой уголъ подъ образами, и все какъ будто стихаетъ. А староста, поглаживая свои усы, посматриваетъ во всѣ стороны. Тамъ и сямъ начинается говоръ и шумъ. Вдругъ староста встаетъ и говоритъ:—«Тише, старики, сейчасъ будемъ читать предписаніе начальства, слушайте и понимайте», а потомъ, принявъ грозный видъ, сказалъ: — «кто будетъ разговаривать, того сейчасъ въ кутузку. Начинай читать». Когда сельскій писарь кончилъ читать предписаніе волостного правленія о переборѣ служащихъ лицъ, староста сказалъ: «Вотъ, старики, нужно выбрать новаго старосту—я, слава Богу, отслужилъ трехлѣтіе.—сборщика (сотскаго), десятскихъ, пожарныхъ старостъ. Начинайте со старосты; смотрите, чтобы выбрали ладнаго; вотъ я, благодаря Бога, отслужилъ, а въ кутузку не са-

живалъ. Кого же въ старосты, старики?» — Александра Шилова! — кричало большинство. — Ерасима Сирикова! — кричали другіе. Александръ Шиловъ подошелъ къ столу, что-то шепнулъ старостѣ и писарю, послѣ него подошелъ и Герасимъ Сириковъ. Тогда староста вышелъ изъ-за стола, вызвалъ нѣсколькихъ воротилъ, которые и до сихъ поръ еще не вывелись, пошептался съ ними и сѣлъ на старое мѣсто, а одинъ изъ такихъ міроѣдовъ, очень ловкій и расторопный мужикъ, обратился къ сходчикамъ и сказалъ: — А вишь что, братанушки, старики — Шилову-то рано служить, брата можетъ быть на осень возьмутъ въ солдаты, а у Сирикова хожъ и два парня, да вѣдь второй хромой — худой работникъ, а самъ устарѣлъ — ихъ нужно оставить». Сходчики поняли, что тѣ откупаются, и согласились оставить ихъ. Такъ перебрали человѣкъ 15 и остановились на одинокомъ крестьянинѣ Иванѣ Кичковѣ, лѣтъ 50. Какъ ни просилъ онъ сходчиковъ, но напрасно. — «Пожалѣйте, старики, меня, говорилъ онъ, вѣдь у меня Васькѣ-то всего 14-й годъ, у меня хозяйство опустѣетъ». Какъ ни просилъ, какъ ни клялся — выбрали. Въ такомъ же родѣ продолжались и слѣдующіе выборы, перебирали почти каждаго. Наконецъ сходъ сталъ расходиться, и всѣ стали собираться въ другую избу выпить и закусить кренделями. Несмотря на штрафы и аресты, взятки среди крестьянъ еще не вывелись, только теперь денежки берутся втихомолку и пропиваются послѣ схода, а не тутъ же, какъ было лѣтъ 10 тому назадъ, когда при выборахъ гулялъ синій стаканчикъ изъ рукъ въ руки сходчиковъ. Съ попойки крестьяне уходятъ съ пѣснями и руганью, захвативъ съ собой кренделей. — Зачѣмъ вы выбрали въ старосты Кичкова? — спросилъ я у крестьянина. — Да какъ же не выбрать, у него годы уходятъ, да къ тому же вѣдь и не далъ на крендели — упрямъ ужъ больно, такъ вотъ и пусть онъ послужитъ». (Олонецкая губ., Пудожск. у.).

Къ учету должностныхъ лицъ крестьяне нерѣдко относятся равнодушно. Есть примѣры, что учетъ утверждается безъ просмотра, и крестьяне говорятъ старостѣ: — Мы вамъ вѣримъ (Пензенск. губ., Керен. у.). На волостныхъ сходахъ обыкновенно для учета старшины выбираются особые учетчики, провѣряющіе его отчетъ. Привожу нѣсколько примѣровъ сходовъ, производившихъ учетъ должностныхъ лицъ, раскладку сборовъ, выборы, а также примѣры равнодушія сходовъ къ школьному дѣлу.

«У насъ учетъ волостному старшинѣ въ собранныхъ и израсходованныхъ имъ денежныхъ суммахъ заранѣе приготовляется волостному сходу волостнымъ писаремъ при участіи самого старшины, утверждается всѣми присутствующими на сходѣ безъ вся-

кой провѣрки. А когда при выборахъ старшины учитывается старый старшина, то учетъ этотъ дѣлаетъ самъ земскій начальникъ и приговоръ объ этомъ составляется и утверждается волостнымъ сходомъ такъ, какъ прикажетъ земскій. Такимъ образомъ всѣ дѣйствія и употребленіе волостнымъ старшиною общественныхъ суммъ остаются темными для крестьянъ. А стань только требовать настоящей повѣрки дѣйствій и учета старшины, такъ живьемъ подъ арестъ угодишь, по распоряженію старшины или земскаго начальника. Если бы намъ дозволили произвести повѣрку дѣйствій и учетъ старшины такъ, какъ это прежде было—черезъ особо назначенныхъ отъ волостного схода уполномоченныхъ, тогда бы все правильное и неправильное вышло наружу, а то этого-то теперь и не допускаютъ, говоря: вѣрь во всемъ земскому. На повѣрку выходитъ, что и земскій бываетъ неправъ въ такихъ дѣлахъ. При производствѣ дознанія губернскимъ начальствомъ по жалобамъ на нашего уволившагося тогда же земскаго со стороны крестьянъ обнаружено, что онъ пачкался въ общественныхъ деньгахъ (т. е. бралъ себѣ на расходы). Недаромъ наша русская пословица говоритъ: не вѣрь лошади въ полѣ, а женѣ въ домѣ.—Такъ-то теперь нельзя вѣрить ни въ чемъ никому, даже земскому».

«Изба наполняется дымомъ трубокъ и цыгарокъ.

Страшная давка. Кто обогрѣвается, выходитъ на улицу, входятъ другіе. Наконецъ приходитъ подъ хмелькомъ староста, и, видя, что собралась добрая половина, ведетъ рѣчь:

— Ну, старики, давайте-ка сборщику учетъ сдѣлаемъ. Енъ вины не сдѣлалъ никакой, ну, а какъ водится, по закону штобъ... Да и начальству штобъ было извѣстно.

Сельскій писарь садится за столъ. Рядомъ садятся учетчики и сборщикъ (учетчикомъ у насъ можетъ быть кто хочетъ). Сначала начинаютъ съ податей, считаютъ, смотря по книгѣ, сколько собрано и сколько внесено, въ подтвержденіе послѣдняго—квитанція. Затѣмъ приступаютъ къ учету побочныхъ расходовъ.

— На молебны попамъ и на угощеніе—двадцать пять, на рекрутъ — двадцать, сжать и убрать барскую — пять рублей и т. д. всего семьдесять цѣлковыхъ. Приходу тридцать рублей съ фершала, да съ клоковъ земли столько-то...

— Ванька, не хуже читай у поспѣхахъ, дай съ дѣламъ разобраться. Какъ это попамъ четвертную переплатили? Усего два молебна было!—голосъ изъ толпы.

— Чего бурлишь, нешто однимъ попамъ: а коврига, а пѣтухъ, а окорокъ, а ведерки?—вѣдь самъ небось не мало проглотилъ? возражаетъ староста.

— Коли мнѣ глотать, я и на молебствіи не былъ.

— Анъ брешешь. Што попусту болтать, усе у вѣрности находится—видѣли сами. Кого же теперь у сборщика изберемъ?

— Кого же, какъ не Петруху. Дурного не видѣли. Все у исправности.

— Братцы, можетъ помимо кто послужится, а меня ужъ увольте, отвѣтилъ Петруха.

— Дядя Петръ—одинъ голосъ.

— Лаврентичъ,—другой.

— Міръ проситъ,—послужить надо.

Лаврентичъ соглашается.

— Ну, старики, теперича насчетъ ночного.

— Кочетокъ охотится,—крикнулъ староста.

— Сяло не клиномъ сошлось,—охотники найдутся. Ну, рябята, кто желаетъ? Вонъ Гришка Забалуевъ назывался,—говоритъ староста.

— Чаво, Гришка, у насъ почище есть... Ну, Гришка, тяжелъ, вотъ Федьку звать.

— Дорогъ, дорогъ.

— Чаво дорогъ, ай стаканъ за Гришку проглотилъ? Клоты.

Шумъ все сильнѣе, говоръ, споръ, доходящій до ругани, причемъ каждый старается перекричать одинъ другого.

— Тише вы, тише, — кричитъ староста, въ кабакъ что ль зашли?

Шумъ продолжается.

— Старики, старики, замолчите, со схода уйди,—говорите о дѣлѣ.

— Чаво народъ держать, вонъ уже солнце идѣ, — говоритъ писарь.

Большинство на сторонѣ Гришки, да и дешевле Гришка взялся,—за четвертную и полведерки съ него на могарычъ. Составили приговоръ, внесли къ книгу и ночной сторожъ готовъ. Сходъ разошелся» (Орл. губ., Карачевск. у.).

«Сходы собираются въ особой избѣ «мірской», «караулкѣ», потому что въ ней постоянно живутъ содержатели пожарнаго обоза. Караулка эта стоитъ на площади. Но такъ какъ она мала, чтобы помѣстить всѣхъ, то зимой и лѣтомъ мужики, пришедшіе на сходъ, толкутся наружѣ. Зимой, кто озябнетъ, тотъ пойдетъ погрѣться, а потомъ опять наружу. Придя на сходъ, каждый записывается у сельскаго писаря, который ведетъ списокъ явившихся; бывали случаи, что иной только запишется, а потомъ постарается незамѣтно уйти. «Какъ сдѣлаютъ, такъ и будетъ,—я на все согласенъ», говоритъ уходящій.

Тѣмъ, которые пришли рано, приходится дожидаться по нѣсколько часовъ. Въ это время они или разговариваютъ о предстоящихъ дѣлахъ, или о совершенно постороннемъ. Другіе перекоряются, ругаются, курятъ, смѣются, кричатъ. Въ караулкѣ и въ сѣняхъ до того все пропитывается табакомъ, что свѣжему человѣку и на другой день послѣ схода трудно пробыть. Наконецъ, староста и писарь видятъ, что собралось много народу и больше не идутъ, говорятъ: «больше ждать нечего, надо начинать». Всѣ выходятъ наружу. Столпятся въ кучку, староста въ серединѣ, чтобы всѣмъ было слышно старосту. Онъ встаетъ на скамью и кричитъ: «Православные», или: «Старики, слушайте». Не успѣлъ староста окончить своихъ словъ, какъ всѣ «загалдѣли», начались переговоры, сначала тише, потомъ громче и, наконецъ, переходятъ въ крикъ. Тутъ всѣ говорятъ. Все сливается въ одинъ общій гулъ и понять постороннему совсѣмъ ничего нельзя. Накричались въ волю, староста опять встаетъ на скамью, опять кричитъ:—Ну, что, старики, такъ согласны? Опять всѣ сразу заговорили. Теперь, впрочемъ, можно разслышать въ общей массѣ голосовъ и отдѣльныя мнѣнія за и противъ предложеннаго вопроса. Наконецъ больше и больше выдѣляется «согласенъ» или «не согласны». Видитъ староста, что старики наговорились, предлагаетъ окончательно высказаться:—«Согласны, что ли?» —«Согласны!» всѣ сразу закричали. Иногда бываетъ, что нѣсколько голосовъ кричатъ «несогласны», но если голоса согласныхъ покрываютъ голоса несогласныхъ, то на послѣднихъ не обращается вниманія. Особенно много кричатъ, когда прочитываются учеты должностныхъ лицъ, сборщиковъ, старосты. Какъ бы правильно ни велъ сборщикъ или староста расходы, все говорятъ, что много расходуетъ. Пьяные на сходѣ у насъ не рѣдкость; если ихъ много, то на сходѣ настоящій содомъ. Вотъ 22 августа собрался сходъ. Староста кричитъ: «Православные, слушайте новую раскладку на вторую половину». Писарь читаетъ:—«Выкупныхъ платежей 2,199 р. 45 к., поземельнаго налога 89 р. 66 к.» и т. д. Прочиталъ всѣ сборы, которые требуются съ общества въ казну, на общественныя потребности, сколько всего, по сколько приходится съ души.—«Вѣрно, что ли?» Знамо, вѣрно!—кричатъ въ отвѣтъ. А нѣкоторые разговариваютъ между собой:—«Что это въ нынѣшній годъ много приходится съ души?»

Раскладка сдѣлана еще за нѣсколько дней до схода особыми выборными крестянами «учетниками», при участіи сельскаго старосты и писаря. Писарь сказывалъ, сколько слѣдуетъ сборовъ по окладнымъ листамъ, а учетники клали на счеты. Сельскій староста сказывалъ, сколько ему надо на расходы въ обществѣ. Изъ

общей суммы вычтутъ ожидаемый отъ общества доходъ, остальное же дѣлятъ на число душъ.

Разговоръ по поводу раскладки продолжается не долго, староста снова кричитъ: «Слушайте, старики. Новый вахтеръ не хочетъ принять отъ стараго книги хлѣбныя, говоритъ, что нужно сдѣлать учетъ. При старомъ вахтерѣ хлѣбъ два раза разбирался. Какъ вы хотите?»—«Учесть его надо, сдѣлать ему учетъ», кричитъ большая часть схода.

Съ краю толпы стоитъ пьяный старикъ, покачиваясь на обѣ стороны, кричитъ: «Подлецы, воры!» Нѣсколько молодыхъ крестьянъ ободряютъ его: «Вѣрно, вѣрно; ты, старикъ, справедливъ». На слова старика сходъ не обращаетъ вниманія. Староста спрашиваетъ, кого желаютъ выбрать въ учетники. По обыкновенію, сталъ на скамью и кричитъ: «Желаете, что ли, выбрать учетникомъ Федора Ивановича Малясова, быть ему?»

— Быть, кричитъ сходъ.

— Быть? опять спрашиваетъ староста.

— Быть,—кричатъ.

И такъ до трехъ разъ.

— Второго учетника желаете выбрать Филиппа Васильевича? Сходъ молчитъ, значитъ не желаетъ.

Староста кричитъ: «Ну, Ивана Лыдкина?» Сходъ кричитъ: «Быть».

Какъ будто было у всѣхъ на умѣ, кого выбрать, хотя раньше никакого совѣщанія не было.

Выбрали учетниковъ, разговоръ между мужиками усиливается, говорятъ обо всемъ, иные смѣются.

Вотъ староста опять кричитъ:—«Замолчите, слушайте. Яковъ Семеновъ Коноплевъ проситъ дать ему приговоръ, что старшій сынъ у него не способенъ, а второй нынче на призывъ; вотъ чтобы освободили второго сына».

Выступилъ и самъ Коноплевъ.

— Старички, пожалѣйте меня, вѣдь онъ вовсе работать не можетъ.

— Что намъ за дѣло, пусть докторъ посмотритъ, закричали нѣсколько голосовъ.

— Что, вамъ жалко приговора, что ли? кричатъ другіе.

Пошелъ между мужиками споръ; одни кричатъ дать, другіе не наше дѣло.

Вотъ староста кричитъ: «Замолчать»,—умолкли.

— Въ самомъ дѣлѣ, старики, что намъ не дать приговора? вѣдь за мѣсто его сына у насъ не возьмутъ, говоритъ староста. Дать, что ли?

— Дать,—закричалъ сходъ.

— Уйдемъ мы, староста, закричало нѣсколько голосовъ.

— Постойте, вотъ еще торги будутъ; будетъ собранъ хлѣбъ, на построеніе церкви въ Кобелевкѣ продаваться. Слушайте: Петръ Ивановичъ даетъ 35 копеекъ за пудъ, кто больше?—

— 37 копеекъ,—кричитъ одинъ старикъ.

— Федоръ Васильевичъ даетъ 37 коп., кто больше?

— 40 копеекъ,—кричитъ еще одинъ. И такъ далѣе.

Какъ только кончились торги, народъ въ ту же минуту сталъ расходиться, не заявляя старостѣ о своемъ уходѣ.

Приговоры сельскаго схода не пишутся у насъ тотчасъ же на сходѣ, а потомъ, даже черезъ нѣсколько дней. Грамотные крестьяне, участвовавшіе на сходѣ, должны подписаться къ приговору. Это дѣлается на слѣдующемъ сходѣ, но если приговоръ нуженъ скоро, то десятники собираютъ грамотныхъ для подписи приговора въ караулку. (Симбирск. губ., Алатырск. у.).

«Дѣла, которыми волостное начальство не интересуется, вершаются такъ: два года тому назадъ Тотемское уѣздное земство предложило черезъ земскаго начальника Спасскому волостному сходу открыть у Спаса въ Кокшеньѣ библіотеку, читальню и давало со своей стороны каждогодную денежную субсидію на этотъ предметъ. Земскій начальникъ самъ на сходъ не явился, а предложилъ вопросъ сходу черезъ волостного старшину; старшина же съ столь важнымъ вопросомъ порѣшилъ скоро: онъ безъ шума, тихонько сказалъ въ концѣ схода:—«А вотъ тутъ еще Земская Управа проситъ средства на устройство библіотеки, но это дѣло, я думаю, господа, не наше, до насъ не касается и безъ насъ устроятъ, коли надо,—у насъ и своихъ расходовъ много». Крестьяне промолчали и тѣмъ дѣло кончилось. А отвѣтъ по начальству?—Не согласились мужики и все. Такимъ же образомъ и тѣмъ же самымъ старшиной на волостномъ сходѣ былъ проваленъ ранѣе вопросъ объ открытіи у Спаса двухкласснаго министерскаго училища, предложенный Тотемскимъ уѣзднымъ земствомъ, которое брало на себя всю постройку зданій для училища» (Вологодск. губ., Тотемскій у.).

«Получай всю подать сполна и больше меня не тревожь,—некогда мнѣ таскаться за вашими дрязгами»,—часто слышится рѣчь зажиточнаго мужика. При рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, вытягивающихъ грошъ изъ кармана, перевѣсъ всегда на сторонѣ бѣдняковъ, что и подтверждается фактами. 16 сентября 1898 года по иниціативѣ земскаго начальника и учителя былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ новаго зданія для школы. Крестьяне должны были обязательно вывезти по нѣсколько (по два на душу)

бревенъ отъ лѣсной дачи верстъ за десять. Подписать приговоръ рѣшительно отказалась цѣлая половина. «А Богъ знаетъ что у нихъ на умѣ то: теперь толкуютъ, что школа будетъ построена даромъ, а потомъ съ насъ же и сдерутъ. Смотри, ребята, ни подъ какимъ видомъ не подавай рукъ».—«Не вмоготу, ваше высокородіе, у многихъ лошадей нѣтъ, я одинъ работникъ въ семьѣ, озимый хлѣбъ третій годъ червь выѣдаетъ»—фразы, которыми крестьяне мотивировали свое несогласіе употребить нѣсколько дней для общественнаго дѣла» (Олонецк. губ., Вытегорскій у.).

Привожу подлинный разсказъ одной учительницы.

«Долго я ждала этой сходки, наконецъ 14 ноября мнѣ объявили, что сходка сегодня будетъ.

Дѣйствительно, часовъ съ 11 начали сходиться крестьяне. Я съ минуту на минуты ожидаю, что придетъ сборщикъ звать меня на сходку, но ужъ наступилъ вечеръ, изъ волости слышится неистовый крикъ, а меня все не зовутъ.

Является наконецъ сборщикъ, на-веселѣ, проситъ меня придти въ волостное правленіе, увѣряя меня, что безчинствъ тамъ никакихъ не будетъ:

— Не токмо что, а ни-ни: прямо тогда за клинъ—казематъ.— Вотъ завернитесь какимъ нибудь платочкомъ и пойдемте.

Вхожу въ переднюю и въ первый моментъ ничего не разсмотрѣла въ темнотѣ.

— Сюда, сюда, приглашаетъ сборщикъ въ другую комнату, съ параднаго крыльца, предназначенную спеціально для сходовъ, но взойти въ нее нѣтъ возможности: биткомъ набита, и всѣ тянутся другъ черезъ друга впередъ, гдѣ передъ чуть мерцающей свѣчкой кто-то читаетъ, но что именно—за общимъ гвалтомъ ничего не разберешь, хотя бѣдняга надрывался со всѣхъ силъ.

— Тс. тс. Р. Н. пришла, хочетъ говорить,—кричитъ сборщикъ.

Гвалтъ утихаетъ почти мгновенно, читающій поднимаетъ надъ головой огарокъ и кругъ, центръ котораго составляетъ читавшій, раздѣлился на двѣ стѣны.

Я переступила порогъ, но дальше двинуться не нашла въ себѣ смѣлости, до того страшны были взгляды, устремленные на меня.

Сборщикъ подошелъ къ державшему огонь, повернулся ко мнѣ лицомъ и весь превратился въ слухъ, или, вѣрнѣе, въ зрѣніе, такъ какъ онъ напряженнѣе всѣхъ на меня глядѣлъ, ожидая: такъ ли я буду говорить, какъ онъ меня научилъ, идя на сходку.

Только что я открыла ротъ, чтобы начать говорить, раздался голосъ:

— Будемъ сторожа наймать?

Я очень обрадовалась, что могу хоть къ этому прицѣпиться и заговорить, и открываю вторично ротъ и опять неудачно: отъ лѣвой стѣны отдѣляется высокій мужикъ и надвигается на меня съ вопросомъ:

— Вы къ намъ што-же примѣрно назначены?—Не успѣла я повернуть головы, какъ сборщикъ срывается съ мѣста и набрасывается на него:

— Если тутъ, то стало быть прислана, безъ приказаній бы не пріѣхала. И чего спрашиваетъ,—уже съ меньшимъ азартомъ продолжалъ мой защитникъ, опуская руки, которыми онъ усердно жестикулировалъ, чѣмъ заставилъ меня сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону, а испуганный вопрошатель давно уже стушевался, бурча:

— Ну-ну-ну-ну-ну, я такъ.

Наконецъ я нашла возможнымъ говорить. Назначаю сумму, которой было бы для меня достаточно для покупки дровъ и найма прислуги—35 рублей.

— А може, кто дешевле наймется съ своей топлею,—заговорилъ какой-то, но, получивъ увѣсистый толчокъ въ бокъ не то отъ старосты, не то отъ сборщика, предпочелъ не продолжать.

— Что же, выгадывайте нѣсколько рублей, морозьте своихъ дѣтей,—мнѣ все равно, только ужъ не требуйте тогда хорошаго ученія.

— Да мы что же, мы согласны 35 цѣлковыхъ дать, наймай кого знаешь.

Когда же я заговорила о подводахъ, то въ заднихъ рядахъ вдругъ загоготали (я иначе не могу назвать это выраженіе протеста), потомъ протестующее «го, го»; о чемъ-то разсуждающіе ряды сомкнулись и поднялся такой содомъ, что я поспѣшила уйти, тѣмъ болѣе, что табачный дымъ и запахъ водки давно уже побуждали къ этому.

Когда я выходила, то близъ стоящіе мужики, не зная, чѣмъ объяснить мой уходъ до окончанія дѣла, начали шептать:

«Успокоилась на сходѣ!»

Староста съ сборщикомъ хватились меня и прибѣжали въ мою квартиру.

— Что же вы ушли?—спрашиваютъ меня они.

— Не кричать же мнѣ тамъ съ вами; я сказала свое, а теперь вы, представители общества, поддержите меня, а ужъ я больше не пойду.

— Што-шъ представители? говоритъ староста, насильно значитъ кого представишь.

Кромѣ своего «значитъ» староста рѣдко что говорилъ свое, а все выглядываетъ изъ-за сборщика, мужика очень толковатаго.

— Вы, значитъ, чего же желаете?

— Да что ты глухой, что ли? Не слышалъ, что я на сходѣ говорила?

— Какъ не слыхать, а боли, значитъ, вы того, значитъ, не согласны?

— Нѣтъ, не согласна, вашъ сторожъ опять будетъ меня морозить, какъ то было два года назадъ, когда я здѣсь была еще помощницей.

— Да значитъ што-шъ я съ ними подѣлаю: не согласны дать подводы, а я какъ же противъ сходки пойду?

— А ты сдѣлай такъ, какъ тебѣ велятъ, а тамъ пусть на тебя общество земскому жалуется,—вмѣшивается сборщикъ.

Староста мнется.

— Ну, что мы веревку безконечную будемъ вить: кончай поскорѣй!—прикрикнулъ на него сборщикъ.

— Да, вишь несогласны, значитъ, подводы.

— А ты, хорошій староста, взялъ бы, да за клинъ этихъ горлопятовъ: вѣдь человѣка три только пьяныхъ всю сходку мутятъ,— говоритъ сборщикъ.

— Зачѣмъ это на сходкѣ прежде напьетесь, а потомъ начинаете дѣло рѣшать? спрашиваю я.

— Они, значитъ, ешо съ утра эвти напивмшись.

— А ты тоже съ утра?

— Я то? А вмѣстѣ съ сборщикомъ пилъ.

— Что же вы тоже съ утра напились?

Староста растерянно сталъ оглядываться; но, увидя, что сборщикъ улыбается, засмѣялся и полѣзъ въ затылокъ.

— Безъ водки, значитъ, не обойдешься, потому никакъ нельзя.

Ну, убирайтесь, кончайте тамъ, какъ хотите: если подводъ не согласятся дать, то нанимайте сторожа съ его отопленіемъ, только, староста, предупреждаю: если ученикамъ нельзя будетъ заниматься раздѣвшись, то я буду жаловаться.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ волостной сторожъ, сынъ Марины, которая была назначена мнѣ прислуживать до пріисканія другого сторожа, и объявляетъ, что сторожъ нанялся какой-то Кожелуповъ, а потомъ пришелъ старшій его братъ и не позволилъ ему быть сторожемъ: Кожелуповъ отказался, за что угодилъ въ казематъ, а мнѣ наняли другого сторожа.

Какъ только покончили дѣло, является онъ ко мнѣ.

— Здравствуйте, хорошая барышня. Я вамъ теперича сторожъ.

— Что жъ, ты будешь меня морозить?

— Зачѣмъ милая барышня, морозить? Все будетъ оченно хорошо, не сумлевайтесь, пожалуйста.

— Вотъ увижу, говорю, завтра приходи пораньше.

— Слушаюсь, хорошая барышня, покойной вамъ ночи».

(Орловск. губ., Болховск. у.).

Привожу въ заключеніе единичные, встрѣченные мною приговоры сходовъ, одинъ—по оказанію помощи въ частномъ дѣлѣ, другой о покупкѣ фосфоритовъ и третій по политическому поводу—кончины Царя-Освободителя.

1) Въ самую рабочую пору въ Новой умерла вдова Аксинья Иванова, у нея осталось трое дѣтей: старшему сыну было 16 лѣтъ, второму 10 и дѣвочкѣ 6 лѣтъ. Староста собралъ сходку и предложилъ убрать міромъ весь хлѣбъ вдовы въ первый праздничный день и всѣ полевыя работы дѣлать міромъ по праздникамъ, такъ какъ дѣти очень малы и ничего сами не могутъ дѣлать. Мужики согласились и всѣ полевыя работы были сдѣланы міромъ.

2) Купецъ Владиміровъ выдѣлывалъ фосфоритъ въ селѣ Жирелевѣ; чтобы дать возможность удобрить поля подъ рожь фосфоритомъ, онъ предложилъ крестьянамъ его въ долгъ до осени, когда они уберутъ хлѣбъ и имъ будетъ легче платить за фосфоритъ. По этому поводу въ Новой былъ собранъ сходъ. Крестьянинъ Григорій Леутинокъ-старикъ, сказалъ, что фосфоритъ покупать не надо, что здѣсь обманъ; развѣ можетъ рожь расти по камню, а если правда, то это отъ дьявола и Владиміровъ слуга дьявола-антихриста и всѣ тѣ, которые стараются распространить фосфоритъ, слуги антихриста. Но съ нимъ многіе не согласились и стали возражать. Поднялся горячій споръ, наконецъ рѣшено было, что какъ нельзя каждаго заставить покупать фосфоритъ, точно также нельзя и запретить, потому кто какъ хочетъ, такъ пусть и дѣлаетъ. Очень многіе фосфоритъ купили (Калужская губ., Жиздрин. у.).

3) Слѣдующій приговоръ крестьянскаго общества свидѣтельствуетъ о пробужденіи среди крестьянъ народнаго самосознанія.

«1881 годъ, марта 18 дня; собрались мы, нижеподписавшіеся крестьяне Моршанскаго уѣзда, Островской волости, Хлыстовскаго сельскаго общества, постановили: 1-го марта, въ день мученической кончины нашего Благодѣтеля Царя-Освободителя Александра Николаевича, до конца жизни поститься (какъ въ Рождественскій сочельникъ, ничего не ѣсть до звѣзды), что каждому изъ насъ на смертномъ одрѣ завѣщать и дѣтямъ нашимъ, дабы изъ рода въ родъ чтили память Царя-Великомученика; чтобы дѣти наши могли служить вѣрою и правдою новому Государю нашему

Александру Александровичу и не были бы такими темными, какъ мы, обязуемся всѣхъ дѣтей нашихъ, достигшихъ 10-лѣтняго возраста, безъ отговорки посылать въ школу, блюсти, чтобы они боялись Бога и почитали Батюшку-Царя, и настоящій приговоръ представить Начальнику: а копію съ него представить священнику, прося его хранить оную въ церкви, въ чемъ подписуемся. («Тамбовск. губ. Вѣдомости»).

§ 7. Нарушеніе сходами предметовъ вѣдомства и правъ отдѣльныхъ лицъ.

Нарушенія предѣловъ власти и правъ отдѣльныхъ лицъ въ практикѣ сходовъ весьма нерѣдки.

Такъ, законъ (ст. 63 Общ. пол.) категорически утверждаетъ, что сельскіе сходы имѣютъ право входить въ разсмотрѣніе только предметовъ, исчисленныхъ въ ст. 62 (см. выше), а ст. 64 указываетъ, что рѣшенія схода, постановленныя съ нарушеніемъ предметовъ его вѣдомства, ничтожны. Между тѣмъ на практикѣ можно указать на случаи, когда сходы берутъ на себя установленіе обязательныхъ для крестьянъ общихъ правилъ, даже назначеніе наказаній за ихъ нарушеніе и приведеніе ихъ въ исполненіе; еще чаще сходы самовольно разрѣшаютъ частные споры, подлежащіе по закону рѣшенію суда, мирятъ стороны, присуждаютъ убытки за потравы и т. д. Такъ, напримѣръ, неоднократно встрѣчаются назначенія сходами обязательныхъ для крестьянъ праздниковъ съ непремѣннымъ хожденіемъ въ церковь, иногда волостными, по предложенію земскаго начальника (Новгор. губ., Тихвин. уѣздъ), иногда даже селенными (Вятская губ., Яранск. уѣздъ); есть данныя о приговорахъ о прекращеніи крестьянскихъ собесѣдованій: они были постановлены по предписанію начальства и остались на бумагѣ (Яросл. губ.). Имѣются указанія и на обязательныя постановленія сходовъ объ исправности содержанія изгородей съ наказаніемъ розгами за ихъ нарушеніе (Калужск. губ., Жиздринск. уѣздъ), на рѣшеніе сходами частныхъ дѣлъ о перекосѣ травы однимъ крестьяниномъ у другого (Смоленск. губ., Юхновск. у.), на то, какъ сходъ миритъ свекровь со снохою и присуждаетъ убытки за краденые снопы (Пензенск. губ., Керенск. у.). Наиболѣе характерные примѣры нарушеній предметовъ вѣдомства сходовъ привожу полностью.

«Сходки съ залогами — это о провожденіи праздничныхъ дней, о томъ, чтобы не ѣсть гороху, рѣпы до Преображенія. Собираются и рѣшаютъ сходы: не работать въ праздники, не ѣсть гороху и

рѣпы до освященія церковнаго—это называется «положить залоги». Предлагаютъ подобные вопросы: «Тутъ ужъ всѣ? Да какъ же всѣ? долженъ же кто нибудь первый начать».—Тутъ ужъ такъ перво, что всѣ заодно, тутъ ужъ само. На провинившихся налагается слѣдующее наказаніе: «укатить колеса», потому это самое нужное: безъ колесъ значитъ не поѣдешь. «А зимой?»—«Ну, зимой—дѣло другое: у насъ зимой ужъ праздники считать не приходится, какъ пойдетъ курка (выгонка смолы), такъ не до праздниковъ: другой разъ и въ святки тѣ недосугъ бы сидѣть то». «Колеса онъ долженъ выкупить, а деньги, значитъ, обществу—сусидямъ, деньги на вино идутъ, а иногда въ часовню; когда, примѣрно, человѣкъ праздникъ нарушилъ, не хорошо вина то пить пожалуй?»

«Крестьяне дер. Цурковки (Смол. у.) въ 1884 году постановили на селенномъ сходѣ: у кого не будутъ исправлены на полѣ изгороди къ 23 апрѣля, того въ тотъ же день и на томъ же полѣ наказать пятью розгами. По осмотрѣ изгородей оказалась одна не исправленная. Хозяйка этой изгороди—женщина, вдова, которую тутъ же и наказали, несмотря на то, что она взамѣнъ розогъ предлагала деревенцамъ водки. Крестьянинъ д. Лоева Фома Егоровъ имѣетъ большую семью, земли же на его дворъ приходится 1 над.; крестьянинъ же Павелъ Трифоновъ имѣетъ небольшую семью, а земли имѣетъ на пять надѣловъ, по ревизіи же долженъ имѣть лишь три. Селенный сходъ постановилъ отобрать одинъ надѣлъ у Павла Трифонова и передать его Фомѣ Егорову» (Смоленск. уѣздъ).

«Въ нашей мѣстности всѣ поля обносятся изгородью, и у кого изъ крестьянъ больше земли, тому и большая часть изгороди. Въ деревнѣ Погуляяхъ Дулевской волости на сходѣ староста заявилъ, что не всѣ домохозяева сдѣлали изгороди и этимъ нарушаютъ приговоръ, а кто не слушается міра, того надо наказать. Какъ же наказать? Надо пойти въ поле и посмотрѣть: у кого не загорожена изгородь, того выпороть возлѣ его изгороди. Одинъ крестьянинъ, у котораго изгородь была не въ порядкѣ, побѣжалъ впередъ и разгородилъ у старосты. Когда мужики пришли, то увидали, что староста нарушаетъ мірской приговоръ. «У меня изгородь была загорожена»,—сказалъ староста.—«Да вѣдь теперь-то она разгорожена, а вѣдь мы положили: у кого разгорожена изгородь, того выпороть, а ты самъ говорилъ, что міръ положитъ, то и исполняй». Староста покорился мірскому приговору и его выпороли, хотя онъ былъ грамотный, а грамотный, какъ извѣстно, розгамъ не подвергается» (Жиздринскій уѣздъ).

Вотъ другое наказаніе за неисправленную изгородь.

«Дошли наконецъ до полосы Козицына и ахнули—тѣ же дыры. Хоть бы, подлецъ, поутыкалъ, говорятъ, я посылалъ на недѣлѣ своего парнишку два раза». «Смотрите, братцы, гдѣ овцы-то ползаютъ,—вотъ и тропа».—Да, дѣло очевидное, онъ теперь одинъ травитъ. «А гдѣ онъ?» спрашиваетъ кто-то. Оглянулись, оказывается, онъ даже не явился. «Сидитъ въ своей избѣ. Ребята, дайте мнѣ кого нибудь на помощь, мнѣ одному неловко, а вдвоемъ и притащимъ его на расправу». Присудили послать еще Выгрузова, чтобы, въ случаѣ жалобы, отвѣчать всѣмъ. Схватили Козицына подъ-руки и, какъ онъ ни упирался, притащили на общую расправу. «Ребята, своимъ судомъ расправимся; вотъ черемуха на его полосѣ,—говоритъ староста—пойду сломаю и такъ его поподчиваю, долго не забудетъ и впередъ будетъ городить огородъ исправно».—Вали, Авила, мы поддержимъ!—Мигомъ въ рукахъ очутился черемуховый прутъ, упрямца подхватили подъ-руки, вица засвистѣла и ударовъ до пяти посыпалось на его спину.—Ребята, оставьте, кричитъ тотъ, не то жаловаться буду. «Подбавь, Авила, подзадориваютъ со всѣхъ сторонъ, лупи, пока не скажетъ: загорожу».—Новые пять ударовъ посыпались на спину злополучнаго Михаила, и послѣ каждаго удара всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ спрашиваютъ: Что, загородишь?—«Загорожу, ребята, отстаньте». «Еще наддай, чтобъ не жаловался».—Опять пять ударовъ и вопросъ: Жаловаться будешь?—Сказано, оставьте и дѣтямъ закажу, чтобъ не травили— чуть не со слезами говоритъ Михайла не столько отъ боли, сколько отъ стыда, ибо Михайла Козицынъ не какой нибудь бобыль безпутный, а довольно почтенный семьянинъ, лѣтъ подъ 50, и зажиточный домохозяинъ. И подѣйствовала же на него порка. Въ тотъ же день (Воскресенье) онъ загородилъ огородъ. Прошелъ какой нибудь часъ, и видятъ сосѣди—запрегъ нашъ Михайла и поѣхалъ за жердями и кольями и такъ упечаталъ свой огородъ, что деревня не нахвалится.—«Давно бы такъ, Миша, смотри какой теперь покой деревнѣ, ни одной овечки не увидишь въ полѣ». Теперь онъ всегда первый загородитъ свой огородъ, и другіе, глядя на него, стараются быть исправными».

Кромѣ подобныхъ нарушеній публичнаго права, сходы иногда нарушаютъ установленное закономъ различіе предметовъ вѣдомства между сельскими и селенными сходами (напр. есть случаи отобранія земли у одного крестьянина и передачи ея другому по рѣшенію селеннаго схода, Ярославск. губ.), и наиболѣе часто—правъ отдѣльныхъ лицъ. Это происходитъ и тогда, когда, сходы рѣшаютъ частныя дѣла, подвѣдомственныя суду, и тогда когда сходы, вопреки закону, внѣ общаго передѣла, отбираютъ на-

дѣльную землю у однихъ крестьянъ и передаютъ ее другимъ. Конечно, дать исчерпывающій перечень правонарушеній, встрѣчающихся въ практикѣ сходовъ, автору не представляется возможнымъ въ виду сравнительной бѣдности имѣющагося въ этомъ отношеніи матеріала. Поэтому здѣсь приводятся лишь два болѣе характерныхъ описанія.

«Такъ крестьянинъ дер. Темкина Егоръ Степановъ, больной старикъ, лѣтъ 8 тому назадъ отдалъ надѣлъ своей полевой земли, которую по одиночеству не могъ обрабатывать лично, во временное пользованіе своему же односельцу Петру Сергѣеву, а самъ ушелъ на сторонніе заработки. Нынче онъ вернулся въ родную деревню и поселился здѣсь у своего брата Никифора, который принималъ его на жительство съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отдалъ ему свой надѣлъ земли. Однако Петръ Сергѣевъ де согласился добровольно отдать Егору землю, и послѣдній обратился съ просьбой въ волостное правленіе. Волостной старшина предписалъ сельскому старостѣ обсудить просьбу Егора обществомъ. Въ началѣ августа собранъ былъ сельскій сходъ и началось обсужденіе этого дѣла.

— Егорово дѣло правое, кричали нѣкоторые,—его надѣлъ, онъ ему и хозяинъ; надо же ему на старости лѣтъ пріютъ имѣть.

— Какъ есть надо,—замѣчаютъ другіе.

— А землю-то сдабривалъ да раздѣлывалъ Петра.

— Сдабривалъ, извѣстно, а все же земля Егорова.

— А сдабривалъ-то?

— За сдабриваніе долженъ заплатить Егоръ.

— Заплатитъ, держи карманъ, съ голаго что со святого.

— Братъ долженъ платить,—ему земля.

— Тоже взятки гладки,—поди и гроша не найдется.

— Нѣтъ, братцы, землю Егору надо отдать.

— Знамо отдать.

— Вотъ, что я скажу,—выступилъ вдругъ съ рѣчью закадычный другъ Петра Сергѣевича, крикунъ и краснобай, Тимофей Кротъ.—Не слѣдуетъ землю отбирать отъ Петра.

— А почему такъ?

— У Петра и съ Егоровой душой только двѣ души, а ребятишекъ 7 человѣкъ, а у Никиша (Егоровъ братъ) и теперь двѣ души, а семья только 7 человѣкъ: какого же рожна еще ему надо?

— Это резонъ...

— И свою-то землю Никишъ плохо работаетъ, а дай ему еще, такъ и вовсе не справится, куда ему,—продолжаетъ Кротъ, работникъ-то онъ не завидный.—Да и то сказать, не унимается Кротъ,

шлялся человѣкъ чуть не десять лѣтъ, и вдругъ подай ему землю, разоряй человѣка, пущай дѣтей по міру, а ему подай. Не слѣдъ отдавать, право...

— Гдѣ же я жить буду, у тебя, что ли?—проговорилъ Егоръ.

— У брата будешь жить.

— На что онъ мнѣ безъ земли,—проговорилъ братъ Егора,— у меня и своимъ ѣдокамъ ѣсть нечего.

— Безъ земли кто его возьметъ, надо отдать его землю.

— Извѣстно надо отдать, нельзя не отдать.

И такъ дѣло Егора клонилось къ успѣшному концу, но вдругъ одинъ изъ сходчиковъ заговорилъ:

— А я слыхалъ, что Егоръ опять уйдетъ, только землю возьметъ.

— Куда ему уходить?

— Ей, ей, говорилъ самъ.

— Ни разу не говорилъ я,—возразилъ Егоръ.

— Говорилъ, говорилъ, и я слыхалъ,—кричалъ Кротъ. Только смуту наводитъ, да бѣднаго человѣка разорить хочетъ. Проводитъ онъ насъ, не давать ему земли!

Заявленіе это съ предшествовавшими разсужденіями заставило сходъ призадуматься. Снова начались толки, споры и переговоры, и въ концѣ концовъ сходъ порѣшилъ не отдавать Егору земли, пусть ищетъ судомъ. Расходясь со схода, мужики все еще продолжали разсуждать объ этомъ дѣлѣ.

— Неправо рѣшили мы это дѣло,—говорилъ Иванъ Короткій, все время молчавшій на сходѣ, подходя къ дому.

— Отчего такъ?

— Земля Егорова, какъ же не отдать ему земли, а тамъ его дѣло—уйдетъ ли онъ или нѣтъ: вѣдь опять къ брату придетъ.

— Отчего же ты не сказалъ это на сходѣ?

— Что жъ говорить: міръ не глупѣй меня, мнѣ не больше людей надо.

Постановленія сельскаго схода происходятъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны начальства, которое на это не оказываетъ никакого давленія» (Смоленск. губ., Юхновск. у.).

«Приходитъ староста въ поддевкѣ сѣраго нѣмецкаго сукна и становится у толпы. Нехотя, какъ бы поправилъ шапку, въ знакъ поклона. Народъ отвѣчаетъ тѣмъ же.

— Ну, что, Митрій Лексѣевичъ, въ чемъ тутъ дѣло-то?

— Да вотъ въ чемъ... Да вы подойдите сюда поближе... Во первыхъ, Силантій душу проситъ... то бишь, Мастеровъ (Силантій безъ шапки выходитъ на кругъ).

— Православные, сдѣлайте Божескую милость—дайте. Ей-Богу, ѣсть нечего. Чего мнѣ одной души? Семейства.

— А мы и виноваты, что у тебя растурѣпъ (дѣвокъ) народила.

— Эдакъ-то давать, такъ и мнѣ давать...

— Вѣдь какъ же, православные: дѣвки вѣдь тоже ѣсть хотятъ.— А парней я и самъ бы радъ, да что подѣлаешь.

(Выходитъ пьяный).

— Ми-трій Лексѣевичъ... Это Силантій душу? Ты постой. Што же вы ему? Эй, Сила...анъ... винца купишь, душу дадимъ. Ей-Богу, дадимъ.

— Ну, ты, братъ; уходи отсюда, не мѣшай.

Силантій: Такъ сдѣлайте милость, дайте (кланяется).

(Выходитъ на кругъ мужикъ).

— Православные, мнѣ бы давно надо душу, да я все не хотѣлъ глаза драть, о теперь все равно. Онъ на дѣвокъ проситъ, а у меня два сына.

Нѣсколько мужиковъ: Вотъ это туда-сюда.

— Вѣрно, Кузьма Мастеровъ. А то еще оброкъ не заплоченъ, а проситъ душу...

Другіе: Ну, вы тамъ, не подсолаживайте, горлопаны. Али опили? Начали таперича лисить.

— Да вы што лѣзите. Что, Силантій-то вамъ сватъ али братъ?

— Кто бы ни былъ, да нехорошо. Люди добрые всѣ молчатъ, а вы, опивалы, только и орете.

Староста: Ну, крупнаго разговора штобы не было. Слушайте дѣло.

— А это не дѣло?

Мастеровъ: Ну дайте, дайте Силантію, да и платите подати за него: васъ старшина-то какъ повернетъ.

Силантій:—А ты што думаешь, что ты богатъ-то, такъ ужъ для тебя ба-атюшки свѣты?.. Окромя старшины, чай есть начальство-то.

Мастеровъ: А кто? Земскій, что ли? Онъ на васъ, на эдакую гольтепу, тьфу (Плюетъ).

Силантій: Ну, ладно.

Мастеровъ: Чего нукать-то. А вы вотъ, православные, хотите давать, такъ давайте мнѣ души,—винцомъ, такъ и быть угощу.

— А сколько выставишь?

— Ведерко.

— Чего намъ ведро. Два.

— Ну два, такъ два.

Староста: Да вѣдь еще одну-то душу надо снимать съ вдовы

— Она у ней, чай, и засѣяна.

— Ну, такъ что, засѣяна? Выплатимъ за сѣмяны, сколько тутъ—два рубля не придется.

— Какъ два? А за работу, за уборку?

— Выплатимъ за все.

(Силантій тихо, еле замѣтно удаляется съ круга).

Слышится замѣчаніе: Да вѣдь выплатить мало, она пойдетъ просить.

Староста: Просить не пойдетъ. Гдѣ ей просить? Она и такъ пенчитъ. (Къ народу). Ну, такъ что, согласны дать душу Мастерову?

(Народъ волнуется и шумитъ). Слышно нѣсколько голосовъ за и противъ. Наконецъ, первые берутъ перевѣсъ).

Староста: Такъ что же, то ли, се ли, говорите?

Двадцать голосовъ сразу: Дать слѣдуетъ. Дайте.

— Погодили бы еще—успѣемъ.

Первый: Чего годить?

Староста: Васъ тутъ не поймешь. Кто согласенъ дать—отходи сюда (машетъ направо), а не согласенъ—сюда (машетъ налѣво).

Народъ начинаетъ разступаться и дѣлиться на двѣ половины.

Мастеровъ къ правой сторонѣ подноситъ нѣсколько бутылокъ водки и на противоположной остается не больше десятка народа.

Правая сторона: Ну, скорѣй рѣшайте, да и пьемъ.

Лѣвая: Погодите, братцы.

Правая: Семеро одного не ждутъ—пьемъ.

Староста: Пить погодите, ребята.

На лѣвой сторонѣ мужики переглядываются и переговариваются.

Затѣмъ одинъ за другимъ переходятъ на другую сторону.

Правая сторона: Что, братъ, перешли? Стояли бы, знай только.

Староста: Такъ руки обиратъ?

Всѣ: Для чего еще?

(Староста обходитъ всѣхъ. Мужики, въ знакъ согласія, даютъ ему руки).

Староста: Ну, теперь приговоръ.

Нѣкоторые: Приговоръ послѣ. Тамъ Сергѣй напишетъ, а подписаться время будетъ.

— Другой сходъ когда? А то и по домамъ обнесутъ?

Мастеровъ: Сейчасъ бы приговорецъ, я бы ужъ и того, безъ заботы, безъ думы.

Другіе: Чай не обманемъ. Вотъ невѣроятный человѣкъ.

Староста: Ну дать, такъ дать приговоръ. Сергѣй, напиши ему, пока толкуемъ.—Вино пока уберите. А таперича, вотъ, какъ на счетъ стоговъ? Стога-то, братъ, потравили.

Мужики: Надо сторожа.

Староста: Такъ выбирайте ково.

Другіе: Это бы отложить до другова воскресенья.

Староста: А стога все травить станутъ?

Мужики: Ну што, нанять. А приговоръ до воскресенья.

Староста: Тогда опять много будетъ дѣловъ. Нады загонщика нанять. Теляты балуются на озими. За Окой клинъ сдавать.

Мужики: Маркей рази годы выдержалъ?

— Нынѣ косилъ послѣдній годъ.

— Значитъ, реморенка (водка) будетъ.

— Тогда сторожа можно и нонѣ нанять.

Староста: А я што и говорю!

(Въ это время сходъ раздвигается. Грамотей Сергѣй входитъ съ приговоромъ).

Къ народу: Вотъ, я написалъ приговоръ Мастерову. Прочитать?

Всѣ: Ну, читай.

Сергѣй: «Отъ сельскаго схода села Б... (губерніи, уѣзда, волости), приговоръ (опять откашливается).

«Мы, нижеподписавшіеся крестьяне, въ качествѣ 126 домохозяевъ, не менѣе двухъ третей со старостой Д. А. К., собрались на сходъ, гдѣ имѣли сужденіе въ томъ, что крестьянину односельцу Козьмѣ Мастерову по случаю рожденія у него двухъ сыновей ему Мастерову не хватаетъ поземельнаго надѣла. Поэтому мы присудили по его просьбѣ дать ему еще двѣ души, которыя тутъ же снимаемъ съ вдовы Хавроньи Коскиной».

Староста: Этого бы писать не нужно. Слѣдовало бы просто: дать, только и есть.

(Сергѣй доказываетъ, что не упоминать этого нельзя).

Староста: Ну, ладно, читай.

Сергѣй (продолжаетъ): такъ какъ она за смертью своего мужа на владѣніе земли правъ не имѣетъ. Въ чемъ составленъ сей приговоръ съ подписью старосты и приложенія печати. 1900 года сентября 21-го. За неграмотныхъ по ихъ просьбѣ.

Народъ. Умно сочинилъ.

Мастеровъ: Лишнюю рюмку водки ему.

Сергѣй: Купишь и особо бутылочку за бѣлой печатью.

Староста: Ну, а што на счетъ церковнаго сторожа: придется отложить?

Народъ: Знамо отложить.

Староста: Такъ, значитъ, отложимъ. Теперь сперва грамотные подпишитесь къ приговору, а потомъ и тово... только здѣсь не пить.

Земскій бранитъ,—а раздѣлись по десятку—четверть на десятокъ, тамъ пей, кто какъ знаетъ.

(Подписываетъ приговоръ. Потомъ разноситъ водку. Сходъ разбивается на нѣсколько группъ, гдѣ и пьютъ).

У однихъ воротъ: Я не пью сѣрое, мнѣ отлейте долю.

— У насъ пить, такъ пить, а то изволи.

— Мнѣ вотъ сюда, я изъ своей.

— Ишь старовѣрское рыло. У тебя чашка-то ничего, будетъ нашихъ три рюмки!

— Ну, мнѣ не полно.

— Ну, клянчай. Вотъ, Силантій, пьемъ вмѣстѣ. Онъ только не ѣстъ, а водку ничего. Водку не грѣхъ.

— Она выжаетъ всякую нечистоту, градусы въ ней... (Владимірск. губ., Муромск. у.).

§ 8. Поведеніе крестьянъ на сходахъ. Порядокъ рѣшенія вопросовъ.

Поведеніе крестьянъ на сходахъ, по единодушному указанію имѣющихся данныхъ, бываетъ чрезвычайно безпорядочное и шумное; степенное, самостоятельное и приличное поведеніе крестьянъ на сходѣ автору удалось отмѣтить въ одномъ только случаѣ (Калужск. губ., Козельскій у.). Наоборотъ, шумъ, гвалтъ, руготня (Грязовецк. у.), неумѣніе придерживаться предмета, обсуждаемаго на сходѣ (Московск. губ., Можайск. у.), распитіе водки и угощеніе при рѣшеніи частныхъ дѣлъ, при выборахъ и назначеніи жалованія должностнымъ лицамъ за избраніе въ должность и за избавленіе отъ избранія (Орловск. губ., Болховской у.; Пензенская губ., Городищенскій у.)—составляютъ общераспространенныя явленія. Обычное галдѣніе на сходахъ уменьшается только тогда, когда на сходѣ присутствуетъ старшина или земскій начальникъ (напр. Тамбовск. губ., Елатомск. у.). На волостныхъ сходахъ въ видѣ общаго правила, крестьяне держатъ себя значительно лучше.

«Держатъ себя крестьяне на сельскомъ сходѣ несравненно свободнѣе, чѣмъ на волостномъ,—тутъ у нихъ полная непринужденность: они кричатъ во все горло, иногда ругаются между собою, упрекаютъ другъ друга и въ личныхъ недостаткахъ, и порочныхъ поступкахъ, не стѣсняясь матюкаются, курятъ, многіе сидятъ въ шапкахъ, а за недостаткомъ мѣста—на полу. Староста сидитъ возлѣ стола. Если на сходѣ присутствуетъ старшина съ писаремъ, они воз-

сѣдаютъ за столомъ, въ красномъ углу. Староста поитъ ихъ чаемъ, а то и водкой, которую заранѣе запасаетъ, предвидя пріѣздъ начальства. Присутствіемъ старшины и писаря нимало не стѣсняются, ведутъ себя такъ же, какъ и безъ нихъ. Пожилые крестьяне молодыхъ односельчанъ называютъ больше неполнымъ именемъ: Федюха, Панька, Ванюха и т. д. Молодежь зоветъ стариковъ полнымъ именемъ» (Новгородск. губ. Череповенк. у.).

«Собравшись на сходъ, мужики рѣдко сразу приступаютъ къ рѣшенію вопроса, который собрались обсуждать, сперва болтаютъ о чемъ нибудь постороннемъ, не идущемъ къ дѣлу: «что же ребята, зачѣмъ мы собрались?»—приступаетъ обыкновенно къ дѣлу какой-нибудь мужикъ побойчѣе. Если обсуждается вопросъ не особенно ихъ интересующій, то разговоры ведутся вяло, какъ бы нехотя, говорятъ одинъ за другимъ съ значительными промежутками. Если же обсуждается какой-нибудь вопросъ животрепещущій, то говорятъ громко, жестикулируютъ, стараются перекричать другъ друга, слышится брань, руготня, особенно, когда нѣтъ на сходѣ начальства. Когда крестьянинъ нашъ одинъ, то онъ застѣнчивъ, робокъ въ сужденіяхъ и отзывахъ, когда же онъ въ артели, на мірѣ, то дѣлается смѣлымъ, даже дерзкимъ» (Череповецкій у.).

Разница въ поведеніи крестьянина, когда онъ одинъ и когда онъ на сходѣ, констатируется всѣми матеріалами, и если сводить всѣ данныя въ одно, то едва ли будетъ ошибкой сказать, что разница эта сводится къ приниженію и ухудшенію его нравственнаго облика на сходѣ. Такъ, крестьяне, склонные въ частныхъ разговорахъ къ благимъ начинаніямъ, на сходахъ обыкновенно робѣютъ открыто высказаться и поддаются вліянію крикуновъ-враговъ всякаго культурнаго начинанія (напр. Новгор. губ., Тихвинскій у.); другіе крестьяне, наоборотъ, боятся начальства, когда они одни, а на сходахъ держатся самоувѣренно и крикливо, чувствуя силу «міра» за собой, игнорируютъ начальство, «уже не считаютъ нужнымъ прикрываться маской лицемѣрія и охотно примыкаютъ къ оппозиціоннымъ мнѣніямъ по тѣмъ именно вопросамъ, въ разрѣшеніи которыхъ вполнѣ соглашались ранѣе въ разговорѣ съ начальствомъ» (Вятская губ., Яранск. у.; Нижегородск. губ., Макарьевск. у.). Впрочемъ боязнь передъ начальствомъ и на сходѣ нерѣдко сказывается.

— Почему же ты, спросилъ я одного крестьянина по поводу одного постановленія схода подъ вліяніемъ начальства, тогда былъ согласенъ, а теперь нѣтъ?

— Мнѣ что, отвѣчалъ онъ хладнокровно,—какъ люди, такъ и я, люди такъ и я тоже.

— Все-таки ты не согласенъ былъ съ приговоромъ схода и быть можетъ и много такихъ было: чего же молчали.

— Да какъ же не молчать,—удивленно воскликнулъ онъ,—извѣстное дѣло надоть молчать: выше Бога и начальства не станешь. Потому начальству виднѣе.

— А теперь согласенъ?

— Согласенъ, не согласенъ, а подчиняться надо, потому постановили. Да-съ. Попробуй-ка пикнуть. Бывалое дѣло: за тридесять земель сыщутъ и въ холодную засадятъ за грубіянство, а то и еще хуже того што нибудь умудрятся.

— Какъ же хуже?

— Да такъ хуже. Извѣстное дѣло хуже: явится за тобой какая нибудь недоимка,—то бы помиловали, пообождали еще, а тутъ нѣтъ, не тутъ-то было: какъ разъ распродажу имущества учинятъ, все вымотаютъ до ниточки, одну хату съ лошаденкой оставятъ для утѣхи.

— И часто бываетъ такъ?

— Часто не часто, а бываетъ. Вотъ Никита Кошель только и сказалъ всего: какъ будто, ваше благородіе, не того, неловко, и въ волю, бѣдный, натерпѣлся. И въ холодной-то сидѣлъ и все почитай хозяйство, кромѣ хаты и кобыленки, распродали, одно слово по міру мужика ходить пустили, а все отъ чего? Начальству не перечь. На что староста свой братъ—такой же сѣрый мужикъ, такъ и то готовъ тебѣ при первой встрѣчѣ шею свернуть, ежели что по нему не потрафилъ, а не велика, сами знаете, шишка; эхъ, баринъ, плохи видно, мы, когда изъ насъ веревки вьютъ, ни за что бьютъ, шапку скинешь, а все же по шапкѣ бьютъ (Калужскій у.).

Что касается, наконецъ, порядка обсужденія и голосованія вопросовъ на сходахъ, то и здѣсь приходится отмѣтить отсутствіе твердо признанныхъ общихъ правилъ. Согласно закону, для рѣшенія вопросовъ на сходахъ необходимо согласіе простого большинства голосовъ (кромѣ нѣкоторыхъ особо перечисленныхъ дѣлъ, въ которыхъ требуется большинство двухъ третей). При равенствѣ голосовъ, мнѣніе старосты даетъ перевѣсъ.

На практикѣ весьма нерѣдки случаи, когда подсчетъ голосовъ вовсе не производится, а принятымъ считается то мнѣніе, которое опредѣлилось по болѣе громкому крику поддержавшихъ его крестьянъ. Впрочемъ дѣленіе схода на двѣ половины и подсчетъ голосовъ все же существуетъ въ большинствѣ случаевъ. Практикуется также дѣленіе схода на три части и собираніе голосовъ по каждому отдѣленію при помощи особыхъ опросчиковъ (Вятская губ.,

Орловск. у.). Примѣняется, наконецъ, и закрытая баллотировка—шарами, но и здѣсь нерѣдки злоупотребленія, совершенно уничтожающія дѣйствительную тайну голосованія.

«На сходкахъ вообще и на волостномъ сходѣ въ частности въ нашей мѣстности (Спасскій волостной сходъ мнѣ приходилось наблюдать 10 лѣтъ) происходитъ иногда (когда нѣтъ земскаго начальника или иной какой-либо высшей власти) невообразимый шумъ, и только баллотировка шарами проходитъ спокойно. Особенно помню я одинъ сходъ: волостные старшина и писарь просили сходъ увеличить каждому изъ нихъ жалованье съ 300 до 350 рублей въ годъ; десятидворные подняли просто бурю, если можно такъ выразиться: сельскіе старосты, судьи и ближайшіе къ столу, за которымъ сидѣло волостное начальство, десятидворные кричали: слѣдуетъ прибавить,—огромное же большинство десятидворныхъ кричало: не надо прибавлять, не за что, нужно убавить изъ 300 рублей. — Кричали долго и неистово; на баллотировку вопросъ пущенъ не былъ, потому что, очевидно, его провалили бы; крестьянъ разводили по сторонамъ и приказывали поднимать руки вверхъ—ничего не выходило; на стороны крестьяне не расходились, а сливались въ кучу и шумѣли: надо, не надо. Руки вверхъ поднимали, но при этомъ опять-таки съ криками: надо, не надо.—Наконецъ волостное начальство пришло къ убѣжденію почему-то, что прибавка жалованій состоялась и въ приговоръ внесли вмѣсто 300 рублей и старшинѣ и писарю по 350 рублей въ годъ и таковое они получали до слѣдующаго года. Черезъ годъ на сходѣ стали читать отчетъ, и какъ только десятидворные услышали, что старшина и писарь получали по 350 р., опять подняли страшный шумъ. Кто прибавлялъ? на какомъ основаніи получали старшина и писарь на 50 рублей каждый лишка.—На этотъ разъ волостные уже не нашли возможнымъ или нужнымъ сопротивляться желаніямъ схода и жалованье на будущее время опредѣлили въ 300 рублей» (Вологодск. губ., Тотемск. у.).

«По поводу баллотировки крестьянъ существуетъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ писарь просилъ себѣ прибавку жалованья. Предложеніе было пущено на баллотировку слѣдующимъ образомъ: «Кто желаетъ прибавить жалованья писарю, то поднимите руки вверхъ, а кто не желаетъ прибавки, тѣ тоже поднимите руки вверхъ». Разумѣется, всѣ руки были подняты вверхъ и вышелъ приговоръ, что жалованье писарю прибавлено единогласно. Впрочемъ, и при закрытой баллотировкѣ дѣло не обходится безъ злоупотребленія, хотя бы даже въ присутствіи самого земскаго начальника. Употребляютъ много способовъ, чтобы узнать, за кого или за что по-

даетъ крестьянинъ свой голосъ. Изобрѣтательность волостныхъ писарей въ данномъ случаѣ велика. Одинъ, напр., писарь пожелалъ узнать, за что подадутъ человѣкъ пять изъ выборныхъ болѣе состоятельныхъ. Для этого онъ помѣтилъ каждый шаръ и роздалъ ихъ состоятельнымъ, замѣтивъ, кому съ какимъ значкомъ достался шаръ. Другой поступилъ еще проще. Въ правое отверстіе баллотировочнаго ящика онъ положилъ на дно толстое сукно, а въ лѣвое не положилъ ничего, такъ что шаръ, положенный налѣво, производилъ явственный стукъ, а направо не издавалъ никакого стука».

Но этимъ не исчерпываются злоупотребленія при голосованіи. Нерѣдки явно недобросовѣстныя дѣйствія сельскихъ властей при регистраціи состоявшихся рѣшеній. Такъ практикуются подложныя включенія подписей неграмотныхъ крестьянъ подъ приговоромъ, въ составленіи котораго они даже не участвовали (Рязанск. губ., Зарайск. у.); записки въ приговорахъ о единогласныхъ рѣшеніяхъ, когда по провѣркѣ оказывается, что даже не было большинства голосовъ (Тверск. губ., Корчевск. у.); составленіе двухъ приговоровъ на одномъ листѣ съ тѣмъ, чтобы крестьяне подписывали заразъ оба, не подозрѣвая, что если они согласны только съ однимъ изъ этихъ приговоровъ, то должны оговорить при подписи свое несогласіе со вторымъ; такимъ путемъ подписываютъ приговоръ, съ которымъ они въ дѣйствительности несогласны (Сольвычегодскій у.). Таковы характерные примѣры злоупотребленій при составленіи приговоровъ.

§ 9. Вліянія, оказываемыя на постановленія сходовъ.

Вліянія, оказываемыя на постановленія сельскихъ сходовъ, можно подраздѣлить на вліянія внутреннія—членовъ схода другъ на друга и вліянія внѣшнія—начальства.

Къ сожалѣнію, рѣже приходится отмѣчать вліяніе разсудительныхъ, опытныхъ, пожилыхъ и грамотныхъ крестьянъ на постановленія сходовъ (Тихвинскій у.; Чистопольскій у.; Брянскій у.), совсѣмъ рѣдко тѣхъ, за которыми не числится недоимокъ, да и то на селенномъ сходѣ (Яросл. губ., Ростовск. у.), иногда сельскаго старосты (Тульск. губ., и уѣздъ); болѣе крупное вліяніе, въ видѣ общаго правила, на сходы, оказываютъ зажиточные крестьяне (Тихвин. у.; Бѣлозерскій у.; Вологодскій у.; Орловск. губ., Болховск. у.). Еще сильнѣе вліяніе горлановъ и крикуновъ, «людей, хотя и неопытныхъ, но много кричащихъ на сходахъ и не робѣющихъ передъ начальствомъ». Къ нимъ обращаются искатели свободной

земли, обѣщая имъ заранѣе угощеніе за приговоръ. Иногда они содѣйствуютъ тому, чтобы отвергнуть полезное предложеніе начальства (Новг. губ., Тихвин. у.). Въ Нижегородской губерніи ихъ называютъ «вожаками» (Нижегородск. губ., Макарьевск. у.), въ Ливенскомъ уѣздѣ «палочниками» (Орловск. губ., Ливенск. у.), далѣе— горлодерами, краснобаями, міроѣдами и т. д. (Орл. губ., Елецк. у.; Болховской у.; Кромской у.; Новг. губ., Бѣлозерск. у.; Вологодск. губ., Грязовецк. у.; Ярославск. губ., Ростовск. у.). Нерѣдко можно встрѣтить и комбинированное вліяніе богатыхъ крестьянъ и крикуновъ, дѣйствующихъ по наущенію, зажиточныхъ, богатыхъ крикуновъ, крикуновъ работающихъ по соглашенію съ сельскими властями (Бѣлозерск. у.). Старшина, растратившій общественныя деньги, вновь избирается при помощи крикуновъ (Калужск. губ., Лихвин. у.; Орловск. губ., Кромск. у.); наконецъ просто вліяніе пьяныхъ и покупщиковъ водки (Болховск. у.), иногда выпившихъ изрядно до открытія схода (Смоленск. губ., Дорогобужск. у.).

Привожу отрывки изъ характеристики «палочника» въ Ливенскомъ уѣздѣ.

«Сельскій сходъ располагается подъ открытымъ небомъ около съѣзжаго дома. На крылечкѣ помѣщается сельскій староста и сельскій писарь, а когда бываетъ, и волостной старшина съ волостнымъ писаремъ. Въ первомъ ряду около самаго крыльца становятся самые важные общественные заправилы, за ними — менѣе важные, а потомъ уже вдалекѣ—остальные крестьяне. Такіе заправилы есть во всякомъ обществѣ, но особенно интересны они въ селѣ Вышне-Ольшанскомъ. Ихъ здѣсь называютъ «палочниками», оттого, по всей вѣроятности, что они постоянно ходятъ съ палками. Палочники дѣлятся на два разряда: «важныхъ», или главныхъ, и «второстепенныхъ». Первыхъ во всемъ обществѣ сравнительно не много, человѣкъ 18, а вторыхъ болѣе 30 человѣкъ. Всѣ они, особенно перваго рода,—народъ наглый, безсовѣстный, который за рюмку водки способенъ на всякую гадость. Роль палочниковъ въ обществѣ та, что ихъ голосъ на сходѣ, благодаря наглости, имѣетъ рѣшающее значеніе,—тамъ они рѣдко встрѣчаютъ себѣ сопротивленіе, поэтому, кому случается нужда къ сельскому сходу, тотъ прежде всего старается задобрить палочниковъ. Является водка, начинается попойка, въ которой участвуютъ палочники перваго рода. Палочникамъ второго рода рѣдко попадаетъ рюмка, потому что они большого значенія не имѣютъ. Хотя палочники второго рода бываютъ рѣдко угощены, однако на сходѣ всегда солидарны со своими старшими братьями и никогда имъ не противорѣчатъ.

Главнаго палочника звали Андреемъ Андреевичемъ. Онъ, между прочимъ, во время выборовъ не погнушался брать взятки съ противоположныхъ кандидатовъ и даже кричать противъ того, съ кого самъ взялъ угощеніе.

— Ну, какъ же ты кричалъ противъ него, когда ты съ него пилъ и онъ самъ тутъ стоитъ?—«А ужъ мы это знаемъ, какъ сдѣлать. Вотъ говоритъ кто нибудь, что Никита Ивановъ будетъ хорошъ староста. Ну, тутъ это себѣ и кричишь: хорошъ, хорошъ, даже шапкою машешь, чтобы онъ видѣлъ, что я за него горой. А тутъ пригнешься немного и горланишь: не надо, не надо. Ну, а тамъ разбирай,—вѣдь у насъ все на крикъ, кричатъ: «не надо». Такъ и не попадаетъ и деньги пропадаютъ даромъ. Да и гдѣ же ихъ всѣхъ выбрать, куда жъ тогда дѣвать старостовъ?»

А самъ о себѣ Андрей Андреевичъ такъ говоритъ:

«Такъ вотъ какъ прославился,—что многіе приходили ко мнѣ на домъ просить, чтобы я имъ помогъ въ чемъ либо, а одна баба въ ноги бухнула. Просто смѣхъ. Какъ быдто я начальникъ какой, а я всего только Андрей Андреевичъ—палочникъ» (Орловск. губ., Ливенск. у.).

Вліяніе замѣчается со стороны деревенскихъ крикуновъ. Таковымъ считается Кузьма Ивановъ; онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, на два слова противника отвѣтитъ десятью. Кузьма Ивановъ не имѣетъ привычки серьезно и резонно опровергать противника, нѣтъ,—онъ высматриваетъ смѣшныя стороны въ рѣчахъ, а иногда и въ фигурѣ противника, и поднимаютъ его на-смѣхъ, разсчитывая, что крестьяне дружно будутъ вторить ему. Въ расчетахъ своихъ онъ не ошибается: собравшись вмѣстѣ, крестьяне любятъ вдоволь похохотать и съ удовольствіемъ слушаютъ балагура. Своею быстрою и безцеремонною рѣчью Кузьма Ивановъ сплошь и рядомъ осѣкаетъ умныхъ и дѣльныхъ крестьянъ и такимъ образомъ вліяетъ на постановленія схода, что послѣ крестьяне сами удивляются тому, какъ это ихъ угораздило такимъ образомъ дѣло рѣшить. «А все этотъ Кузьма», скажетъ одинъ. «Вотъ то-то жъ оно», скажетъ другой, «мы всѣ такъ зѣваемъ, ну, хоть бы человѣкъ-то съ толкомъ сбилъ, а то вѣдь Кузьма!» Слово «Кузьма» въ Издѣшковѣ синонимъ забубенной головы—безпутника (Смоленск. губ., Вяземск. у.).

Вліяніе начальства на рѣшенія сходовъ очень распространено, хотя нельзя сказать, чтобы оно дѣйствовало повсемѣстно и съ одинаковой силой. Есть прямыя указанія на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вліяніе начальства на рѣшенія сходовъ не замѣтно (Орл. губ., Болховск. у.), въ другихъ замѣчается вліяніе

священника (Вологодск. губ., Тотемск. у.), иногда вліяніе начальства дѣйствуетъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ при постройкѣ школы, и оказывается безсильнымъ въ другихъ дѣлахъ, болѣе затрагивающихъ матеріальный интересъ общества (Калужск. губ.; Лихвинск. у., Орловск. губ., Елецкій у.), въ другихъ мѣстностяхъ, по предложенію начальства, дѣла «рѣшаются большею частью утвердительно, даже когда сходу предложеніе не нравится, наприм. при обязательномъ тушеніи лѣсныхъ пожаровъ въ казенныхъ дачахъ» (Череповецк. у.). На выборы сельскихъ должностныхъ лицъ начальство нерѣдко оказываетъ открытое давленіе; земскій начальникъ прямо указываетъ, кого подлежитъ избрать старшиною (Пензенск. г., Саранскій у.); иногда доходитъ до того, что когда земскій начальникъ присутствуетъ на сходѣ, самостоятельность послѣдняго «сводится къ нулю» (Бѣлозерск. у.).

Понятно, что общаго правила о вліяніи начальства на сходѣ вывести изъ изложенныхъ данныхъ трудно. Многое зависитъ отъ индивидуальныхъ условій и качества какъ крестьянъ, такъ и носителей власти, такъ и, наконецъ, взглядовъ авторовъ корреспонденцій. Наиболѣе характерные разсказы о давленіи властей на приговоры общаго свойства, равно и на выборы, привожу въ заключеніе цѣликомъ.

«Въ описанной нами мѣстности былъ такой случай. Земскій начальникъ особенно старался отеческими мѣрами побудить крестьянъ своего участка къ трезвости. Подъ его давленіемъ крестьяне двухъ деревень составили приговоры о томъ, чтобы въ ихъ деревняхъ не было ни винныхъ лавокъ, ни трактирныхъ заведеній. Такіе приговоры составлены были крестьянами въ ознаменованіе спасенія отъ опасности нынѣ царствующаго Императора при покушеніи на его жизнь въ Японіи. Приговоры эти мѣстнымъ земскимъ начальникомъ были утверждены. Губернское начальство черезъ Министерство внутреннихъ дѣлъ довело о состоявшихся приговорахъ до свѣдѣнія Государя Императора. Крестьянамъ послѣдовала Высочайшая благодарность.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Земскій начальникъ, ревнитель трезвости, умеръ и на его мѣсто назначенъ былъ другой, который ничего не зналъ о состоявшемся приговорѣ. Да и сами крестьяне стали понемногу забывать о немъ. Между тѣмъ въ одну изъ деревень пріѣхалъ богатый питерецъ, который и сталъ просить своихъ однодеревенцевъ, чтобы тѣ дозволили ему открыть въ своей деревнѣ винную лавку. Въ ходъ пущено было, какъ водится, и подпаиваніе и уговоры. Въ концѣ концовъ мужики сдались и составили проговоръ о томъ, что разрѣшаютъ такому-то

открытіе въ своей деревнѣ винной лавки. Приговоръ этотъ былъ представленъ земскому начальнику и послѣдній утвердилъ его. Другая деревня, узнавъ о случившемся, поспѣшила и у себя открыть винную лавку. Винныя лавки существуетъ въ той и другой деревнѣ и до сихъ поръ» (Ярославск. губ.).

Бываютъ иногда случаи, что крестьяне даютъ нежелательные для нихъ приговоры подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ, напр., въ прошломъ году былъ такой случай: земскій начальникъ приказалъ старшинѣ собрать волостной сходъ и предложить крестьянамъ учредить десятикопѣечный сборъ съ надѣльныхъ участковъ на дѣла благотворительности, обусловивъ въ приговорѣ, что если кто либо изъ крестьянъ откажется дать эти десять копеекъ добровольно, съ того взыскать въ видѣ штрафа 50 коп. Крестьяне отказались дать желательный для земскаго начальника приговоръ по той причинѣ, что въ Бѣлоомутѣ дѣло благотворительности и такъ поставлено хорошо, что всегда на лицо имѣются свободныя средства, за отсутствіемъ нуждающихся. Но они всетаки соглашались дать приговоръ въ томъ случаѣ, если сборъ этотъ не будетъ обязательнымъ и не обусловитъ никакихъ штрафовъ, а будетъ добровольнымъ, для чего предлагали поставить въ волостномъ правленіи кружку, въ которую могли бы быть опускаемы пожертвованія. Но земскій начальникъ этимъ отвѣтомъ не удовлетворился, а приказалъ старшинѣ снова собрать сходъ и постараться во что бы то ни стало добиться согласія крестьянъ на учрежденіе сбора. Но въ приговорѣ было снова отказано. Только по настоянію старшины, указавшаго на настойчивость требованія и потерю времени на новый сходъ, крестьяне почти всѣ, за исключеніемъ 6 человѣкъ, волей-неволей подписались подъ нежелательнымъ приговоромъ (Рязанск. губ., Зарайск. у.).

Перевѣсъ на сходѣ обыкновенно берутъ люди болѣе богатые, если они совсѣмъ не потеряли уваженія, и люди съ широкою глоткою. Начальство въ большинствѣ случаевъ мало вмѣшивается въ споры и рѣшенія сходовъ, но если ему надо рѣшить тотъ или другой вопросъ по своему желанію, то это легко достигается. Вотъ примѣры. 4 года тому назадъ въ деревнѣ Коротовѣ Уломской волости былъ выборъ кандидата въ волостные судьи. Передъ этимъ три года предсѣдателемъ волостного суда былъ крестьянинъ изъ этой же деревни. Вновь этого навязчиваго человѣка крестьяне ни за что не хотѣли выбрать, такъ какъ онъ, хотя человѣкъ и богатый, однако не пользуется ни малѣйшимъ уваженіемъ среди односельчанъ. Земскому же начальнику во что бы то ни стало хотѣлось выбрать опять прежняго предсѣдателя, которому и самому

хотѣлось до страсти занять старую должность. Земскій начальникъ является на сходъ и начинаетъ убѣждать крестьянъ въ необходимости выбрать желаемаго ему человѣка. И какъ ни упирались мужики, а выбрали таки лицо, котораго совсѣмъ не желали» (Новгородск. г., Череповецк. у.).

Нижеприведенный случай служитъ прекрасной характеристикой того, какъ вліяютъ земскіе начальники на выборъ волостныхъ старшинъ. «Подходило время выборовъ одного изъ старшинъ Люб. у., К. К. Мѣстный земскій начальникъ благоволилъ къ К. и еще задолго до выборовъ сказалъ К-у: «Ты будешь опять старшиной, даю тебѣ въ этомъ слово». Между тѣмъ многимъ изъ волости К. не нравился за свою бездѣятельность и излишнюю угодливость по отношенію къ начальству, и имъ хотѣлось смѣстить К. Пришло время выборовъ въ старшины. На выборы явился и самъ земскій начальникъ. По обыкновенію, первоначально былъ произведенъ учетъ старшинѣ К. за время его старшинства. Въ результатѣ оказалось, что денежныя книги были всѣ въ порядкѣ, капиталъ былъ весь на лицо и отъ прошлаго года даже осталось экономіи въ 35 р. слишкомъ.

Когда это было доложено земскому начальнику, то онъ обратился къ выборнымъ съ рѣчью, въ которой указывалъ на то, что старшина ихъ былъ человѣкъ исправный по должности и усердный, а потому и предложилъ имъ баллотировать его опять на прежнюю должность. Въ результатѣ К. былъ избранъ большинствомъ въ два голоса. «Какіе это выборы», съ неудовольствіемъ говорили послѣ этого крестьяне, «когда начальство не въ свое дѣло вмѣшивается. Не будь начальства, мы бы указали ему, какой онъ исправный человѣкъ». — Зачѣмъ же клали тогда избирательные шары?—«Какъ зачѣмъ? вѣдь кабы мы знали, что земскій велитъ выбирать П. М., то такъ. А то К. мы не выберемъ, а земскій велитъ намъ выбирать другого, который еще хуже и К. будетъ. Вотъ и выбрали К., пущай хоть онъ будетъ: по крайности мы знаемъ, привыкли къ нему».—Вы бы заявили земскому, что не хотите К., а хотите своего кандидата,—замѣтилъ я.—«Больно прытокъ ты, господинъ! Заяви, а тебя подъ арестъ онъ велитъ убрать, и жаловаться на него не моги. А кому охота подъ арестомъ сидѣть?»— И мужикъ былъ правъ. Всегда, когда только земскій начальникъ принимаетъ участіе въ выборахъ, выборы становятся какою-то кукольною комедіей. Но этого мало; факты въ родѣ приведеннаго, дѣйствуютъ крайне деморализующимъ образомъ на населеніе. Причину каждаго уклоненія отъ закона народъ привыкъ считать во взяткѣ. Такъ было и въ вышеописанномъ случаѣ. Крестьяне прямо

таки утверждали, что К. далъ земскому начальнику пятьдесятъ руб. за то, чтобы тотъ выбралъ его снова въ старшины. Старшина не отрицалъ этихъ слуховъ, такъ какъ они были ему на руку» (Любимскій у.).

«На сельскихъ сходахъ бываетъ шумно,—невозможно разслышать, кто о чемъ говоритъ. Противники стараются не убѣдить, а единственно перекричать другъ друга. Иногда не дадутъ высказаться старостѣ, зачѣмъ вызванъ сходъ, начинаютъ неистово кричать «не надо, не надо», не зная еще, что именно не надо. Ссоры и взаимныя оскорбленія, а подчасъ и неприличная ругань являются нерѣдко на сходахъ. Причина тому—общность интересовъ и забота о своихъ личныхъ. Нѣкоторые крестьяне совсѣмъ уклоняются бывать на сходахъ; особыхъ мѣръ понужденія противъ нихъ не принимается. Въ рѣшеніи дѣлъ такъ или иначе, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ вліяніе, богатые домохозяева, а иногда тѣ, которые выдѣляются своею разсудительностью. Пожилые крестьяне, поэтому, и староста, обращаясь къ сходу, говорятъ: «собрались мы, старички», и т. д. Нѣкоторые вопросы сходомъ рѣшаются, какъ настаиваетъ начальство. Привожу примѣръ: общество выбираетъ сотскаго. Избранное лицо, по убѣжденію становаго пристава, не годится; тогда крестьянамъ объявляютъ объ этомъ и предваряютъ, что слѣдуетъ «выбрать такого-то, а то становой не утвердитъ и замучаетъ сходами»; тогда общество и подписывается къ приговору объ избраніи того, на кого указали» (Рязанск. губ., Скопинск. у.).

«Нашъ теперешній старшина С. прежде болѣе десяти лѣтъ служилъ въ имѣніи нашего бывшаго земскаго начальника экономическимъ ключникомъ; въ то время его баринъ полюбилъ за то, что онъ ябедничалъ ему про все, что только дѣлалось въ экономіи. Въ 1894 году земскій начальникъ назначилъ выборы въ старшины, для чего по его распоряженію былъ созванъ волостной сходъ. Волостной сходъ указалъ земскому начальнику нѣсколько кандидатовъ на эту должность изъ умныхъ, дѣльныхъ и честныхъ крестьянъ. Тогда земскій начальникъ объявилъ сходу, что эти крестьяне въ волостные старшины не годятся, а вотъ будетъ вамъ хорошимъ старшиною С., который служитъ давно у меня въ экономіи ключникомъ,— онъ человѣкъ честный. Выборные на это возразили земскому, что они этого С. не знаютъ и потому въ старшины выбирать его не желаютъ. Земскій на это отвѣтилъ: «Если вы его не знаете, то я сейчасъ за нимъ пошлю, онъ пріѣдетъ на сходъ и вы его увидите». С. пріѣхалъ на волостной сходъ, былъ показанъ сходу самимъ земскимъ. Затѣмъ земскій начальникъ

открылъ выборы волостного старшины посредствомъ закрытой баллотировки шарами. Первымъ кандидатомъ баллотировался ключникъ земскаго, но онъ былъ забаллотированъ. Это было уже поздно вечеромъ, и земскій объявилъ сходчикамъ, что онъ ихъ будетъ держать въ волостномъ правленіи до тѣхъ поръ, пока они не выберутъ себѣ старшиною С. и прервалъ производство выбора. Лица, бывшія на сходѣ, посовѣтовались между собою, рѣшили исполнить приказаніе земскаго начальника, выбрать С. старшиною, о чемъ и было доложено земскому. Тогда земскій снова началъ производить выборы и снова допустилъ С. до баллотировки, и его выбрали старшиною, а потомъ выбрали кандидата къ нему. По истеченіи срока службы снова были произведены выборы волостного старшины. Волостной сходъ желалъ выбрать старшиною не С., а другого крестьянина нашей волости, который служилъ около 10 лѣтъ волостнымъ писаремъ, водки не пьетъ и слыветъ какъ въ народѣ, такъ и въ начальствѣ, за честнаго, умнаго и дѣльнаго человѣка; но когда прибылъ на волостной сходъ земскій начальникъ, то потребовалъ отъ схода, чтобы старшиною снова былъ избранъ на голосахъ безъ баллотировки шарами старый старшина С., а иначе онъ опять самъ и безъ выборовъ оставитъ его старшиною. Когда, несмотря на это приказаніе, волостной сходъ высказалъ земскому, что лучшимъ старшиною былъ бы вышесказанный крестьянинъ (Евсѣевъ), то земскій подозвалъ этого крестьянина и сказалъ ему:—Ты, братецъ, служишь волостнымъ писаремъ, такъ и служи, а въ старшины не лѣзь. — Тогда уже въ виду такого приказанія земскаго начальника, волостной сходъ голосами сказалъ: пусть будетъ по вашему приказанію старшиною у насъ опять старый С. Оба раза выбрали С. въ старшины, по окончаніи выборовъ ему лично самъ земскій приказалъ угостить волостной сходъ водкою, и онъ дѣйствительно угощалъ, давая на водку по 25 рублей каждый разъ» (Орловская губ., Кромск. у.).

§ 10. Приведеніе въ исполненіе постановленій сходовъ.

Приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ, не отмѣненные подлежащими властями въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ Положеніемъ объ установленіяхъ, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами, приводятся въ исполненіе волостными и сельскими должностными лицами.

§ 11. Власти, имѣющія ближайшее отношеніе къ крестьянамъ. Волостныя и сельскія должностныя лица.

Волостное управленіе составляютъ, согласно закону, волостное правленіе и волостной старшина.

Обязанности старшины и правленія изложены въ Общемъ положеніи о крестьянахъ, важнѣйшія статьи котораго привожу:

98. Волостной старшина отвѣтствуетъ за сохраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости. Въ этомъ отношеніи ему вполнѣ подчиняются сельскіе старосты.

99. Вѣдомству волостного старшины подлежатъ: сельскія общества, къ составу волости принадлежащія, и вообще лица, состоящія въ вѣдѣніи сельскаго управленія тѣхъ обществъ (ст. 77 и прим. 1), или приписанныя къ волости.

100. По дѣламъ полицейскимъ, волостной старшина въ предѣлахъ вѣдомства волостного управленія обязанъ:

1. Объявлять, по предписаніямъ мѣстной полиціи, законы и распоряженія правительства, и наблюдать за нераспространеніемъ между крестьянами подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ.

2. Охранять благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ и безопасность лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а также принимать первоначальныя мѣры для возстановленія нарушенной тишины, порядка и безопасности, впредь до распоряженія мѣстной полиціи.

3. Задерживать бродягъ и бѣглыхъ и представлять ихъ полицейскому начальству.

4. Доносить мѣстной полиціи о самовольно отлучившихся изъ волости, о преступленіяхъ и безпорядкахъ, случившихся въ волости.

5. Наблюдать за точнымъ исполненіемъ установленныхъ симъ положеніемъ правилъ о припискѣ, увольненіи и перечисленіи крестьянъ изъ одного общества въ другое, и доносить о семъ мѣстной полиціи, для увѣдомленія мѣстнаго казначейства и казенной палаты.

6. Распоряжаться въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, падежѣ скота и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, и немедленно доносить полицейскому начальству о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ волости.

7. Предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки; принимать полицейскія мѣры для открытія и задержанія виновныхъ и представлять ихъ на дальнѣйшее распоряженіе подлежащаго начальства и

8. Наблюдать за исполненіемъ приговоровъ волостного суда и постановленій учрежденій, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами.

101. Волостной старшина, по дѣламъ общественнымъ, обязанъ въ предѣлахъ вѣдомства волостного управленія

1. Созывать и распускать волостной сходъ и охранять должный на ономъ порядокъ.

2. Предлагать на разсмотрѣніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользъ волостного общества, а въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, представлять, сверхъ сего, заблаговременно земскому начальнику списокъ дѣлъ, предназначенныхъ къ разсмотрѣнію на волостномъ сходѣ.

3. Приводить въ исполненіе приговоры волостного схода, постановленные на основаніи законовъ и правилъ, симъ Положеніемъ установленныхъ.

4. Наблюдать за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ и проч.

5. Наблюдать какъ за сельскими старостами, такъ и за другими должностными лицами, чтобы каждый изъ нихъ исполнялъ въ точности свои обязанности.

6. Наблюдать за исправнымъ отправленіемъ обществами всякаго рода повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ.

7. Завѣдывать волостными мірскими суммами и волостными мірскими имуществами, отвѣтствуя за цѣлость оныхъ и правильное ихъ употребленіе.

8. Выдавать сельскимъ обывателямъ, по истребованіи надлежащихъ удостовѣреній, установленные виды на жительство и свидѣтельства для перехода въ другія общества и сословія, и

9. Надзирать за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и всякаго рода общественныхъ заведеніяхъ, если они учреждены волостнымъ обществомъ на свой собственный счетъ.

103. Волостной старшина обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія земскаго участковаго начальника или мирового посредника (ср. кн. III, Пол. уст. крест., ст. I, прим. I), судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства.

Примѣчаніе. Приказанія мѣстной полиціи, касающіяся полицейскихъ обязанностей волостного старшины или сельскаго старосты, передаются имъ: или прямо, или черезъ сотскаго. Сотскій можетъ передать старшинѣ или старостѣ только приказанія мѣстной полоціи и не имѣетъ права вмѣшиваться

въ дѣла волостного или сельскаго управленія, но можетъ требовать ихъ содѣйствія къ исполненію предписаній полиціи и къ задержанію преступниковъ или подозрительныхъ людей. Въ этомъ случаѣ сельскія и волостныя начальства обязаны исполнять требованія сотскихъ и оказывать имъ надлежащую помощь; равно и сотскіе обязаны содѣйствовать сельскимъ и волостнымъ начальствамъ въ исполненіи ихъ полицейскихъ обязанностей и въ сохраненіи порядка.

105. Волостное правленіе составляется изъ старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ или помощниковъ старшины и изъ сборщиковъ податей, тамъ, гдѣ есть особые сборщики.

Примѣчаніе 1. Предоставляется волостному сходу, по собственному его усмотрѣнію, избирать, для присутствованія въ волостномъ правленіи, одного или двухъ особыхъ засѣдателей, если сходъ найдетъ это необходимымъ, съ тѣмъ, чтобы сіи засѣдатели могли замѣнять въ правленіи сельскихъ старостъ.

Примѣчаніе 2. Въ волостяхъ, составленныхъ изъ большого числа мелкихъ сельскихъ обществъ, предоставляется волостнымъ сходамъ, если они пожелаютъ избирать особыхъ засѣдателей, каждаго на нѣсколько сельскихъ обществъ, какъ для замѣны сельскихъ старостъ въ присутствіи волостного правленія, такъ и для содѣйствія волостному старшинѣ по возложеннымъ на него дѣламъ полицейскимъ и распорядительнымъ.

106. Волостное правленіе собирается, по возможности и удобству, въ воскресные дни, а въ случаѣ предписанія начальства или дѣлъ, не терпящихъ ослагательства, и въ другіе дни.

107. Рѣшенію правленія, единогласному или по большинству голосовъ наличныхъ членовъ, подлежатъ только слѣдующія дѣла: 1) производство, изъ волостныхъ суммъ, всякаго рода денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ; 2) продажа частнаго крестьянскаго имущества, по взысканіямъ казны или частнаго лица, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такая продажа не возлагается по закону на другія установленія, и 3) опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Старшина по всѣмъ другимъ дѣламъ его вѣдомства только совѣтуется съ правленіемъ, но распоряжается по своему усмотрѣнію, подъ личною своею отвѣтственностью.

По общему отзыву источниковъ, на практикѣ волостное правленіе находится подъ совершеннымъ руководствомъ старшины и писаря.

Волостной старшина избирается волостнымъ сходомъ и утверждается земскимъ начальникомъ. Онъ можетъ быть удаленъ отъ должности согласно ст. 58 Пол. Уст. Крест. Суд. изд. 1902 года, за служебные проступки, по представленію земскаго начальника, уѣзднымъ съѣздомъ.

Согласно отзыву большинства источниковъ, волостной старшина имѣетъ прямое соприкосновеніе съ крестьянами волости по всѣмъ наиболѣе важнымъ для нихъ дѣламъ. Сельскіе старосты вполнѣ подчинены ему какъ въ отношеніи соблюденія порядка и благочинія, такъ и въ дѣлѣ взысканія повинностей, а равно и при исполненіи предписаній властей административныхъ и судебныхъ.

Но и частныя дѣла крестьянъ рѣдко разрѣшаются безъ участія старшины. Всякіе раздѣлы и имущественные споры между крестьянами фактически доходятъ до старшины и часто улаживаются при его содѣйствіи безъ участія суда. Старшина руководитъ сельскими сходами при учетѣ сельскихъ старостъ. Старшина имѣетъ рядъ полицейскихъ обязанностей, онъ же судбеный приставъ, онъ же вѣдаетъ сиротскія дѣла, онъ же и деревенскій нотаріусъ, и агентъ по обязательному страхованію и часто—предсѣдатель волостного суда.

Типы волостныхъ старшинъ, могущіе быть выведенными изъ имѣющихся въ распоряженіи автора данныхъ, едва ли отличаются яркою характерностью. Общій недостатокъ должности—ея зависимость одновременно отъ избирателей и отъ администраціи (земскаго начальника и полиціи), но необходимо замѣтить, что этотъ недостатокъ меньше сказывается въ должности волостного старшины, чѣмъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ должности сельскаго старосты. Волостной старшина утверждается въ должности земскимъ начальникомъ, умѣющимъ въ большинствѣ случаевъ оказывать давленіе и на самые выборы старшины.

Источники подтверждаютъ тотъ фактъ, что при оцѣнкѣ должности старшины трудно придти къ опредѣленному общему заключенію. Индивидуальныя особенности играютъ здѣсь главнѣйшую роль. Во всякомъ случаѣ, исправные старшины составляютъ довольно большой процентъ, и злоупотребленія самихъ старшинъ, со времени введенія земскихъ начальниковъ, должны быть признаны не особенно частыми.

Нельзя того же сказать про дѣятельность волостного писаря. Хотя большинство матеріаловъ даетъ право заключить, что злоупотребленія писарей уменьшились въ связи съ правами земскихъ начальниковъ удалять ихъ отъ должностей своею властью (Пол.

Уст. Кр. ст. 29), тѣмъ не менѣе ихъ далеко нельзя считать искорененными. Поэтому главнымъ критеріемъ для оцѣнки дѣятельности волостныхъ старшинъ и правленій является не столько степень честности и добросовѣстности самихъ старшинъ, сколько степень зависимости старшины отъ писаря. Послѣдняя же тѣмъ больше, чѣмъ менѣе грамотенъ и менѣе энергиченъ старшина. Къ сожалѣнію, надо признать, что, по имѣющимся даннымъ, старшины, находящіеся въ рукахъ у писарей, составляютъ большой процентъ общаго ихъ числа. Злоупотребленія же писарей повсемѣстны.

Вотъ характерный примѣръ старшины, не читающаго бумагъ и вполнѣ зависимаго отъ писаря.

«При мнѣ былъ такой случай: пріѣхалъ земскій начальникъ въ волостное правленіе, гдѣ было человѣкъ 5—7 постороннихъ и писарь. Обращается старшина къ земскому начальнику писклывымъ голосомъ: «Ваше высокородіе, за что меня-то оштрафовали на 5 р.?—Какъ за что,—за неисполненіе моихъ распоряженій по приведенію рѣшеній волостного суда въ исполненіе.—Да я въ этомъ не виноватъ, я не зналъ, что писарь знаетъ?—Да какже ты не зналъ, когда я тебѣ нѣсколько разъ писалъ?—Не зналъ—писарь не читалъ.—Хорошъ старшина, если ничего не знаетъ, говоритъ начальникъ.—Такъ ужъ ослобоните меня, ваше высокородіе, отъ должности, съ воемъ обращается старшина къ начальнику. По уходѣ начальника я спросилъ старшину, кто получаетъ бумаги, распечатываетъ и помѣчаетъ? Старшина отвѣчаетъ: «Писарь получаетъ и распечатываетъ, помѣчаю я».—Такъ отчего ты не читаешь бумагъ или не велишь писарю прочитывать?—«Вотъ сказалъ,—гдѣ же мнѣ читать бумаги, когда ихъ найдетъ уйма, да и не прочитать другую бумагу, все ши да щи, а и прочитаешь, да не поймешь—такъ писарь все и дѣлаетъ, а я отвѣчаю, а когда отвѣтъ изготовитъ,—подписываюсь. Мое дѣло мужицкое—торопишься домой поскорѣй, хозяйства изъ-за этого не бросать стать. Вотъ ежели бы писарь сказалъ мнѣ, что надо это и это сдѣлать, тогда я бы не былъ въ отвѣтѣ» (Новгородск. губ., Череповецк. у.).

Вотъ еще примѣръ злоупотребленій господствующаго въ волостномъ правленіи писаря.

«Разъ былъ такой случай. Въ З....е волостное правленіе явился крестьянинъ съ просьбой составить духовное завѣщаніе. Духовное завѣщаніе было написано, скрѣплено старшиною и положено крестьяниномъ на храненіе въ то же волостное правленіе. Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ. Вмѣсто прежняго волостного старшины былъ избранъ новый. Между тѣмъ крестьянинъ, сдѣлавшій завѣщаніе, умеръ и завѣщаніе это, согласно прежнимъ узако-

неніямъ, должно было идти на утвержденіе въ окружный судъ. Между тѣмъ къ писарю явились наслѣдники съ просьбой узнать содержаніе духовнаго завѣщанія. Часть наслѣдниковъ въ завѣщаніи оказалась обойденною. Обойденные стали просить волостного писаря что-нибудь сдѣлать такъ, чтобы завѣщаніе не было утверждено и наслѣдованіе состоялось по закону. Писарь, получивъ приличную благодарность, обдѣлалъ дѣло очень просто: онъ оторвалъ отъ духовнаго завѣщанія пустой полулистъ и отправилъ въ такомъ видѣ духовное завѣщаніе на утвержденіе окружнаго суда. Послѣдній, получивъ такое завѣщаніе, не утвердилъ его, такъ какъ оно было написано на полулистѣ, и раздѣлъ наслѣдства состоялся въ порядкѣ наслѣдованія по закону» (Ярославск. губ., Пошехонск. у.).

Въ отношеніяхъ между крестьянами и ближайшими къ нимъ властями нельзя не отмѣтить слѣдующаго весьма характернаго явленія: крестьяне всегда стараются укрывать своихъ ближайшихъ властей передъ высшимъ начальствомъ въ томъ случаѣ, если противъ этихъ властей возбуждается преслѣдованіе за ихъ противозаконные поступки.

«Старшина К-нъ К-ъ доживалъ послѣдній годъ. Слухи ходили о томъ, что можетъ быть выберутъ другого старшину. Разъ въ правленіи зашелъ объ этомъ разговоръ въ присутствіи старшины и писаря. Тутъ же было человѣкъ семь крестьянъ. Старшина прямо и во всеуслышаніе заявилъ: «Дураки вы, дураки, стоитъ только захотѣть мнѣ, и опять я у васъ буду старшиной, хотя вы меня и не выберете. Дамъ земскому 50 рублей—и дѣло съ концомъ. Ему же теперь до зарѣза деньги нужны». Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько времени. Разговоръ этотъ какимъ-то образомъ (по всей вѣроятности, черезъ волостного писаря, который жилъ не въ ладахъ со старшиной) дошелъ до ушей земскаго начальника. Послѣдній явился на мѣсто, чтобы лично разслѣдовать дѣло. Опрошенные имъ крестьяне, въ присутствіи которыхъ сказаны были старшиною вышеозначенныя слова, единогласно заявили, что «они слыхомъ не слыхали ничего такого», что «старшина такихъ словъ никогда и не говорилъ».

«А вотъ и еще фактъ. Волостной писарь О-въ задумалъ сдѣлать частную лотерею—разыграть свои часы и гармонику. Билеты на эту лотерею навязывались чуть не насильно знакомымъ и незнакомымъ крестьянамъ. Слухи объ этой лотереѣ дошли до начальства и было по этому поводу назначено слѣдствіе. И что же? тѣ лица, которымъ билеты были именно навязаны, заявили, что они брали билеты добровольно, безъ всякаго принужденія».

Что касается сельскихъ старостъ, то самой характерной стороной ихъ положенія является одновременная зависимость отъ однообщественниковъ (избирателей) и отъ властей (земскаго начальника и старшины), поставленныхъ надъ этими же однообщественниками. Такимъ образомъ положеніе старосты—всегда двойственное. Староста не можетъ быть ни настоящею властью надъ крестьянами, ни органомъ самоуправленія. Правомъ наложенія на крестьянъ дисциплинарныхъ взысканій (арестъ до 2-хъ дней или штрафъ до 1 р. Общ. пол. ст. 79) старосты пользуются, согласно имѣющимся даннымъ, изрѣдка, не желая возстанавливать противъ себя односельчанъ. По той же причинѣ старосты далеко не всегда относятся къ распоряженіямъ властей съ достаточной энергіей.

Обязанности сельскаго старосты изложены въ Общемъ полож. кр., главныя статьи котораго привожу.

74. По дѣламъ общественнымъ сельскій староста исполняетъ, въ предѣлахъ вѣдомства сельскаго общественнаго управленія, слѣдующія обязанности: 1) созываетъ и распускаетъ сельскій сходъ и охраняетъ на ономъ должный порядокъ; 2) предлагаетъ на разсмотрѣніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользъ сельскаго общества; 3) приводитъ въ исполненіе приговоры сельскаго схода, распоряженія волостного управленія и учрежденій, завѣдывающихъ управленіемъ и поземельнымъ устройствомъ сельскихъ обывателей; 4) наблюдаетъ за цѣлостью межъ и межевыхъ знаковъ на земляхъ, въ пользованіи крестьянъ находящихся или принадлежащихъ имъ въ собственность; 5) наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ и пр. на земляхъ, отведенныхъ сельскому обществу въ надѣлъ или пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность; 6) наблюдаетъ за исправнымъ взносомъ крестьянами окладныхъ сборовъ и отбываніемъ всякаго рода повинностей и взимаетъ денежные сборы въ тѣхъ обществахъ, гдѣ не будетъ особыхъ сборщиковъ; 7) понуждаетъ къ исполненію условій и договоровъ крестьянъ между собою, а равно заключенныхъ съ посторонними лицами, когда такіе договоры не оспариваются самими крестьянами; 8) надзираетъ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и другихъ общественныхъ заведеніяхъ, если они учреждены сельскимъ обществомъ на свой собственный счетъ; 9) по просьбамъ крестьянъ о выдачѣ имъ установленныхъ видовъ на жительство или объ увольненіи вовсе изъ общества, даетъ волостному старшинѣ надлежащее удостовѣреніе въ томъ, что къ выдачѣ видовъ на жительство или къ увольненію означенныхъ крестьянъ препятствій нѣтъ; 10) завѣдываетъ, въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, мірскимъ хозяй-

ствомъ и мірскими суммами; надзираетъ за цѣлостью запаснаго общественнаго хлѣба и за правильнымъ распоряженіемъ онымъ, и 11) охраняетъ отъ растраты тѣ имущества неисправныхъ плательщиковъ, коими обезпечивается взысканіе недобора или недоимки.

Примѣчаніе. На выборныхъ отъ переселенческихъ товариществъ крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю съ содѣйствіемъ Крестьянскаго поземельнаго банка возлагается: 1) охраненіе должнаго порядка на сходѣ, руководство сужденіями, счетъ подаваемыхъ голосовъ, исполненіе рѣшеній схода, а равно исполненіе распоряженій правительственныхъ и земскихъ установленій и должностныхъ лицъ по дѣламъ товарищества и 2) обязанности сельскаго старосты по охраненію порядка и безопасности во вновь устроившемся поселеніи, а равно по исполненію относящихся до обывателей поселенія распоряженій правительственныхъ и земскихъ установленій и должностныхъ лицъ. Съ возложеніемъ на выборныхъ этихъ обязанностей имъ присвоивается установленный для сельскихъ старостъ знакъ.

75. Сельскій староста исполняетъ всѣ приказанія волостного старшины по дѣламъ полицейскаго вѣдомства, въ ст. 100 упомянутымъ. Сверхъ того, не ожидая приказаній, староста обязанъ, въ предѣлахъ своего общества: 1) принимать необходимыя мѣры для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а равно предупреждать, чтобы не было потравъ хлѣба, побоя травы, лѣсныхъ пожаровъ, и порубокъ въ лѣсахъ; 2) задерживать бродягъ и бѣглыхъ и представлять ихъ мѣстной полиціи для дальнѣйшаго распоряженія; 3) распоряжаться подачею помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: при пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, падежѣ скота и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, немедленно извѣщая волостного старшину, а въ случаѣ надобности—донося прямо и полиціи о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ сельскомъ обществѣ; 4) въ случаѣ совершенія преступленія, дѣлать предварительное дознаніе, задерживать виновныхъ и охранять слѣды преступленія, до прибытія мѣстной полиціи или судебнаго слѣдователя.

78. Сельскій староста обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія земскаго участковаго начальника или мирового посредника (ср. Кн. III. Пол. Устан. Кр., ст. I, прим. 1), судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и всѣхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства.

Нѣтъ сомнѣнія, что большая или меньшая энергія старосты, умѣнье себя поставить какъ передъ начальствомъ, такъ и передъ односельчанами, зависитъ отъ личныхъ свойствъ старосты. Но все же необходимо признать, что въ матеріалахъ не имѣется ни одного указанія на старостъ, умѣющихъ быть настоящими руководителями своихъ односельчанъ. Въ виду труднаго двойственнаго положенія старосты, сопряженнаго съ хлопотами и плохо вознаграждаемаго, лучшіе люди деревни всячески стараются избавиться отъ этой должности; но вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, людей энергичныхъ и выдающихся не любятъ выбирать, боясь быть у нихъ потомъ въ подчиненіи. Все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ весьма слабое значеніе и пользу для крестьянъ отъ должности старосты въ нынѣшней ея постановкѣ.

«Отношенія съ крестьянами староста старается поддерживать самыя миролюбивыя, и это очень для него выгодно, потому что расположенные къ старостѣ крестьяне употребляютъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы не подвергнуть его непріятностямъ отъ начальства. При мнѣ въ волостномъ правленіи былъ такой фактъ. Старостѣ Ярцевскаго общества Дмитрію Григорьеву старшиной приказано было арестовать крестьянъ, не уплатившихъ податей своевременно. При мнѣ Дмитрій Григорьевъ приходилъ въ правленіе съ котомкой за плечами.—Куда это, Дмитрій, съ котомкой?—спросилъ старшина. Дмитрій, путаясь и сбиваясь, началъ свой докладъ старшинѣ, который заключалъ приблизительно слѣдующее: «Ты велѣлъ недоимщиковъ привести подъ арестъ. Имъ работа нашлась у Судакова—бревна въ груды въ лѣсу обваживать (только что накурилъ первый снѣгъ). Ему надо обвозить теперь, пока снѣгу не углубило. Если ихъ посадить, Судаковъ порядитъ другихъ, просидятъ они и денегъ у нихъ не будетъ и взять имъ ужъ больше негдѣ, а какъ повозятъ эту недѣльку, заплатятъ недоимку. Ты ужъ, пожалуйста, напиши исправнику, чтобы онъ меня посадилъ, я самъ и бумагу занесу нарочно и хлѣба въ котомку наклалъ». Понятно, что такого старосту односельчане ни платежами, ни дурными какими поступками не выдадутъ» (Новгородская губ., Череповецкій уѣздъ).

Староста большею частью отдаетъ свои приказанія отдѣльнымъ членамъ общества, но очень рѣдко рискнетъ самостоятельно, безъ согласія сельскаго схода, распорядиться такимъ дѣломъ, которое касается интересовъ всего общества, хотя бы имѣлъ на то законное основаніе. Шуклинскій староста отдалъ приказаніе не разводить огня въ чертѣ селенія для парки капусты. Сейчасъ же собрались крестьяне и позвали на сходъ старосту.—«Ты видалъ гдѣ,

али помнишь, чтобы капусту парили на полѣ, а не на улицѣ? Неужели намъ съ капустой за полверсты таскаться? Вѣдь живые паримъ капусту, глядимъ вѣдь». Такъ заявили крестьяне протестъ на распоряженіе старосты. Староста стоялъ на своемъ: «Я, говоритъ, буду заливать пажокъ, кто въ деревнѣ будетъ парить».— «Попробуй, залей, такъ мы те рыломъ натычемъ въ горячія головешки», пригрозили крестьяне. Приказъ старосты не былъ исполненъ и онъ не осмѣлился ни у кого залить огонь. «Совокъ, да не ловокъ», говорили болѣе умные мужики про этого старосту—кабы онъ сходъ собралъ, да сказалъ: «давайте, ребята, на полѣ капусту парить», можетъ быть, и согласились бы, да и чего не согласиться! А коли онъ вздумалъ селеньемъ командовать—шалишь! Староста безъ міра—что пастухъ безъ стада—вотъ что, братецъ ты мой». Мнѣ бросается въ глаза стремленіе крестьянъ къ ограниченію власти старосты: они стараются поставить дѣло такъ, чтобы староста былъ исполнителемъ ихъ предначертаній, а не они его приказаній, или по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ распорядиться, спрашивалъ бы разрѣшеніе схода», (Новгородская губ., Череповецк. у.).

«Нужно замѣтить и то, что сами крестьяне болѣе строгаго, дѣльнаго человѣка въ старосты не особо то желаютъ, даже избѣгаютъ, что иллюстрируетъ слѣдующій фактъ. Лѣтъ шесть тому назадъ, когда за старостою оказались нѣкоторыя недоимки, разоблаченныя однимъ крестьяниномъ, весьма грамотнымъ, нѣсколько лѣтъ бывшимъ на сторонѣ управляющимъ и который сильно возмущался общественными порядками, пропоями земли, попойками на сходахъ и вообще недобропорядочностью общественнаго хозяйства, и было слышно желаніе этого крестьянина послужить обществу нѣсколько лѣтъ для поддержанія порядка, то большая часть общества не только не порадовалась подобному кандидату, но всѣми силами стала парализовать выборы, хлопоча и около волости, и вездѣ, гдѣ только возможно, боясь, что его утвердятъ и безъ согласія общественнаго.—Ну, братцы, коли ежели енъ у старосты сядетъ, тали берегися. Такъ это кандидатство и было замято, а въ старосты попалъ тотъ, который былъ дѣйствительно помягче на водочку. Вышепоименованный крестьянинъ, видя, что общество не только что не желаетъ имѣть полезнаго труженика, но на сходкахъ и уваженія его словамъ не отдаетъ,—пересталъ посѣщать и сходъ» (Орловск. губ., Карачевскій уѣздъ).

«Въ деревнѣ Коровиной у вдовы Аксиньи Сажиной былъ полевой надѣлъ земли и полный комплектъ усадебной земли. У Сажиной былъ одинъ сынъ работникъ. Въ той же деревнѣ проживалъ богатый крестьянинъ Штыхинъ. Послѣдній давно уже зарился на

усадебную и полевую землю Сажиной и просилъ сельскихъ и волостныхъ властей, нельзя ли у Сажиной отнять полевую землю и часть усадебной, такъ какъ земля эта Сажиной ни къ чему. Просьбы Штыхина сопровождались соотвѣтственными приношеніями и угощеніемъ. Неудивительно, что и власти пришли къ тому заключенію, что земля Сажиной ни къ чему. Собранъ былъ сельскій сходъ, на которомъ и постановлено было, подъ давленіемъ сельскаго старосты, отнять у Сажиной не только послѣдній надѣлъ полевой земли, но и большую часть усадебной. Вскорѣ послѣ этого Штыхинъ скосилъ траву въ овинникѣ у старухи Сажиной. Послѣдняя обратилась было съ жалобой къ земскому начальнику, но тотъ указалъ ей обратиться къ сельскому старостѣ и волостному старшинѣ. Староста сельскій Зябликовъ выгналъ Сажину, въ волостномъ же правленіи старшина сказалъ, что усадьбу свою она проспала. Сажина струсила и во второй разъ къ земскому начальнику не пошла» (Ярославск. губ.).

§ 12. Общая полиція.

Изъ чиновъ общей полиціи наибольшее соприкосновеніе съ крестьянскимъ населеніемъ имѣетъ полицейскій урядникъ. Огромное большинство матеріаловъ указываетъ, что крестьяне относятся къ уряднику недоброжелательно. Урядники—люди, вышедшіе изъ тѣхъ же крестьянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они именно поэтому гордятся своимъ начальственнымъ превосходствомъ и относятся почти всегда къ крестьянамъ свысока и грубо. Такъ, неудовольствіе крестьянъ противъ урядника доходитъ иногда до того, что они называютъ его собакой: «опять эта бѣшеная собака пріѣхала» (Новгородск. губ., Бѣлозерск. у.), «Какъ ржа для желѣза, такъ и ѣстъ, хуже енъ всякой болѣсти» (Новгородск. губ., Череповецк. у.). Справедливое, гуманное и благожелательное отношеніе урядника къ крестьянамъ—рѣдкое исключеніе. Наиболѣе характерные разсказы цитирую цѣликомъ.

«Полицейскій урядникъ не пользуется ни малѣйшимъ уваженіемъ мѣстнаго сельскаго населенія. Крестьяне смотрятъ на него съ недовѣріемъ и считаютъ человѣкомъ продажнымъ. Такой нелестной репутаціей урядники пользуются во всѣхъ деревняхъ и причиной ея они сами, такъ какъ урядники не отказываются ни отъ какой подачки и ради нея потворствуютъ беззаконію и безправію. И дѣлается это гласно, на глазахъ всѣхъ, а черезъ это и подрывается авторитетъ урядника въ глазахъ крестьянъ. Такъ въ деревнѣ Темкинѣ нѣсколько лѣтъ существовала винная лавка, въ

которой, какъ извѣстно, воспрещалась распивочная торговля. Но содержатель лавки, заручившись расположеніемъ мѣстнаго урядника, безъ всякихъ стѣсненій торговалъ и распивочно, имѣя съ этой цѣлью отдѣльный боченокъ водки. Торговля эта производилась открыто даже и въ присутствіи урядника, который какъ будто не замѣчалъ нарушеній закона и, дѣлая частые наѣзды къ кабатчику, никогда не привлекъ его къ отвѣтственности. Но, будучи объ урядникѣ такого нелестнаго для него мнѣнія, мѣстные крестьяне въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нимъ всетаки прибѣгаютъ къ двоедушію и стараются выказать ему мнимую почтительность. Такъ, призванные къ допросу урядниковъ, они отвѣчаютъ ему почтительно, безъ шапки, безмолвно выслушиваютъ брань и распеканія урядника и, уходя, низко кланяются, но все это происходитъ безъ всякаго смущенія и боязни. Вся фигура допрашиваемаго какъ бы говоритъ при этомъ: «Лайся сколько хочешь, а укусить—не укусишь».

Такое мнѣніе объ урядникѣ высказывается безъ всякаго стѣсненія и боязни, что оно дойдетъ до него.

— Ну что, распекъ? спрашиваютъ возвращающагося съ допроса.

— Не испугался, не великъ баринъ.

— А все же холоду нагналъ?

— И въ пяткахъ не зачесалось; знаемъ мы его: покажи ему двугривенный, на заднихъ лапкахъ запляшетъ.

— А ты бы его самъ отчистилъ?

— Зачѣмъ дразнить собаку, благо не кусаетъ» (Смоленск. губ., Юхновскій у.).

Всѣ притѣсненія отъ низшихъ начальниковъ крестьяне переносятъ съ терпѣніемъ и рѣдко на нихъ жалуются высшему начальству,—жалуются только тогда, когда слишкомъ начнутъ ихъ притѣснять. Побои, а также взятки крестьяне почти постоянно сносятъ отъ нихъ съ терпѣніемъ и безпрекословно подчиняются ихъ требованіямъ.

«Напримѣръ, въ 1899 году въ январѣ мѣсяцѣ на сельскій сходъ пріѣхалъ урядникъ. Когда онъ разсердится, то закричитъ, затопаетъ ногами; крестьянинъ испугается и стоитъ передъ нимъ, какъ истуканъ, не отвѣчая ему ни слова, что еще болѣе сердитъ его. Къ тому же урядникъ былъ заикой, малѣйшій намекъ на его недостатокъ приводилъ его въ бѣшенство. Пришлось такъ, что онъ обратился съ вопросомъ къ крестьянину, который былъ самъ заикой. Когда урядникъ у него, заикаясь, спросилъ, куда уѣхали цыгане, то крестьянинъ, тоже заикаясь, отвѣчалъ, что цыгане уѣхали въ Окаленку. Урядникъ, думая, что крестьянинъ его передразнилъ, поблѣднѣлъ отъ гнѣва и закричалъ на него: — «Т-т-ты,

к-какъ смѣешь меня дразнить?» Испугавшійся крестьянинъ отвѣчалъ ему, такъ же заикаясь, какъ и онъ: — «Я-я-я т-тебя н-не д-разню, э-это в-вамъ т-такъ по-показалось». Урядникъ еще болѣе разсердился и ударилъ его, разбивъ ему до крови носъ. Крестьянинъ испугался и молчалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Урядникъ заставлялъ крестьянина извиниться передъ нимъ и просить у него прощенія, но крестьянинъ какъ бы лишился языка. Урядникъ, думая, что онъ надъ нимъ продолжаетъ смѣяться, потому что всѣ крестьяне, глядя на фигуру виновнаго, не могли удержаться отъ смѣха, еще болѣе разсердился и началъ бить крестьянина по чемъ попало, приговаривая, что онъ не позволитъ надъ собой смѣяться никому; затѣмъ, приказалъ его связать и отправить въ волость. Крестьянина связали. Онъ, весь избитый, плакалъ и стоналъ. Тогда нѣкоторые изъ крестьянъ сказали уряднику, что онъ не дразнилъ его, а отъ роду самъ заика. Тогда урядникъ приказалъ развязать крестьянина, подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ его прощаетъ, а если бы его не простилъ, то его бы отправили въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ бы въ рудникахъ, не увидавъ свѣта Божьяго. Крестьянинъ поклонился ему въ ноги, благодаря его со слезами на глазахъ за его милость къ нему и прося его не помнить обиды. Такихъ случаевъ въ Мѣшковой случается множество, крестьянъ бьютъ и притѣсняютъ и урядники, и старшины, и писаря, и сотскіе, и старосты. Все это крестьяне переносятъ терпѣливо, боясь на нихъ жаловаться высшему начальству, а потому и жалобъ бываетъ мало на нихъ» (Орловск. губ. и уѣздъ).

Въ 1895 году начальство принимало мѣры предосторожности противъ заболѣваній «сибирской язвой» рабочаго и рогатаго скота. Каждому селенію приказано было отвозить скотъ не иначе какъ на кладбище и зарывать на извѣстную глубину и обо всякомъ заболѣваніи полицейскій десятскій долженъ былъ тотчасъ же доносить полицейскому уряднику и волостному правленію. Въ селеніи Демидовѣ пало около 10 лошадей, крестьяне зарывали не на кладбищѣ, а тамъ, гдѣ животное пало. Полицейскій десятскій черезъ пять дней донесъ уряднику, что въ его селеніи скоропостижно пали 3 лошади съ опухолью въ груди; зарыты на кладбищѣ. Урядникъ пріѣхалъ въ селеніе, собралъ крестьянъ и спрашиваетъ: «А что, сколько у васъ пало лошадей?» — Три, отвѣчаетъ полицейскій. —Гдѣ зарыты? «На кладбищѣ». Огорожено?—«Огорожено», говоритъ все тотъ же полицейскій.—Нѣтъ ли больныхъ?—«Не замѣтно», отвѣчаютъ крестьяне. Вотъ хорошо, что вы зарыли вашихъ лошадей на кладбищѣ, а иначе, Боже упаси, весь скотъ вашъ переколѣетъ. — Господинъ урядникъ, обращается къ нему

одинъ голосъ, у Ивана Федотова лошадь зарыта въ подскотинѣ, гдѣ пасется скотъ, и не глубоко, даже вонь идетъ, какъ пастухъ сказалъ.—«А ты что на меня указываешь, нѣшто я одинъ: вонъ у Петрухи, у Ваньки Безстыжаго, у дяди Прохора и у многихъ другихъ тоже зарыты, гдѣ поколѣли», выкрикиваетъ Федотовъ. Урядникъ изумился и обращается къ полицейскому:—«Какъ же ты, оселъ, говоришь, что только три лошади?»—«Я не зналъ».—«Я ужо нагоню тебѣ жару, что ты узнаешь и будешь знать.—Говори толкомъ, скотина эдакая, почему ты не доносишь?»—Прости, доносить мнѣ нельзя, потому что ежели штрафъ, или арестъ кому, то жизни мнѣ не будетъ—загрызутъ. Скажутъ: Ишь какой кляузникъ проявился. Пусть ужъ, думаю, меня арестуютъ».—«Да вѣдь ты, что мнѣ не донесъ, не избавишь ихъ отъ наказаній».—«А мнѣ что, вѣдь не я донесъ—сами сказали» (Новгородск. губ., Череповецкій у.).

Привожу еще характерный разсказъ:

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ШАПКИ (копія).

(Чернослободской волости, Вытегорскаго уѣзда);

Прошеніе исправнику на урядника.

«Иду я по селу Игнатову въ свою квартиру на 27 февраля около часу ночи изъ гостей отъ приказчика Громова и К° Моисеева, вмѣстѣ съ полицейскимъ урядникомъ 4 участка Вытегорскаго уѣзда, Бѣляевымъ, который вслѣдствіе моей отсталости шаговъ на 10 или 15 шелъ впередъ меня, а напротивъ дома крестьянина названной деревни замѣтилъ на полотнѣ дороги лежавшую штатскую зимнюю шапку построенную изъ плюша темнокраснаго цвѣта, на ватѣ и подкладкѣ, стоющую приблизительно полтора рубля, поднявъ, говорю Бѣляеву:—«Я шапку нашелъ», который доставъ огня спичкой, осмотрѣвъ оную совмѣстно со мною, сказалъ:—Это шапка, я предполагаю не учителя ли Смирнова, у котораго я видѣлъ какъ будто такую же. По этому я на основаніи 529 ст. т. X 1 ч. просилъ онаго вручить Смирнову, если онъ явитъ полныя достовѣрныя доказательства о принадлежности ему найденной мною шапки и въ пользу мою взыскать съ онаго третью часть цѣны оной. Между тѣмъ, спустя послѣ этого дней 14 или 20 я замѣтилъ на улицѣ найденную мною шапку на головѣ сына полицейскаго урядника Бѣляева, почему не вытерпѣвъ молчанія, такъ какъ, зная, что всякая вещь отъ употребленія теряетъ первобытное состояніе, къ ряду же спросилъ, находящуюся при немъ мать въ присутствіи своей жены и дѣвицы Пелагіи Ивановны Киселе-

вой, жительствующей въ селѣ Игнатовѣ Чернослободской волости:— Почему сынъ вашъ носитъ найденную мною шапку и которая отвѣтила:—«Отецъ далъ ему носить съ цѣлью, чтобы скорѣе будто бы встрѣтить хозяина шапки, такъ какъ шапка эта по справкѣ оказалась не учителя и неизвѣстно чья». Послѣ чего я еще нѣсколько разъ видалъ на головѣ того же сына урядника. Въ настоящее время не получая положительно свѣдѣній и не получивъ въ награду за нее третью часть, дерзнулъ смѣлостью почтительнѣйше донести объ этомъ противозаконномъ дѣйствіи вашему высокородію.

«При этомъ присовокупляю, что я 15 мая спрашивалъ объ шапкѣ Чернослободскаго волостного старшину Палачева, который отвѣтилъ, что отъ урядника Бѣляева никакихъ объявленій объ этомъ волостному правленію сдѣлано не было, а долгое его молчаніе и ношеніе сыномъ его шапки надталкиваетъ на мысль, что г. полицейскій урядникъ не возымѣлъ ли намѣренія самоправно воспользоваться чужою шапкою, такъ какъ со дня находки истекло уже почти 3 мѣсяца, а онъ ни разу не вспомянулъ при свиданіи со мной о ней.

«Начальникъ Кузнецкаго почтоваго отдѣленія Архангельскаго п.-т. округа Иванъ Павловъ» (Олонецкая губ., Вытегорскій у.).

Гораздо рѣже, чѣмъ урядникъ, сталкивается съ крестьянами становой приставъ, еще рѣже —уѣздный исправникъ. Послѣдній, по отзыву источниковъ, является въ деревню почти исключительно для понужденія ко взысканію податей, а становой приставъ—какъ при взысканіи податей, такъ и при дознаніяхъ болѣе важнаго свойства. Пристава и исправники относятся къ крестьянамъ болѣе гуманно, чѣмъ урядники, но кулачныя расправы и ими еще не вполнѣ оставлены.

«Болѣе уважаютъ крестьяне пристава. Но иногда, вслѣдствіе частаго посѣщенія, крестьяне привыкаютъ къ нему и перестаютъ держать себя на должной дистанціи. Болѣе строгіе и самолюбивые пристава прибѣгаютъ тогда къ крутымъ мѣрамъ.—«Да ты кто такой?» спрашиваетъ онъ вдругъ.—«Самъ видишь, сотскій», и указываетъ свой знакъ на груди. Приставъ размахнулся, далъ по щекѣ сотскому, тотъ вскочилъ, вытянулся въ струнку, а приставъ приговариваетъ:—«Если ты сотскій, такъ знай, съ кѣмъ говоришь». Черезъ минуту уже слышно:—«Такъ, ваше благородіе, прикажешь сбѣгать за Ваньковымъ-то?»—«Понялъ теперь, смѣется приставъ».—«Понялъ, спасибо, баринъ».

Все вышеизложенное относится, разумѣется, ко времени, предшествующему послѣдней смутѣ и волненіямъ въ деревнѣ. Матеріаловъ, относящихся къ послѣднему времени, авторъ, къ сожалѣнію, въ своемъ распоряженіи не имѣетъ.

§ 13. Земскіе начальники.

Властью, имѣющей несомнѣнно наиболѣе крупное значеніе въ крестьянскомъ быту, является конечно, земскій начальникъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ судебную его власть, а равно вопросъ о смѣшеніи въ его лицѣ административной и судебной функцій—вопросы, не затронутые въ матеріалахъ, имѣющихся въ распоряженіи автора—постараюсь выяснить значеніе принадлежащей земскому начальнику административной власти; цитирую главнѣйшія права земскаго начальника по тексту закона (Пол. Уст. Кр. изд. 1902 года):

23. Земскому начальнику принадлежитъ надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія, а равно производство ревизій означенныхъ установленій какъ по непосредственному его усмотрѣнію, такъ и по порученіямъ губернатора или губернскаго присутствія.

25. Во время отсутствія на мѣстѣ уѣзднаго исправника или станового пристава, на земскаго начальника возлагается надзоръ за дѣйствіями волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ по охраненію благочинія, безопасности и общественнаго порядка, равно какъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій и проступковъ. До прибытія означенныхъ полицейскихъ чиновъ, земскому начальнику предоставляется также руководство, въ сихъ отношеніяхъ, какъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, такъ и нижнихъ чиновъ уѣздной полиціи (полицейскихъ урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ), на пространствѣ всего участка, не исключая и земель владѣльческихъ.

Жалобы на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія разрѣшаются земскимъ начальникомъ собственною властью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обжалованное дѣйствіе должностного лица сельскаго или волостнаго управленія является слѣдствіемъ требованія уѣздной полиціи, судебнаго слѣдователя или другихъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства (Кн. I. Общ. Пол. ст. 78 и 103), земскій начальникъ увѣдомляетъ о послѣдовавшемъ по жалобѣ распоряженіи то должностное лицо или установленіе, по требованію котораго совершено обжалованное дѣйствіе.

29. Земскому начальнику принадлежитъ право удалять отъ должностей неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей.

30. Земскій начальникъ имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры, постановляемые волостными и сельскими сходами въ предѣлахъ ввѣреннаго ему участка.

31. Если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода постановленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ, остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда [1]).

34. Приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ объ удаленіи тѣхъ проживающихъ въ средѣ крестьянскихъ обществъ членовъ оныхъ, дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности, подлежатъ обязательной на мѣстѣ повѣркѣ земскаго начальника для выясненія правильности ихъ составленія, а равно достовѣрности и уважительности тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили имъ основаніемъ. Если земскій начальникъ признаетъ приговоръ составленнымъ неправильно или неосновательнымъ, то представляетъ объ отмѣнѣ онаго губернскому присутствію.

35. По повѣркѣ приговора (ст. 34), земскій начальникъ, если признаетъ необходимымъ, дѣлаетъ распоряженіе о заключеніи подъ стражу, въ городской тюрьмѣ, того лица, относительно коего приговоръ состоялся.

36. Приговоръ (ст. 34), признанный земскимъ начальникомъ составленнымъ правильно и основательнымъ, представляется уѣздному предводителю дворянства (тамъ, гдѣ онъ есть) для провѣрки и препровожденія въ губернское присутствіе.

37. На земскаго начальника возлагается надзоръ за состояніемъ мірскихъ капиталовъ, утвержденіе приговоровъ сельскихъ сходовъ о производствѣ изъ означенныхъ капиталовъ расходовъ на потребности подлежащихъ крестьянскихъ обществъ, если онъ съ сими приговорами согласенъ, и представленіе оныхъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, съ своимъ заключеніемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ невозможнымъ согласиться съ содержащимися въ приговорахъ распоряженіями.

38. Земскому начальнику принадлежитъ надзоръ за состоящими въ предѣлахъ земскаго участка учрежденіями мелкаго кредита, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ Уставѣ Кредитномъ (Разд. X, по прод. 1895 г.). При выполненіи сей обязанности, земскій начальникъ руководствуется уставами означенныхъ кредитныхъ установленій и изданными въ развитіе оныхъ узаконеніями.

---

[1]) Право земскаго начальника представлять приговоры къ отмѣнѣ на основаніи ихъ нецѣлесообразности отмѣнено Высочайшимъ указомъ 5 октября 1906 г.

39. Земскому начальнику принадлежитъ также надзоръ за опекунствами, учреждаемыми надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія, и разрѣшеніе жалобъ, приносимыхъ на дѣйствія опекуновъ.

40. На земскаго начальника возлагается попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, указаннымъ въ пп. 11 и 18 ст. 62 и въ пп. 4 и 5 ст. 34 Общ. Пол. о кр. (кн. 1).

57. Въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. Въ каждомъ случаѣ наложенія означенныхъ взысканій долженъ быть составленъ земскимъ начальникомъ особый протоколъ. Эта статья отмѣнена Высочайшимъ указомъ 5 октября 1906 г.

58. Земскій начальникъ, вслѣдствіе разсмотрѣнія жалобъ, принесенныхъ ему на дѣйствія должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія (ст. 28), а также въ случаѣ непосредственно усмотрѣнныхъ имъ самимъ маловажныхъ проступковъ означенныхъ лицъ, по должности, имѣетъ право подвергнуть ихъ, безъ формальнаго производства, одному изъ слѣдующихъ взысканій: замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней. За болѣе важныя нарушенія земскому начальнику предоставляется: временно устранять всѣхъ означенныхъ должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ и волостныхъ судей) отъ должностей и входить съ представленіями въ Уѣздный Съѣздъ о совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду.

(Общее положеніе о крестьянахъ, изд. 1902 года).

114. Каждое сельское общество избираетъ одного кандидата въ волостные судьи, причемъ, однако, общее число избранныхъ лицъ не должно быть менѣе восьми. Если волость состоитъ менѣе, чѣмъ изъ восьми сельскихъ обществъ, то недостающее до означеннаго комплекта число кандидатовъ избирается тѣми обществами, которымъ это будетъ предоставлено уѣзднымъ съѣздомъ. Изъ состава избранныхъ, земскій участковый начальникъ утверждаетъ четырехъ въ должностяхъ волостныхъ судей на три года, а остальныхъ назначаетъ кандидатами къ нимъ на тотъ же срокъ. Кандидаты замѣняютъ волостныхъ судей, въ случаѣ ихъ выбытія изъ должностей ранѣе истеченія трехлѣтняго срока или временнаго отсутствія.

при чемъ соблюдаются порядокъ и очередь, установляемые для сего земскимъ начальникомъ.

188. Въ должности волостного старшины, помощниковъ его и сельскихъ старостъ избирается по два лица, съ тѣмъ, что одно изъ нихъ назначается для отправленія должности, а другое для временнаго заступленія его мѣста, въ случаѣ отсутствія, смерти, тяжкой болѣзни, устраненія отъ должности и т. п.

191. Волостной старшина утверждается въ должности земскимъ участковымъ начальникомъ или мировымъ посредникомъ (ср. Кн. III, Пол. Уст. Крест. ст. 1, прим. 1) и приводится къ присягѣ на вѣрность службы. О лицахъ, утвержденныхъ въ должности волостного старшины, земскій участковый начальникъ сообщаетъ уѣздному исправнику, въ мѣстностяхъ же, въ которыхъ Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ не введено, объ утвержденіи волостного старшины въ должности мировой посредникъ сообщаетъ становому приставу (а). Порядокъ утвержденія въ должностяхъ волостныхъ судей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, назначенія кандидатовъ къ нимъ и приведеніе какъ волостныхъ судей, такъ и кандидатовъ къ нимъ къ присягѣ опредѣляется въ статьяхъ 114 и 117 (б).

Примѣчаніе: О выборѣ новаго волостного старшины выбывшій волостной старшина доноситъ земскому участковому начальнику или мировому посреднику (ср. Кн. III, Пол. Уст. Крест., ст. 1, прим. 1).

Всѣ изложенныя законоположенія съ достаточною убѣдительностью говорятъ объ огромной власти земскаго начальника надъ крестьянами, тѣмъ болѣе огромной ввиду ея почти что полной безконтрольности. Возможная по закону ревизія дѣлопроизводства земскихъ начальниковъ со стороны уѣздныхъ предводителей дворянства (ст. 93 Пол. Уст. Кр.) почти никогда не производится на практикѣ, а ревизія по распоряженію губернатора (ст. 61)—сравнительно рѣдко. Кромѣ указанныхъ выше правъ земскихъ начальниковъ по администраціи надъ крестьянами они въ настоящее время имѣютъ въ своихъ рукахъ и продовольственное дѣло (по закону 1900 года).

Такое положеніе уже a priori должно подсказывать выводъ, получающійся изъ фактическихъ наблюденій надъ дѣятельностью земскихъ начальниковъ. Тамъ, гдѣ личный произволъ составляетъ основаніе дѣятельности должностного лица, достоинство должности всецѣло зависитъ отъ личныхъ качествъ того, кто ее занимаетъ.

Земскій начальникъ имѣетъ множество правъ надъ крестьянскимъ населеніемъ; но почти нѣтъ контроля надъ тѣмъ, чтобы онъ не превышалъ власти, какъ нѣтъ и контроля надъ тѣмъ, чтобы ради пользы населенія земскій начальникъ пользовался своими правами въ достаточной мѣрѣ. Все это приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что русская деревня лишена не только порядка правового въ повседневномъ своемъ быту, но не имѣетъ даже и вообще устойчиваго и единообразнаго административнаго порядка, а живетъ подъ главенствомъ личнаго усмотрѣнія земскаго начальника. Усмотрѣніе это разнообразно, какъ разнообразны люди, колеблясь между попечительной отзывчивостью и благожелательнымъ бездѣйствіемъ, между справедливой энергіей и беззастѣнчивымъ произволомъ.

Имѣющійся въ распоряженіи автора этнографическій матеріалъ вполнѣ подтверждаетъ этотъ выводъ. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ касается только общаго характера дѣятельности земскихъ начальниковъ, но не можетъ быть классифицированъ по отдѣльнымъ функціямъ, предоставленнымъ земскимъ начальникамъ согласно закону.

Такъ, напр., нѣтъ никакихъ данныхъ о способахъ пользованія земскими начальниками однимъ изъ важнѣйшихъ ихъ правъ — представленія приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ къ отмѣнѣ. Въ дѣйствительности земскій начальникъ имѣетъ право, но не обязанность разсматривать приговоры крестьянскихъ сходовъ, а потому административныя дѣла возникаютъ, въ большинствѣ случаевъ, по просьбамъ заинтересованныхъ лицъ. Вообще, данныя, касающіяся дѣятельности земскихъ начальниковъ, представляютъ въ сущности характеристики отдѣльныхъ лицъ, занимающихъ эту должность, и благодаря крайнему своему разнообразію, не даютъ возможности вывести опредѣленный типъ земскаго начальника, достаточно единообразный и вѣрный. Большая или меньшая доступность земскаго начальника для крестьянъ, отзывчивость къ ихъ нуждамъ, большій или меньшій страхъ крестьянъ передъ нимъ, избѣганіе встрѣчи, степень его вмѣшательства въ хозяйственныя дѣла,—все это различно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Надо однако сказать, что изъ имѣющихся матеріаловъ вытекаетъ, что хорошія, посредственныя и плохія характеристики земскихъ начальниковъ встрѣчаются почти въ одинаковомъ количествѣ. Наиболѣе характерные изъ лучшихъ отзывовъ привожу цѣликомъ:

«Въ февралѣ нынѣшняго года около церковнаго амбара между утреней и обѣдней собралась кучка мужиковъ. Среди нихъ шелъ оживленный разговоръ о земскомъ начальникѣ.

Мужикъ лѣтъ сорока съ увлеченіемъ говоритъ: «Лѣтось работали мы на канавѣ—мостъ починяли... Вдругъ колокольцы... Видимъ—баринъ нашъ ѣдетъ, а у насъ мостъ отъ разобранъ... Ище далеко такъ не доѣхалъ до насъ, а ужъ первый снялъ шапку: Здравствуйте, ребята. Можно проѣхать?.. «Какъ не можно, ваше благородіе»... Мигомъ мы накидали бревенъ, наклали тесинъ, хотѣли помочь пройти, да куды-те: какъ началъ скакать на другой берегъ, только гляди, ажъ вода побрызгиваетъ... И какъ же ребята, онъ благодарилъ насъ, такъ благодарилъ, что намъ уже стыдно стало... Господами насъ называетъ... А ужъ какіе господа: лохматые, грязные, иной въ чемъ мать родила... На чай намъ навалилъ, какъ было отказывались... Спрашивалъ, почемъ на день работаемъ». «Да, вторилъ другой: ужъ по всему видно, что человѣкъ хорошій, жалѣетъ нашего брата; ужъ видно, что человѣкъ ученый. Поди-ка, иной писаришко, али вонъ становой, али исправникъ и глядѣть-то на тебя не хочетъ, облаетъ ни за что, ни про что, здорово живи. А у нашего-то земскаго пришлось быть разъ и мнѣ. Выбрали меня сборщикомъ податей не въ очередь. Я и пришелъ къ барину. Онъ меня все тихонечко, ласково такъ разспросилъ, выслушалъ какъ слѣдуетъ. Я все ему, вотъ хоть какъ бы и тебѣ, разсказалъ. Вѣдь оно какъ не кричатъ, такъ лучше; а какъ оборвутъ съ бухты-барахты, такъ и говорить-то будто все забудешь. Такъ вотъ выслушалъ меня, да и говоритъ: Не стоитъ тебѣ, мужичокъ, канитель съ обществомъ заводить, хоть я вижу и правое твое дѣло; для тебя оно это лучше, пожалуй: просидишь ты сборщикомъ годъ, зато ужъ не выберутъ больше никуда, а то пожалуй хуже себѣ надѣлаешь: посадятъ въ старосты на 3 года» (Олонецк. губ., Вытегорскій у.).

«Земскій начальникъ къ крестьянамъ относится ласково. На сходахъ онъ говоритъ со всѣми привѣтливо, не исключая самаго послѣдняго человѣка въ обществѣ, на котораго не обращаетъ вниманіе сельское начальство. Пока земскій начальникъ присутствуетъ на сходѣ, всѣ говорятъ, кто какъ можетъ; онъ никого не ошумитъ и никому грубаго слова не скажетъ. По этому поводу сложилась пословица: «земскій пріѣдетъ, — всѣ говори, а уѣдетъ — бѣдняки бѣжи». За такое обхожденіе крестьяне любятъ и уважаютъ земскаго начальника, считая главнымъ своимъ заступникомъ и ходатаемъ. Встрѣчи съ нимъ никогда не избѣгаютъ.

Въ хозяйственныя дѣла крестьянъ земскій начальникъ не вмѣшивается, а въ голодные годы старается поддержать каждаго крестьянина. Если что-нибудь потребуется обществу въ хозяйственномъ отношеніи, то крестьяне тотчасъ же обращаются къ земскому

начальнику, который, зная ихъ обстоятельства, спѣшитъ пособить имъ.

Отношеніе земскаго начальника къ крестьянамъ видно изъ слѣдующихъ случаевъ: «Въ нашей деревнѣ у одного крестьянина, который только что вышелъ изъ дома душевно-больныхъ, околѣла единственная лошадь. Семенъ (такъ звали крестьянина) пошелъ къ земскому начальнику съ просьбой о помощи. Земскій начальникъ, выслушавъ его, написалъ бумагу, приложилъ печать, запечаталъ ее въ конвертъ и велѣлъ ему придти за ней въ волостное правленіе черезъ три дня. «Съ этой бумагой», сказалъ онъ, «ты пойдешь къ купцамъ и господамъ собирать на лошадь себѣ. На, вотъ тебѣ на зачинъ»,—и онъ далъ Семену 2 р. Черезъ три дня крестьянинъ получилъ бумагу изъ волостного правленія, заключающую просьбу о пожертвованіи. Просьба земскаго начальника была удовлетворена, черезъ недѣлю Семенъ на собранныя деньги купилъ лошадь» (Саратовская губ., Балашовск. у.).

«Нашъ земскій начальникъ идеальный человѣкъ; онъ можетъ служить примѣромъ для другихъ начальниковъ въ смыслѣ его отношенія къ крестьянамъ его участка, а также и заботливости объ ихъ нуждахъ. Онъ ихъ защитникъ и покровитель: всегда входитъ въ подробности дѣла, съ которымъ къ нему пришелъ крестьянинъ, и внимательно выслушиваетъ иногда очень подробный разсказъ, а потому и трудно уловимый смыслъ его. Приходящихъ къ нему съ какимъ либо дѣломъ принимаетъ всегда, рано и поздно, несмотря на время и мѣсто, будь то въ полѣ, или въ домѣ, занятъ онъ, или нѣтъ, всегда найдетъ время принять человѣка, имѣющаго къ нему нужду. Крестьяне всегда стараются встрѣтиться съ земскимъ начальникомъ и при случаѣ обратиться къ нему съ какимъ либо вопросомъ или за какимъ нибудь совѣтомъ. Раньше своего поступленія въ земскіе начальники онъ занимался медициной, въ которой понималъ очень хорошо. Есть много людей, спасенныхъ благодаря его своевременной помощи. Онъ безплатно снабжаетъ лекарствомъ больныхъ и ему приходится тратить въ годъ 100 р. на лекарства. Народъ любитъ своего земскаго начальника и относится къ нему съ довѣріемъ. Но, къ сожалѣнію, его дѣла, какъ земскаго начальника, отнимаютъ у него много времени, почему медициной заниматься ему почти некогда, но теперь въ этомъ отношеніи у него есть прекрасные помощники: жена его, извѣстная въ нашемъ уѣздѣ своей истинно-христіанской благотворительностью, и уже взрослая дочь, которая слушаетъ въ Петербургѣ высшіе женскіе медицинскіе курсы. Въ хозяйственныя дѣла крестьянъ онъ входитъ всегда съ разъясненіемъ, совѣтомъ и даже приказа-

ніемъ. Изъ взысканій, налагаемыхъ земскимъ начальникомъ, отмѣчу арестъ и штрафъ: особенно онъ преслѣдуетъ за пьянство на сходахъ и при сдачѣ общественныхъ доходныхъ статей, были случаи ареста цѣлыхъ обществъ за пьянство, причемъ въ видѣ усиленія мѣры наказанія крестьянъ посылали отбывать арестъ въ другую волость. Приведу фактъ наказанія штрафомъ цѣлаго общества за пьянство. Лѣтомъ прошлаго года крестьяне села Маклакова косили траву въ общественномъ лѣсу, причемъ продали за ведро вина часть травы въ лѣсу, называемую Полянью. Одинъ крестьянинъ, недовольный отведеннымъ участкомъ лѣса, донесъ земскому начальнику о томъ, что пропили траву. Земскій начальникъ потребовалъ къ себѣ старосту, далъ ему хорошій нагоняй и наложилъ штрафъ на все село въ пользу волостныхъ суммъ, со старосты и съ тѣхъ, кто купилъ траву по 3 рубля, со всѣхъ же остальныхъ съ каждаго домохозяина 15 коп.» (Рязанск. губ., Скопинск. у.).

«Земскій начальникъ нашего уѣзда человѣкъ въ высшей степени справедливый, къ честнымъ крестьянамъ относится хорошо, помогаетъ имъ совѣтами и разнаго рода вспомоществованіями. Земскій начальникъ старается, чтобы не производилось воровство, пьянство, грабежи и т. д.; онъ старается, чтобы волостныя и сельскія власти дѣлали дѣла такъ, какъ это требуется по совѣсти и по закону. Въ особенности обращаетъ вниманіе на взятки, на кляузничество и т. п. Хорошихъ старшинъ, судей, которыхъ земскій начальникъ замѣчаетъ, онъ поощряетъ и старается, чтобы такого старшину или судью выбрали сходомъ на второй «выборъ»; замѣченныхъ же въ злоупотребленіи власти—немедленно смѣняетъ. Также онъ отмѣнилъ выборы въ старшины за водку. Иногда земскій начальникъ пріѣзжаетъ въ деревню нечаянно, если замѣтитъ порядокъ, то хвалитъ эту деревню на волостныхъ сходахъ, а если пьянство, драку и т. п., то при всѣхъ коритъ эту деревню и совѣтуетъ на нихъ наложить сильнѣе наказанія. Но все-таки крестьяне его боятся и остерегаются съ нимъ встрѣчаться.

«Года два тому назадъ въ Городищенской волости были выборы въ старшины. Желающіе попасть въ старшины, большею частью изъ богатыхъ людей, ѣздили и угощали общества водкой, прося ихъ, чтобы они выбрали ихъ въ старшины, обѣщаясь послѣ выбора еще больше напоить ихъ, и давали имъ, кромѣ угощенья, денегъ по рублю, а иногда и больше. Прежде угощалъ Борщевскій, крестьянинъ-богачъ, который израсходовалъ на это триста рублей. Другой крестьянинъ былъ въ Воробьевкѣ: этотъ израсходовалъ только 50 рублей. Пришедши на сходъ для выбора старшины, всѣ крестьяне рѣшили избрать Борщевскаго, потому что онъ израсхо-

довалъ денегъ больше всѣхъ и угощалъ выборныхъ больше остальныхъ. Сначала баллотировали стараго старшину и наклали ему, какъ и остальнымъ баллотировавшимся, шаровъ мало. Остались только двое: Борщевскій и предсѣдатель. Когда стали баллотировать Борщевскаго, то наклали сто шаровъ. Послѣ этого земскій начальникъ приказалъ баллотироваться предсѣдателю. Тогда предсѣдатель сказалъ:—«Ваше высокородіе. Я не желаю баллотироваться на старшину, потому что я знаю, что меня забаллотируютъ и оконфузятъ». Земскій начальникъ спросилъ у него:—«Почему ты знаешь?»—Тогда предсѣдатель разсказалъ, что у нихъ въ Городищенской волости такой порядокъ: кто больше дастъ денегъ на угощенье общества, того и старшиной выберутъ. Такъ крестьяне это сдѣлали и теперь. При этомъ добавилъ, что крестьяне уже избрали старшиной Борщевскаго, который и потратилъ на угощенье триста рублей. Земскій начальникъ спросилъ у крестьянъ, правда ли это?—Крестьяне не отвѣтили ему утвердительно. Тогда земскій начальникъ приказалъ баллотироваться предсѣдателю. На предсѣдателя наклали шаровъ 32. Значитъ избраннымъ оказался Борщевскій. Земскій начальникъ спросилъ опять у крестьянъ, правда ли, что они старшинъ выбираютъ за могарычи. Тогда крестьяне сознались въ своей винѣ, оправдываясь тѣмъ, что это у нихъ дѣлалось еще изстари. Земскій начальникъ Борщевскаго отставилъ отъ дальнѣйшихъ выборовъ и осудилъ его подъ арестъ. Крестьянамъ же объявилъ, что если они будутъ выбирать старшинъ за водку и угощеніе, то каждаго крестьянина онъ оштрафуетъ на рубль и посадитъ подъ арестъ, а старшиной выбрать предложилъ стараго. Крестьяне согласились» (Орловск. губ. и уѣздъ).

«Къ земскому начальнику крестьяне относятся, какъ къ своему самому близкому покровителю и опекуну, который никогда ни въ какое время (праздникъ, вечеръ) не отказываетъ просителямъ въ своихъ совѣтахъ и заботится объ ихъ благосостояніи. Его заботливость видна изъ многихъ фактовъ, какъ напримѣръ: 1) увеличенія числа училищъ въ 3-мъ участкѣ, которыхъ теперь построено 15: семь земскихъ и восемь церковно-приходскихъ. До вступленія земскаго начальника было только двѣ совершенно старыхъ земскихъ школы (теперь вновь перестроенныхъ) и 1 церковно-приходская (также передѣланная). Устройство 1-й земской школы въ дер. Вѣнцѣ не обошлось безъ большихъ непріятностей и сходокъ, агитировавшихъ противъ постройки училища, хотя земствомъ было ассигновано 500 руб., и лѣсъ получился по очень низкой цѣнѣ, благодаря хлопотамъ земскаго начальника, а крестьянамъ обошлось не болѣе сотни рублей. Строителемъ всѣхъ этихъ школъ (кромѣ

3-хъ) былъ земскій начальникъ. Теперь же всѣ школы полны учащимися и превышаютъ норму (50 человѣкъ). 2) Упорядоченіе сходовъ крестьянъ. Отраднымъ фактомъ является и то, что до введенія земскихъ начальниковъ въ с. Барминѣ и Вѣнцѣ грабили и рѣзали на улицахъ среди бѣлаго дня безъ всякаго наказанія, зная, что никто ихъ не выдастъ, нигдѣ не найдется свидѣтеля преступленія. Теперь все тихо.

«Въ 1-е лѣто вступленія земскаго начальника въ дер. Вѣнцѣ и с. Барминѣ число пожаровъ простиралось до 28, изъ которыхъ только 4 были несчастные случаи, а остальные поджоги, совершенные для полученія пожарной преміи. Время пожара избиралось тихое, предварительно вынималась даже вся внутренность избы, не говоря уже о вещахъ. По изслѣдованіи причинъ пожаровъ, земскій начальникъ уменьшилъ стоимость построекъ и пожарныя преміи, и число пожаровъ сократилось. Ихъ случалось 3 — 4 въ лѣто. Уменьшилась игра въ орлянку, которая строго преслѣдуется: прежде открыто играли на улицахъ, теперь, если и бываютъ случаи, то только по секрету гдѣ нибудь въ овинѣ. Эта игра разоряетъ много семей (на кругу стояло до 300 рублей). Къ земскому начальнику, кромѣ нужды по дѣлу, идутъ многіе изъ любопытства послушать, что будетъ онъ говорить съ другими, и изъ этого разговора узнать для себя полезное.

«Земскій начальникъ не оставляетъ безъ своихъ воздѣйствій всѣ семейные споры, хозяйственныя дѣла какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и дѣла обществъ и приговоры. Къ нему обращаются во всѣхъ домашнихъ спорахъ, раздорахъ имущественныхъ и семейныхъ, также бываютъ случаи, что разошедшаяся молодая чета послѣ его совѣтовъ живетъ счастливо и мирно. Взысканія, налагаемыя земскимъ начальникомъ, бываютъ: штрафы, аресты какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ сходовъ, выговоры» (Нижегородск. губ., Макарьевск. у.).

«Знаменская волость входитъ въ раіонъ земскаго начальника 3-го участка Болховскаго уѣзда. Относится онъ къ крестьянамъ очень тихо и хладнокровно, но настойчиво, имѣетъ постоянную привычку прежде выслушать отъ пришедшаго къ нему все положительно, во время чего требуетъ обязательно, чтобы просители, равно и должностныя лица сельскаго управленія, стояли передъ нимъ на вытяжку и при разговорахъ своихъ не размахивали руками, а держали ихъ по швамъ. На неумѣлое выраженіе крестьянъ и другихъ лицъ не обижается, но передразнить неумѣло-выразившагося всегда готовъ, въ особенности при грубости мужика, что, конечно, бываетъ не очень часто, при чемъ въ послѣднемъ

случаѣ начинаетъ на грубіана и непослушнаго сильно кричать и ругать дуракомъ и хамомъ, пригрозитъ посадить его подъ арестъ, а иногда и прямо таковыхъ отправляетъ изъ камеры подъ арестъ на нѣсколько дней, но не въ ихъ волость, а непремѣнно въ чужую. Во время разговора съ крестьянами любитъ отъ нихъ дознаться о какихъ либо происшествіяхъ, положеніи и бытѣ крестьянъ, ихъ урожаѣ и пр., что крестьяне очень любятъ разсказывать, въ особенности про свою нужду, начальнику и попросить его совѣта, а дать совѣтъ земскій начальникъ всегда не прочь и съ своей стороны онъ очень это любитъ, почему у него всегда бываетъ во всякое время дня масса просителей. Когда приходитъ кто-либо изъ просителей къ земскому начальнику съ просьбою или за какимъ либо совѣтомъ и застаетъ его на дворѣ усадьбы, то, не доходя до него, обычно снимаетъ шапку и кланяется. Первое же его слово:—«Что нужно?»—узнавъ, чей и зачѣмъ онъ къ нему пришелъ, ведетъ его къ парадному крыльцу своего дома, гдѣ садится на стулъ и приказываетъ разсказывать свое дѣло. Если просьба несомнѣнно должна подлежать удовлетворенію, онъ даетъ предписаніе свое въ волость или лично наставленіе просителю. Въ случаѣ же, если проситель проситъ чего незаконно, то послѣ его разсказа земскій начальникъ самъ часто такому просителю начнетъ разсказъ изъ священной исторіи Ветхаго Завѣта или изъ Евангелія.

«Такъ напримѣръ: разъ пришли къ нему три брата изъ деревни Городища, которые никакъ не могли подѣлить между собою пчелъ; старшій братъ не отдаетъ ихъ двумъ другимъ, считая ихъ собственно своими, такъ какъ въ семьѣ онъ завелъ ихъ отъ колодки, полученной при своей женитьбѣ въ приданое. Выслушавъ ихъ споръ, земскій начальникъ обратился къ старшему, считавшемуся владѣльцемъ пчелъ, и сказалъ ему, что праведный Ной взялъ въ ковчегъ отъ потопа всего двѣ пчелы, отъ которыхъ послѣ потопа развелося и настоящее количество пчелъ, а потому онъ съ своей стороны и считаетъ, что спорныя пчелы принадлежатъ не имъ, дѣлящимся, о праведному Ною. Послѣ этихъ словъ земскаго начальника, старшій изъ дѣлящихся убѣдился, что выращенныя въ семьѣ пчелы должны быть подѣлены между братьями, почему тутъ же и согласился подѣлить пчелъ поровну» (Орловск. губ., Болховск. у.).

«Входитъ земскій, садится за столъ, надѣваетъ знакъ. Мужики стоятъ. «Вотъ началъ онъ,—нужно надѣлить землею Пѣшкову вдову, Пѣшкова Владиміра и Щулепову вдову».—Нечѣмъ надѣлить, ваше высокоблагородіе».—«Какъ нечѣмъ? Чѣмъ же они виноваты: они платятъ подати за три души исправно, и земли

должно быть по три души. Надо найти».—«Нечѣмъ надѣлить»,—въ голосъ отвѣчаютъ всѣ.—«Ну, если не хотите сами, найму землемѣра, онъ отдѣлитъ, гдѣ нужно раздѣлить по закону».—«Надѣляйте какъ знаете, ваше высокоблагородіе, только мы съ своихъ полосъ не сойдемъ. Воля ваша. Есть у насъ вымершія души, пусть пашутъ тѣ; а земля Щулеповой подъ деверьями, пусть у нихъ беретъ. Деверья какъ хочутъ». Въ это время выступилъ младшій деверь—Митроха, молодой мужикъ:—«Насъ четыре брата, а она одна и сынъ ея незаконнорожденный. Мало ли она наноситъ ребятъ, мы и давай имъ землю».—«Молчи, тебѣ какое дѣло, оскорбляешь ее и суешься въ чужое дѣло. Помолчи!»—Митроха, покраснѣвъ, спрятался за мужиковъ. Земскій опять сталъ настаивать на выдѣлѣ земли. Въ это время Митроха среди народа, негромко, но все же вслухъ разговаривалъ и доказывалъ, что Вѣркѣ (Щулеповой) не надо земли давать; называлъ ее даже нехорошими словами, а относительно Пѣшковой говорилъ, что она одна съ дочкой, что сынъ ея не живетъ дома и земли ей не надо. Земскій выкрикнулъ его: «Вотъ что, братъ, ты, вижу я, молодъ, а высовываешься впередъ и больше всѣхъ тараторишь, да еще оскорбляешь женщину. Приходи-ка завтра ко мнѣ, да хлѣба возьми на недѣлю». Митроха совсѣмъ затихъ, а земскій продолжалъ: «Вы выдѣлите имъ землю, онѣ платятъ подати съ трехъ душъ, а пользуются двумя, а у васъ у другихъ недоимки есть». Мужики заявили, что согласны надѣлить землею, только: «разрѣшите, ваше высокоблагородіе, подѣлить землю по ѣдокамъ». Заявленіе было принято и староста, вмѣсто протокола, написалъ заявленіе. Въ это время земскій разъяснилъ: «Вы дѣлите между собою землю по ѣдокамъ, а Пѣшковой не принимайте къ вашему приговору, у нея земля выкуплена, и потому, хотя у нея одинъ сынъ, должны дать на три души. Сами вы отберете голоса и, если будетъ согласныхъ двѣ трети, передѣлъ по ѣдокамъ утвердится». Когда заявленіе было написано старостой, всѣ подписались подъ нимъ, за неграмотныхъ грамотные братья и сосѣди.

Земскій разъяснилъ, какъ должны они составить приговоръ и исполнить его слова, всталъ, одѣлся, сказалъ: «До свиданія господа. Будьте исправны» и вышелъ изъ избы. Мужики провожали его до саней. Когда выходили, мужики посовѣтовали Митрохѣ: «Пойди поклонись земскому въ ноги, проститъ, можетъ». Митроха по выходѣ на улицу упалъ земскому въ ноги: «Простите, ваше высокоблагородіе, я по глупости своей оскорбилъ бабу-то».—«Ну, въ городъ ко мнѣ всетаки приходи: впередъ наука, умнѣе будешь». Митроха былъ арестованъ на три дня» (Вологодск. губ., Вельск. у.).

Что касается засимъ остальныхъ отобранныхъ мною матеріаловъ, то они обрисовываютъ рядъ неправомѣрныхъ и неудачныхъ дѣйствій, къ сожалѣнію, встрѣчающихся въ практикѣ нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ. Хотя эти дѣйствія разнообразны и отличаются въ каждомъ случаѣ индивидуальными оттѣнками, но все же возможно указать на такія, которыя имѣютъ мѣсто въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Злоупотребленія эти слѣдующія:

Первое—совершенно недопустимыя по закону собственноручныя расправы съ крестьянами, къ сожалѣнію, не влекущія за собой, на практикѣ, никакихъ послѣдствій и встрѣчающіяся довольно часто.

Второе,—давленіе на постановленія крестьянскихъ сходовъ; это давленіе особенно замѣтно при выборахъ волостныхъ старшинъ. Какъ мы видѣли выше, законъ требуетъ избранія волостнымъ сходомъ двухъ кандидатовъ, ихъ коихъ утверждается одинъ; но практика знаетъ избраніе трехъ кандидатовъ, изъ коихъ утверждается не старшій, а младшій по балламъ; возможно даже устраненіе земскимъ начальникомъ избраннаго кандидата и предъявленіе категорическаго требованія выбрать лицо, имъ непосредственно указанное и, наконецъ, утвержденіе въ должности забаллотированнаго кандидата. Кромѣ давленія на выборы практика знаетъ и давленіе на сходы въ томъ смыслѣ, чтобы они производили извѣстныя затраты, строили зданія для волостныхъ правленій, церкви (иногда православныя церкви на счетъ волостей, гдѣ половина крестьянъ—сектанты). Практика знаетъ давленіе земскихъ начальниковъ и на хозяйственный распорядокъ и притомъ давленіе именно не какъ совѣтъ, а подъ страхомъ наказаній. Давленіе это доходитъ иногда до воспрещенія новшества въ хозяйственномъ быту крестьянина.

Третье—изданіе земскими начальниками обязательныхъ постановленій общаго свойства, обыкновенно по вопросамъ внѣшняго поведенія крестьянъ (сниманіе шапокъ при встрѣчѣ, ношенія одежды, соблюденіе праздниковъ и т. д.), что имъ по закону совершенно не предоставлено;

Четвертое —злоупотребленіе правами (отмѣненными Указомъ 5 октября 1906 года), наложенія штрафа или ареста на крестьянъ административнымъ порядкомъ, т. е. наложеніе его безъ составленія протокола, или за нарушеніе постановленій земскаго начальника общаго свойства, самое изданіе которыхъ незаконно, или за нарушеніе правъ земскаго начальника, какъ частнаго лица, или за проступки, наказуемые въ судебномъ, а не въ административномъ порядкѣ, и даже за выраженіе на сходахъ мнѣній, несогласныхъ съ желаніемъ земскаго начальника.

Хорошей иллюстраціей всѣхъ описанныхъ дѣйствій земскихъ начальниковъ могутъ служить отобранныя авторомъ наиболѣе характерныя описанія источниковъ, которыя приводятся въ полномъ объемѣ.

Земскаго начальника крестьяне ужасно боятся, а потому только его видятъ тѣ, которымъ приходится судиться у него, а за совѣтомъ къ нему никто не обращается, и онъ въ хозяйственныя дѣла крестьянъ не вмѣшивается, только оказываетъ вліяніе на старшину при сборѣ податей, т. е. требуетъ отъ него исправности. О земскомъ начальникѣ толкуютъ: «онъ только горячъ, а то онъ хорошій человѣкъ», т. е. не дѣлаетъ никому зла. Такъ говорили по слѣдующему поводу: старшина попалъ подъ судъ и былъ лишенъ уже «знака», но между прочимъ черезъ нѣсколько времени опять «знакъ» ему возвращенъ, и онъ по сію пору служитъ и продолжаетъ дѣйствовать все въ прежнемъ духѣ. Вина его состояла въ томъ, что онъ велѣлъ бить женщину, которая не давала отводить во владѣніе землю, проданную ея сыномъ безъ позволенія матери, причемъ лежала на полосѣ въ тотъ моментъ, когда нужно было провести межу. Послѣ ударовъ, нанесенныхъ десятскими, покупателемъ и его сыновьями, обиженная жаловалась земскому начальнику, который лишилъ было за этотъ проступокъ старшину медали, т. е. вмѣстѣ съ этимъ и должности, но старшина испросилъ себѣ сроку на нѣсколько дней, чтобы представить свидѣтелей для своего оправданія, на что сначала земскій начальникъ не согласился, а потомъ сдѣлалъ уступку, и дѣло кончилось съ успѣхомъ для старшины, который за свой проступокъ поплатился лишь однимъ страхомъ.

«Чтобы усиленно наказывать приговореннаго къ аресту при волости, земскій начальникъ отправляетъ таковыхъ въ болѣе отдаленныя волостныя правленія, такъ, напримѣръ, была приговорена женщина, занимающаяся сборищемъ крестьянъ для карточной игры у себя въ хатѣ, къ аресту при волостномъ правленіи, которое отстоитъ отъ ея мѣста жительства на 17 верстъ, при чемъ старостѣ приказъ былъ, чтобы онъ прослѣдилъ за тѣмъ, чтобы виновница это путешествіе совершила туда и обратно пѣшкомъ. Крестьяне очень боятся земскаго начальника, а потому пугаютъ другъ друга жалобой ему, говоря: «я на него къ земскому», «я теперь болѣ нечаво, какъ земскому» и проч.; но между прочимъ никто съ пустяками не обращается къ нему, а лишь по важной необходимости, такъ что у него разборъ судебн[illegible] разъ въ двѣ недѣли: а старшина съ писаремъ вызыва[illegible] очень часто, да кромѣ того по разу въ недѣлю обязательно [illegible]ются къ нему

съ докладомъ. На земскаго начальника крестьяне смотрятъ, какъ на что-то недоступное, а потому никогда не обращаются къ нему за совѣтомъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые крестьяне вздумали переселиться въ Уфимскую губернію, для чего отправили своихъ ходоковъ, которые подыскали тамъ землю для покупки и все ужъ дѣло сладили, тогда обратились къ земскому начальнику за разрѣшеніемъ для переселенія; но земскій начальникъ запретилъ переселяться на томъ основаніи, что объ этой землѣ ему неизвѣстно, поэтому онъ сначала наведетъ справки, и тогда имъ скажетъ; между тѣмъ онъ самъ уѣхалъ въ отпускъ, а крестьяне все ждали: старшина описъ желающихъ переселиться затерялъ и не представилъ во время; такъ крестьяне и потеряли подысканную землю, потому что продавецъ земли имъ прислалъ лѣтомъ письмо и назначилъ срокъ для покупки, а иначе онъ другимъ покупателямъ продастъ. Послѣ этой неудачи крестьяне очень сѣтовали на земскаго начальника, а потому недовѣрчиво отнеслись къ его утѣшенію, состоявшему въ томъ, что тамъ (въ Уфимской губерніи) очень опасно, такъ какъ башкиры—народъ злой, могутъ улучить гдѣ либо одного и убить, а потому опасно переселяться въ маломъ количествѣ, хотя онъ имъ теперь позволялъ (въ это время былъ сентябрь). Но крестьяне уже упустили своихъ товарищей, которые ужъ давно уѣхали, получивъ вовремя разрѣшеніе отъ своихъ земскихъ начальниковъ. Кромѣ того, въ оправданіе свое, земскій начальникъ привелъ то, что старшина вовремя не представилъ ему описи ихъ имущества.

«Земскій начальникъ хотѣлъ устроить общественную запашку, но никакого успѣха не имѣлъ, потому что крестьянамъ это показалось непонятнымъ, да и старшина не сумѣлъ исполнить распоряженіе, возложенное на него земскимъ начальникомъ, такъ какъ ему самому было не совсѣмъ ясно, откуда взять земли, кого заставить ее обрабатывать и куда ссыпать этотъ общественный хлѣбъ, ибо на все это нужны деньги, а крестьяне податей не выплачиваютъ.

«Предмѣстникъ земскаго начальника издалъ распоряженіе, чтобы въ каждомъ обществѣ была пріобрѣтена машина для тушенія пожара, отъ этого крестьяне пришли въ ужасъ, потому что у нихъ нѣтъ денегъ, а машина стоитъ порядочную сумму; но, къ великому ихъ облегченію, земскаго начальника удалили за неправильное донесеніе губернатору, который, будучи введенъ въ заблужденіе, приказалъ перепороть всѣхъ крестьянъ села Лебедки. Услышавъ объ удаленіи земскаго начальника отъ должности, крестьяне радовались, говоря: «вѣдь бы онъ насъ замучилъ всѣми выдумками своими».

«Земскій начальникъ приказалъ обсадить деревьями хаты и дороги; противъ послѣдняго распоряженія крестьяне возмущались потому, что, вслѣдствіе произрастанія дерева при дорогѣ, будетъ страдать прилегающее поле отъ корней, червей и снѣга, лежащаго болѣе продолжительное время, отчего происходятъ такъ называемыя «вымочки».

«Однажды земскій начальникъ стороною узналъ, что крестьяне заняли деньги у ростовщика по 60% годовыхъ, при чемъ проценты выплачиваются впередъ: онъ съ ужасомъ набросился на задолженныхъ, такъ что тѣ, вмѣсто совѣта, за которымъ бы нужно обратиться къ нему, сказали, что давно этотъ долгъ выплатили, а между прочимъ до сихъ поръ (лѣтъ 10-ть) еще платятъ, такъ что ростовщикъ кое-когда со старшиной пріѣзжаетъ въ деревню и требуетъ деньги, пугая продажей, арестомъ и проч.; трусливые платятъ понемногу, а болѣе смѣлые и свѣдущіе отказываются, говоря, «я тебѣ давно заплатилъ», т. е. не считая огромныхъ процентовъ за продолжительное время. Этотъ долгъ крестьяне пріобрѣли, благодаря недоимкѣ, накопившейся за нѣсколько лѣтъ. Одинъ односельчанинъ не платилъ совершенно податей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а подъ конецъ самъ умеръ, не оставивъ никакого имущества: такимъ образомъ, скопилась за обществомъ порядочная сумма денегъ, уже назначена была продажа: въ эту критическую минуту крестьяне и попали въ лапы къ ростовщику и никакъ не могутъ избавиться. Вся недоимка была разложена по душамъ, а земля запустившаго подати отдана на общество.

«Крестьяне очень боятся земскаго начальника: такъ, напр., если прослышатъ, что долженъ проѣхать гдѣ либо, то немедленно дорога исправляется: зимой раскаты заравниваются, а лѣтомъ мосты исправляются и проч., при чемъ староста изо всѣхъ силъ старается, посылая на работу своихъ односельчанъ, говоря: «Вѣдь мнѣ не надоѣло дома, не что мнѣ хотца отсиживать» и прочее. (Орловск. у.).

«Земскій начальникъ смотритъ на крестьянъ какъ на безусловно подчиненныхъ людей. Нынѣшнимъ лѣтомъ былъ случай, который характеризуетъ эти отношенія: лошади крестьянъ попали въ поле земскаго начальника и причинили небольшую потраву. Приказомъ земскій начальникъ принуждаетъ крестьянъ проработать каждаго владѣльца лошади по 2 дня у него въ усадьбѣ, и когда крестьяне отказались, онъ приговорилъ ихъ къ аресту на 2 дня въ арестантскую при волостномъ правленіи. И когда послѣ этого одинъ мужикъ опять-таки отказался отъ работы, его снова посадили въ арестантскую и все-таки заставили выполнить работу. Крестьяне

со страхомъ относятся къ земскому начальнику и стараются избѣгать встрѣчи. Былъ случай, когда земскій начальникъ приговорилъ къ штрафу въ размѣрѣ рубля за то, что мужичокъ при встрѣчѣ съ нимъ въ замѣшательствѣ забылъ снять шапку» (Тихвинск. у.).

«На несправедливыя или незаконныя требованія земскаго начальника зачастую подаются жалобы, которыя доходятъ до губернскаго присутствія, а нерѣдко и до Сената. Бываетъ, что отпоръ дается и иначе. Недавно былъ, напримѣръ, такой случай. Въ южной части уѣзда случился значительный лѣсной пожаръ. По распоряженію мѣстнаго земскаго начальника, было «сбито» на пожаръ населеніе изъ трехъ почти волостей. Народъ собрался на пожарище ночью, когда, какъ говорится, зги не было видно. Земскій начальникъ приказалъ тотчасъ же начинать работы по прекращенію пожара. На возраженія нѣкоторыхъ крестьянъ, что въ такую темень работать невозможно, такъ какъ легко или порубить себѣ ноги или попасть подъ падающее дерево, со стороны земскаго начальника послѣдовало категорическое «молчать». Тогда крестьяне, собравшись въ группу, прямо заявили, что работать до разсвѣта они не станутъ. Изъ толпы послышались брань и угрозы, направленныя противъ земскаго начальника. Кто-то изъ толпы крикнулъ, что здѣсь въ лѣсу они сумѣютъ и съ земскимъ расправиться по-свойски. По счастью, земскій начальникъ былъ хотя и вспыльчивый человѣкъ, но обладалъ настолько благоразуміемъ, что пропустилъ мимо ушей брань крестьянъ и пошелъ ночевать въ свою бричку, какъ будто бы ничего не слыхалъ. По-утру, едва только стало свѣтать, всѣ крестьяне принялись безъ понужденія за работу. Къ чести земскаго начальника должно приписать и то, что онъ забылъ все случившееся и не отыскивалъ виновныхъ».

«Въ отношеніяхъ земскихъ начальниковъ къ крестьянамъ можно замѣтить значительную разницу, происходящую вслѣдствіе различія въ имущественномъ положеніи крестьянъ. Такъ, напримѣръ, земскій начальникъ П., человѣкъ не богатый, живущій исключительно только своимъ жалованіемъ и имѣющій массу долговъ, волей-неволей принужденъ относиться какъ равный къ равному съ тѣми крестьянами-торговцами, которые, ворочая десятками тысячъ свободнаго капитала, учитываютъ векселя самого земскаго начальника. Къ такимъ крестьянамъ П. обращается на «вы», водитъ съ ними знакомство, принимаетъ ихъ къ себѣ въ гости и т. д. Впрочемъ такіе поступки П. пока еще нисколько не вліяютъ на его правосудіе.

«Примѣръ П. среди мѣстныхъ земскихъ начальниковъ— примѣръ не единственный. Какъ землевладѣлецъ, земскій начальникъ очень

часто нуждается въ кредитѣ, достать же его ближе всего возможно у мѣстныхъ богачей крестьянъ. Разъ съ однимъ изъ земскихъ начальниковъ былъ даже такой случай: нуждаясь въ деньгахъ, онъ занялъ нѣсколько сотъ рублей у купцовъ г. Пошехонья подъ векселя. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и всѣ векселя земскаго начальника были скуплены богатыми торговцами-крестьянами, находившимися въ участкѣ этого земскаго начальника» (Пошехонск. у.).

Въ хозяйственныя дѣла крестьянъ мѣстные земскіе начальники вмѣшиваются весьма рѣдко, въ исключительныхъ только случаяхъ, какъ, напримѣръ, когда жена жалуется на расточительность мужа и т. п. Точно также рѣдко вмѣшиваются земскіе начальники и въ частную жизнь крестьянъ.

«Исключеніе представлялъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ В., нынѣ умершій. В. былъ человѣкъ старый, болѣзненный, крайне нервный и раздражительный. Понятіе о власти, правахъ и значеніи земскаго начальника онъ имѣлъ крайне высокое, гораздо выше, чѣмъ слѣдуетъ.

«Вступивъ въ должность земскаго начальника, В. первоначально вздумалъ видоизмѣнить веденіе крестьянскаго хозяйства, но тутъ, конечно, потерпѣлъ энергичный отпоръ. Тогда онъ принялся за исправленіе крестьянскихъ нравовъ, думая исправить ихъ циркулярами и дисциплинарными взысканіями. Въ ввѣренномъ ему участкѣ, какъ и вообще среди крестьянъ Пошехонскаго уѣзда, стала въ высшей степени проявляться роскошь и щегольство въ женскихъ нарядахъ. Тогда В. издалъ приказъ, въ которомъ объявлялось, что всякая крестьянская дѣвушка, явившаяся въ церковь или на гулянье въ шляпкѣ, будетъ посажена подъ арестъ при волостномъ правленіи. За исполненіемъ это приказа поручено было слѣдить волостнымъ старшинамъ, старостамъ, десятскимъ. Появилась отсюда со стороны исполнителей масса злоупотребленій при исполненіи означеннаго приказанія, и къ земскому начальнику посыпалась масса жалобъ на оскорбленіе дѣйствіемъ, самоуправство и т. д. со стороны потерпѣвшихъ «шляпошницъ» или же ихъ мужей и отцовъ. Такія же жалобы на самоуправство посыпались въ административномъ порядкѣ и на самого земскаго начальника, и послѣдній волей-неволей оставилъ шляпки въ покоѣ.

«Разсказываютъ, что во время этого «шляпочнаго» гоненія съ самимъ В. былъ слѣдующій случай. В. былъ по дѣламъ службы въ одномъ большомъ торговомъ селѣ. Въ этомъ селѣ было большое гулянье. Изъ окна своего помѣщенія земскій начальникъ замѣтилъ на гулянье одну молодую дѣвушку въ шляпкѣ. Тотчасъ же было приказано привести ослушницу къ В. Послѣдняя

явилась въ сопровожденіи десятскаго. На дѣвушку посыпались громы и молніи. У бѣдной дѣвушки отъ страха, какъ говорится, затряслись поджилки и душа ушла въ пятки. Извѣстно, что страхъ усиливаетъ отдѣленіе мочевыхъ веществъ, и подъ преступницей на полу показалась лужа.

«В. не могъ перенести этого и самъ настолько растерялся, что вмѣсто того, чтобы посадить дѣвушку подъ арестъ, приказалъ выгнать вонъ.

«Вмѣстѣ съ искорененіемъ щегольства В. старался и объ искорененіи среди крестьянъ пьянства, разгула и объ утвержденіи среди нихъ порядка и благочинія. При этомъ онъ пользовался исключительно тѣми же прямолинейными мѣрами, т. е. арестомъ, приказами и т. п.

«Разъ въ деревнѣ былъ праздникъ. Когда В. ѣхалъ, навстрѣчу ему попался богатый крестьянинъ, порядкомъ подвыпившій. Такое явленіе В. не понравилось, и онъ распорядился отправить крестьянина подъ арестъ. Такъ какъ помѣщенія для арестованныхъ не имѣлось въ деревнѣ, то мужика, по приказанію земскаго начальника, заперли въ пустой хлѣвъ. Изъ такого пустого факта возникла между тѣмъ крупная исторія. Мужикъ принесъ на земскаго начальника жалобу за истязаніе (и въ то же время заявилъ, что у него пропала изъ кармана крупная сумма денегъ въ то время, когда сажали его подъ арестъ, что̀ и подтвердилъ свидѣтелями). Вся исторія кончилась тѣмъ, что В. сдѣлано было надлежащее внушеніе, дѣло же о пропажѣ денегъ оставлено безъ послѣдствій за недоказанностью пропажи. В. былъ земскимъ начальникомъ не болѣе 4—5 лѣтъ и затѣмъ умеръ отъ подагры. Къ концу своей карьеры онъ почти отказался отъ крупныхъ прямолинейныхъ мѣръ и отъ той мысли, что этими мѣрами возможно исправить народную нравственность. Симпатіями крестьянъ В. не пользовался, а скорѣе пользовался ненавистью, но не столько за свои крутыя мѣры, сколько по другимъ причинамъ. Во-первыхъ, въ обращеніи съ крестьянами В. проявлялъ какую-то брезгливость, что послѣдніе замѣчали, и ненавидѣли за это В. Во-вторыхъ, слово и дѣло слишкомъ далеко отстояли у В. другъ отъ друга. Въ молодости своей, помнятъ сторожилы, В. былъ вольнодумцемъ, былъ подъ надзоромъ полиціи и никогда не ходилъ въ церковь. Подъ старость, поступивъ на должность, онъ сталъ представлять изъ себя человѣка вѣрующаго, хотя передъ смертью отказался отъ исповѣди. Исправляя крестьянскіе нравы, онъ открыто жилъ со своей экономкой и имѣлъ отъ нея дѣтей. Такая фальшь въ словахъ и дѣлахъ не могла ускользнуть отъ крестьянъ, и послѣдніе крѣпко его не любили.

«Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ состоялъ земскій начальникъ Д., нынѣ тоже умершій. До сихъ поръ крестьяне говорятъ про него: «вотъ добрый баринъ былъ», «хорошій баринъ» «душа человѣкъ», «справедливый баринъ».

«Д. никогда не представлялъ изъ себя передъ крестьянами какого-то графа или высокопоставленную особу, онъ ставилъ себя къ крестьянамъ близко, но въ то же время ни одинъ крестьянинъ не забывалъ, что Д. лицо высшее, начальствующее.

«Крестьяниномъ Д. нисколько не брезговалъ»; находясь въ дорогѣ или на охотѣ, онъ ѣлъ иногда вмѣстѣ со своимъ кучеромъ. Какъ человѣкъ горячій, онъ постановлялъ иногда до несправедливости строгія судебныя рѣшенія и между прочимъ сами лица, обжаловавшія такія рѣшенія, нисколько не роптали на Д. «Добрый баринъ, а это ужъ съ нимъ такъ что-то случилось... погорячился»... или «съ похмелья голова болѣла», говорили крестьяне въ такихъ случаяхъ. Д. представлялъ среди земскихъ начальниковъ довольно рѣдкое явленіе въ томъ отношеніи, что держался прежнихъ традицій мирового суда и всякое дѣло старался покончить миромъ, стараясь примирить между собою враждующія стороны. Въ настоящее время при разборѣ дѣла земскіе начальники хотя и предлагаютъ тяжущимся сторонамъ помириться, но это только судебная проформа,—никакихъ дальнѣйшихъ убѣжденій и попытокъ къ примиренію враждующихъ сторонъ обыкновенно не бываетъ.

«До поступленія своего на должность земскаго начальника Д. жилъ постоянно въ деревнѣ среди крестьянъ и отлично зналъ крестьянскій бытъ и, состоя ранѣе мировымъ судьею, практически изучилъ законоположенія, особенно требующіяся въ крестьянскомъ быту, и всегда во всякое время могъ дать необходимый совѣтъ обращавшемуся къ нему крестьянину. А Д. для крестьянъ былъ доступенъ, т. е. принималъ ихъ во всякое время дня, а не по «часамъ», т. е. не въ опредѣленные только часы, какъ это водится у нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ. Въ частныя дѣла крестьянъ Д. почти никогда не вмѣшивался, а если и вмѣшивался, то исключительно только совѣтуя, а не приказывая.

«У земскаго начальника Н. въ отношеніяхъ съ крестьянами проглядываетъ сухая черствая офиціальность. На первомъ планѣ стоитъ бумажное формальное дѣлопроизводство. Помимо этого никакихъ сношеній Н. съ крестьянами не имѣетъ. Вещь вполнѣ понятная: Н. прожилъ всю свою жизнь на югѣ Россіи, служилъ ранѣе въ военной службѣ. Ни мѣстнаго края, ни мѣстнаго крестьянскаго быта, ни законоположеній относительно крестьянъ онъ

не усвоилъ. Неудивительно, что всѣ свои дѣйствія онъ сообразуетъ съ указаніями своего письмоводителя, дѣльца, какъ говорится, девяносто шестой пробы. Вполнѣ понятно поэтому, что многія дѣйствія Н. для лицъ, не посвященныхъ въ тайну, кажутся далеко не безкорыстными, а иногда довольно грязными».

«Къ несчастію, подобное явленіе не есть явленіе исключительное среди мѣстныхъ земскихъ начальниковъ.

«Такъ, напр., П., о которомъ мы говорили выше, тоже подпалъ подъ вліяніе С., мѣстнаго волостного писаря, такъ что все, что дѣлается въ участкѣ, дѣлается по желанію писаря. Самъ П. человѣкъ старый, неглупый, добрый и знающій законы и мѣстный крестьянскій бытъ, но человѣкъ безхарактерный и бѣдный. С. чрезвычайно ловкій плутъ, сжалъ П. въ тискахъ различными денежными сдѣлками и обязательствами и въ то же время пользуется сильнымъ вліяніемъ и значеніемъ у жены П., молодой еще женщины, живущей на глазахъ мужа съ С. и въ то же время имѣющей большое вліяніе на мужа.

«Всякій, кто хочетъ добиться рѣшенія дѣла въ свою пользу, идетъ первоначально къ С. и приноситъ ему приличное подношеніе, и дѣло въ большинствѣ случаевъ оканчивается въ пользу просителя. С. довольно откровенно беретъ и беретъ, какъ говорится, и «печенымъ и варенымъ», т. е. всѣмъ, что принесутъ.

«С. вмѣшивается не только въ судебныя дѣла, но и въ дѣла административныя: волостные старшины, предсѣдатели судовъ и т. д. опредѣляются и назначаются по усмотрѣнію С. О волостныхъ писаряхъ и говорить нечего — всѣ волостные писаря въ участкѣ или родственники или полнѣйшія креатуры С., обязанные ему своимъ опредѣленіемъ на службу. Неудивительно, что все, что ни дѣлается во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ, дѣлается по волѣ С., такъ какъ писарь въ волостномъ правленіи, какъ мы увидимъ ниже, ворочаетъ и нынѣ всѣми правленскими дѣлами. О всемъ, что дѣлается въ участкѣ П., извѣстно и высшему начальству, но послѣднее щадитъ П., жалѣя его какъ человѣка. Всѣ же продѣлки свои С., какъ опытный дѣлецъ, обставляетъ строго закономъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ всѣ дѣла его обдѣлываются такъ, что комаръ носа не подточитъ» (Ярославск. губ., Пошехонскій у.).

«Дѣло было въ Ушинскомъ волостномъ правленіи. Земскій начальникъ пріѣхалъ туда посмотрѣть на порядокъ разбирательства дѣлъ волостныхъ судовъ около 11—12 часовъ дня. Повѣстками тяжущіеся и свидѣтели приглашались явиться часамъ къ 8—9. Но однако, несмотря на то, въ судъ еще никого не явилось. Тяжу-

щіеся обыкновенно предпочитаютъ передъ судомъ зайти въ трактирное заведеніе. При случаѣ тамъ устраиваютъ мировую, или просто идутъ для того, чтобы, подкрѣпившись выпивкой, потомъ въ судѣ посмѣлѣе отстаивать свои интересы. Такъ было и въ описанномъ случаѣ. Земскій начальникъ, за неявкою, приказалъ прекратить производство гражданскихъ исковъ и уголовныхъ дѣлъ, могущихъ быть кончаемыми миромъ, а самъ приказалъ старостѣ привести изъ трактира всѣхъ вызываемыхъ въ волостное правленіе. Когда они явились, онъ сначала приказалъ запереть ихъ въ арестное помѣщеніе, а потомъ, вызывая по-одиночкѣ, — расправлялся. Расправа состояла какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіи. Слова замѣняла жесточайшая ругань, а дѣйствія—снятая съ ноги галоша, которая довольно достаточно-таки походила по зашеинамъ мужиковъ. Сельская власть къ своевременной явкѣ въ судъ не принимала никакихъ мѣръ. Хотя въ повѣсткахъ проставляется время, но большинство нашихъ крестьянъ вовсе неграмотно, да и вызовъ въ судъ повѣстками практикуется очень рѣдко, а чаще общимъ приказомъ или объявленіемъ, даваемымъ на имя сельскаго старосты, который объявляетъ срокъ явки вызываемымъ иногда и въ самый день суда, а въ большинствѣ случаевъ наканунѣ его, такъ что домашніе должны посылать за вызываемымъ или въ поле, либо на мельницу, или еще куда.

Бывшій же въ упомянутомъ третьемъ участкѣ земскій начальникъ въ 1894—1895 годахъ, какъ говорятъ крестьяне, сильно преслѣдуя пьянство—нерѣдко ѣздилъ по участкамъ верхомъ съ ременной плеткой: если, бывало, увидитъ гдѣ пьянаго мужика, то плетка ходила по спинѣ послѣдняго. Съ этимъ земскимъ начальникомъ крестьяне боялись встрѣчаться около заведеній со спиртными напитками. Вообще крестьяне въ подобныхъ случаяхъ избѣгаютъ встрѣчъ съ земскимъ начальникомъ.

Въ хозяйственныя дѣла земскій начальникъ нашего уѣзда вникаетъ не мало. Со времени вступленія, имъ очень значительно увеличена площадь общественныхъ запашекъ, уничтожены, какъ это зачастую бывало прежде,— пропои на сходахъ оставшихся отъ передѣловъ участковъ земли и сѣнокоса. Замѣчается также при содѣйствіи земскихъ начальниковъ пріобрѣтеніе при посредствѣ Крестьянскаго поземельнаго банка нѣкоторыми обществами въ собственность участковъ земли; улучшеніе общественныхъ пожарныхъ инструментовъ, зданій хлѣбозапасныхъ магазиновъ и другихъ общественныхъ строеній, замѣна нѣкоторыхъ повинностей, прежде исполнявшихся за общественныя суммы, натуральными, какъ-то: исправленіе небольшихъ мостовъ и гатей и проселочныхъ дорогъ;

обработка общественной запашки; уничтоженіе найма обывательскихъ подводъ, употребляющихся при перевозкѣ арестантовъ при этапныхъ отправленіяхъ и на разныя другія административныя и полицейскія надобности.] Благодаря трудамъ земскихъ начальниковъ, утвердился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай пахать жнивье, т. е. ту землю, съ которой снята рожь. Прежде это обыкновенно дѣлалось на другой годъ передъ посѣвомъ, т. е. именно въ такое время, когда безъ того крестьянину по горло работы, чѣмъ, конечно, у него отбивался нѣкоторый заработокъ. Да и земля, вспаханная осенью, сохраняетъ въ себѣ больше влаги и удобнѣе разрыхляется передъ посѣвомъ. Нѣкоторые, хотя пока еще далеко немногіе, крестьяне поняли пользу этого вмѣшательства въ ихъ нужды земскихъ начальниковъ и охотно прибѣгаютъ къ нимъ за разъясненіями. Не мало труда стоило земскимъ начальникамъ уничтоженіе пропоевъ земли и сѣнокоса на сходахъ. Мѣрою къ этому послужили денежные штрафы. Даже наказаніями земскіе начальники не сразу прекратили пропои земель: случалось налагать взысканія за эти проступки по три и четыре раза на однихъ и тѣхъ же крестьянъ. Однако нравственное вліяніе въ тѣхъ обществахъ, которыя управляются пропойцей старостой и десяткомъ міроѣдовъ, не имѣло бы силъ. Эти міроѣды въ такихъ случаяхъ стараются внушить крестьянамъ, что земскій начальникъ, увѣщевая ихъ за пропои и угрожая наказаніемъ, только дѣлаетъ-де «острастку», а на самомъ дѣлѣ не можетъ никому воспретить пропить свою собственность. Такія соображенія міроѣды обыкновенно мотивируютъ такъ: Если бы онъ (земскій начальникъ) содержалъ въ рукахъ власть насъ за пропой штрафить, онъ и разговаривать съ тобой бы не сталъ, а просто-на-просто «ожелтилъ» [1]) бы всѣхъ по полтинѣ ай по цѣлковому, вотъ тутъ те и вся недолга. А то сталъ бы онъ тутъ тебѣ турусы на колесахъ разводить съ нами. Знаемъ мы ихъ милость-то.

«Одинъ земскій начальникъ сосѣдняго съ Керенскимъ Наровчатскаго уѣзда, нашей же губерніи, уничтожая общественное пьянство, прибѣгалъ къ самой высшей мѣрѣ наложенія штрафа, чѣмъ такъ «сподобилъ» (увеличилъ) мірской капиталъ въ Зубовской волости, что, не прибѣгая къ какимъ либо другимъ сборамъ и обыкновеннымъ ассигнованіямъ, построилъ въ волости зданіе волостного правленія, цѣною тысячъ въ шесть рублей.

«Крестьяне больше гораздо боятся штрафовъ, чѣмъ нравствен-

---

[1]) «Ожелтилъ»—имѣетъ смыслъ наказанія.

ныхъ внушеній, и отсюда пословица: «бей мужика не дубиной, а бей полтиной» (Пензенской губ. Керенск. у.).

«Характерные случаи отношеній между крестьянами и земскими начальниками по Жерноковской, Авнетской, Ведерниковской и Ново-Никольской волостямъ:

«1. При проѣздѣ одного изъ земскихъ начальниковъ своего участка повстрѣчалось нѣсколько молодыхъ парней, которые, желая оказать ему почтеніе, закричали «ура». Тотъ это принялъ за оскорбленіе и всѣхъ предалъ волостному суду, который подвергнулъ ихъ аресту при волостномъ правленіи на 15 дней.

«2. Другой земскій начальникъ, проѣзжая, нагналъ одного изъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, который былъ выпивши и сидѣлъ съ своей любовницей въ телѣгѣ. Начальникъ остановилъ лошадей, послалъ кучера связать пьянаго въ телѣгѣ, но тотъ этого сдѣлать не позволилъ и обругалъ кучера. За это начальникъ предалъ его волостному суду, который приговорилъ его къ наказанію розгами.

«3. Тотъ же земскій начальникъ, бывая на волостномъ и сельскихъ сходахъ, требуетъ, чтобы нѣкоторые вопросы рѣшались крестьянами согласно его желанію, и когда болѣе смѣлые выражаютъ вслухъ мнѣніе, противное его желанію, онъ вызываетъ ихъ, признаетъ пьяными, хотя они вина и не пили, и подстрекателями, и подвергаетъ аресту при волостномъ правленіи, якобы до вытрезвленія. Тогда остальные робѣютъ и рѣшаютъ вопросъ по желанію начальства» (Вологодск. губ., Грязовецк. у.).

«Въ 1890 году назначенный на должность земскаго начальника С. далъ распоряженіе Ковжскому волостному старшинѣ собрать всѣхъ крестьянъ на сходъ къ зданію волостного правленія для встрѣчи его съ хлѣбомъ-солью.

Крестьяне были собраны и явились на этотъ разъ всѣ, ожидая новаго начальника, но напрасно крестьяне прождали, начальникъ не пріѣхалъ, пославъ извѣстіе, полученное вечеромъ, что онъ вслѣдствіе служебныхъ дѣлъ прибыть на сходъ не можетъ и приказалъ собраться въ другой срокъ. Крестьяне роптали, что даромъ прождали, и теперь приходится терять для этого другой день. Въ другой день часа въ 2 за полдень является наконецъ и начальникъ (замѣтно выпивши) и съ нимъ становой и урядникъ (сходъ былъ собранъ къ 10 часамъ утра). Крестьяне снимаютъ шапки и стоятъ безъ нихъ. Старшина съ хлѣбомъ-солью подходитъ къ начальнику и говоритъ: — «Крестьяне ввѣренной мнѣ волости просятъ васъ, ваше высокоблагородіе, принять хлѣбъ-соль», и остановился, видимо желая еще

что-то сказать, но языкъ не повиновался (сробѣлъ).—«Благодарю за это и очень радъ васъ видѣть. Въ лицѣ меня вы видите начальника, который будетъ заботиться объ васъ, какъ отецъ объ дѣтяхъ» — и еще что-то сказалъ начальникъ, но не разслышали. Послѣ этого, по распоряженію начальника, отдѣлились выборные волостного схода, сельскіе старосты и судьи вошли въ помѣщеніе правленія, къ которымъ начальникъ обратившись сказалъ:—«Назначеннымъ волостнымъ судьямъ слѣдуетъ ассигновать жалованья по 60 р. въ годъ каждому, а предсѣдателю 100 руб.»—Два-три человѣка отвѣчаютъ:—«Много, ваше высокоблагородіе, нельзя ли поменьше». — Нельзя меньше и я не хочу, говорилъ начальникъ. — «Мы не согласны,—говорятъ нѣсколько голосовъ изъ толпы,—будетъ имъ и по 20 рублей». — Этого не будетъ, кричитъ начальникъ.—«А и мы не согласны»,—кричитъ одинъ изъ толпы.—«Молчать! топнувъ ногою, крикнулъ начальникъ. Не будетъ по вашему, а будетъ по моему». — Такъ зачѣмъ и звалъ насъ сюда, дѣлай одинъ,—говоритъ голосъ изъ толпы. Послѣ этого начальникъ вышелъ изъ себя, закричалъ:—«Пошли вы... сволоцные черти». Послѣ этого слова вышелъ изъ правленія и уѣхалъ, не простившись. Крестьяне заговорили:—«Развѣ можно ругаться при Государѣ? Удивлялись: и вотъ такъ отца намъ прислали: этотъ, видно, что будетъ заботиться о насъ. Два дня тиранилъ, а пришли, такъ выругалъ». (Новгородская губ., Череповецк. у.).

«О дѣятельности земскаго начальника крестьяне разсказывали такъ: 1) года четыре тому назадъ мѣстный земскій начальникъ X. гналъ со своего поля лошадей, принадлежащихъ крестьянамъ второй половины ближайшаго села; за это онъ взыскалъ съ нихъ денежный штрафъ. Въ скоромъ времени послѣ этого нѣсколько экономическихъ воловъ изъ названнаго имѣнія земскаго начальника зашли на яровые хлѣба упомянутыхъ крестьянъ, почему они тоже задержали этихъ воловъ и сообщили объ этомъ въ экономію. Узнавши про это, земскій начальникъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ въ камеру мѣстнаго сельскаго старосту и всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ, куда они и явились. Земскій начальникъ первымъ долгомъ началъ кричать и ругать старосту и всѣхъ крестьянъ, объясняя, что они не имѣли права задерживать его воловъ и что онъ за это взыщетъ съ нихъ. Тогда сельскій староста сказалъ: — «Ваше высокородіе, какъ же крестьяне не имѣли права задерживать воловъ вашихъ,—вы же сами показали имъ этотъ примѣръ тѣмъ, что раньше загнали ихъ лошадей и взыскали съ нихъ денежный штрафъ». Въ отвѣтъ на это земскій начальникъ тутъ же далъ ему, старостѣ, двѣ хорошихъ пощечины при всѣхъ крестьянахъ, хотя

староста былъ при должностномъ знакѣ въ то время. На это староста замѣтилъ, что земскій начальникъ бить должностныхъ лицъ и вообще крестьянъ не имѣетъ права, а это такъ поступаютъ только прасолы и пьяные мужики въ кабакѣ, а потомъ вышелъ изъ камеры вонъ на улицу. Земскій начальникъ продолжалъ кричать и бранить крестьянъ. Крестьяне, видя, что староста получилъ отъ него двѣ пощечины, и хотя ихъ было человѣкъ 35, стали бояться, какъ бы ихъ онъ не сталъ колотить; тѣ изъ нихъ, которые стояли ближе къ земскому начальнику, начали подаваться назадъ и по-одиночкѣ удирать изъ камеры, и наконецъ одинъ по одному всѣ вышли изъ камеры. Земскій начальникъ не удовлетворился этимъ, а тотчасъ составилъ протоколъ объ арестованіи всѣхъ крестьянъ по трое сутокъ, раздѣливъ ихъ по нѣсколько партій (на четыре) и отослалъ для выдержанія подъ арестомъ нѣкоторыхъ при мѣстномъ волостномъ правленіи, а остальныхъ при другихъ, отстоящихъ въ 15—10 верстахъ, волостныхъ правленіяхъ своего земскаго участка. Волы были отобраны у крестьянъ и за потраву хлѣба земскій начальникъ имъ ничего не заплатилъ. На такое его дѣйствіе никто изъ нихъ жалобы не принесъ.

«2. Года два тому назадъ въ сельцѣ Ч. крестьянскія лошади съ ночного пастбища прошли на хлѣбъ мѣстной помѣщицы. Объ этомъ помѣщица пожаловалась земскому начальнику. По этой жалобѣ въ самое непродолжительное время на мѣсто прибылъ земскій начальникъ, собралъ всѣхъ крестьянъ-хозяевъ того селенія, у которыхъ имѣются лошади, побранилъ ихъ, что лошадей пустили на барскій хлѣбъ. Многіе крестьяне заявили, что ихъ лошадей на хлѣбѣ не было въ ту ночь, а нѣкоторые объяснили, что ихъ лошадей вовсе не было тогда на ночлегѣ, но онъ, не обращая вниманія, всѣхъ арестовалъ по трое сутокъ при разныхъ волостныхъ правленіяхъ своего участка и кромѣ того приказалъ имъ скосить 10 десятинъ ярового хлѣба (овса) и свезти съ поля на гумно и сложить въ скирды 100 копенъ ржаного хлѣба въ пользу помѣщицы.

«Когда крестьяне отсидѣли подъ арестомъ и выполнили приказаніе земскаго начальника въ остальномъ, то по окончаніи работы просили у помѣщицы на ½ ведра водки, но она только посмѣялась надъ ними, говоря:—«Развѣ я васъ просила косить и возить мой хлѣбъ: вамъ это приказалъ земскій начальникъ, такъ вы ступайте къ нему и просите у него на водку».

«3. Въ 1896 году въ селѣ С. произошелъ пожаръ, на который сначала явился мѣстный волостной старшина С., пьяный до положенія ризъ (шатается и валяется). Сѣвъ около пожара, онъ заку-

рилъ папироску и все время молчалъ. Потомъ на пожаръ прибылъ земскій начальникъ и началъ распоряжаться тушеніемъ. Когда старшинѣ сказали о прибытіи начальника, онъ вскочилъ на ноги и какъ угорѣлый побѣжалъ по пожару, валясь, и началъ во все горло кричать:—«Давайте воды, бочки, багры, тушите пожаръ!»—Усмотрѣвъ это, земскій начальникъ подошелъ къ пьяному старшинѣ и закричалъ на него:—«Ахъ ты, пьяная свинья, мерзавецъ! зачѣмъ явился сюда въ такомъ видѣ?» Потомъ исколотилъ его и приказалъ удалиться съ пожара. Однако старшина отдѣлался только побоями, но за то земскій начальникъ всѣхъ крестьянъ этого села, въ томъ числѣ и погорѣльцевъ, подвергнулъ аресту на трое сутокъ при разныхъ волостныхъ правленіяхъ. Крестьяне даже не знали, за что имъ такое перепало.

«4. Года два тому назадъ, лѣтомъ, волостной старшина С. изъ села С. поѣхалъ на дрожкахъ въ деревню Р. (въ 4-хъ верстахъ отъ села С.) для производства выборовъ полѣсовщиковъ въ багратіонскую общевладѣльческую дачу; при немъ находился баллотировочный ящикъ и портфель для бумагъ. Окончивъ въ сказанной деревнѣ выборы, онъ тамъ напился пьяный до безпамятства и въ такомъ видѣ поѣхалъ вечеромъ домой. Вцѣпившись въ передокъ дрожекъ, онъ дорогой заснулъ, возжи изъ рукъ выронилъ и потерялъ сказанный ящикъ и портфель. А такъ какъ дорога, по которой онъ ѣхалъ, пролегаетъ мимо усадьбы земскаго начальника и та лошадь, на которой онъ ѣхалъ, часто бывала въ этой усадьбѣ, то и привезла его прямо къ барскому дому. Увидѣвъ это, земскій начальникъ самъ вышелъ изъ дома, осмотрѣлъ старшину и тотчасъ же приказалъ кучеру прибрать его и его лошадь до утра. Наутро онъ потребовалъ къ себѣ старшину и побранилъ за пьянство, но послѣдній остался безъ взысканія и отдѣлался, попросивъ прощенія. Послѣ этого, старшина разыскалъ утерянный ящикъ и портфель. Крестьяне вообще этому случаю очень удивились и старшину сочли родившимся въ сорочкѣ.

«5. Тотъ же волостной старшина С. повадился ѣздить въ сельцо Змѣевку къ одной крестьянкѣ гулять. Черезъ нѣсколько времени мужъ ея началъ ревновать къ старшинѣ, почему въ прошломъ году, когда старшина забрался въ его домъ, онъ не вытерпѣлъ и отрѣзалъ хвостъ у лошади старшины по самую храпку и выпроводилъ его изъ своего двора пьянымъ на куцей лошади. Земскій начальникъ, узнавъ истину, оставилъ старшину безъ наказанія.

«6. Года три тому назадъ земскій начальникъ, имѣя нужду въ деньгахъ, просилъ у торговца Б., живущаго въ селѣ Р., взаймы рублей 200, но Б. ему отказалъ, боясь, что этихъ денегъ ему долго

не заплатитъ. Вскорѣ послѣ того Б. взялъ въ своемъ обществѣ названнаго села разрѣшеніе на открытіе питейнаго заведенія, на что и получилъ общественный приговоръ. Съ этимъ приговоромъ онъ отправился къ земскому начальнику, чтобы получить предварительное его согласіе на открытіе заведенія; для того, чтобы онъ скорѣе согласился, положилъ въ приговоръ 100 р. Когда тотъ увидѣлъ въ приговорѣ деньги, то бросилъ ихъ Б. и поколотилъ его, говоря: «Ахъ ты, мерзавецъ, ты считаешь меня взяточникомъ, такъ вотъ тебѣ, знай, что я не взяточникъ». Этимъ случаемъ всѣ крестьяне интересовались и оставались довольными; такъ Б. въ то время и не открылъ питейнаго заведенія. Черезъ годъ послѣ того онъ всетаки добился согласія земскаго начальника на открытіе питейнаго заведенія.

7. Года четыре тому назадъ земскій начальникъ заѣхалъ въ сельцо Змѣевку, гдѣ отъ сельскаго старосты потребовалъ показать ему пожарный сарай и въ немъ пожарный обозъ. Не найдя въ достаточномъ количествѣ бочекъ и снарядовъ, земскій начальникъ потребовалъ отъ старосты объясненія и, узнавъ, что бочки взяты изъ сарая крестьянами по хозяйственной надобности, далъ ему три оплеухи. Народъ этимъ возмущался» (Орловск. губ., Кромск. у.).

Въ маѣ 1897 года въ камеру земскаго начальника 3-го участка, пришелъ крестьянинъ изъ Красниковской волости съ прошеніемъ въ рукахъ къ земскому, проситъ его приписать къ себѣ въ домъ черезъ казенную палату своего зятя, а то ему почему-то самому приписка не задается. Земскій начальникъ вышелъ изъ камеры на парадное крыльцо и, сѣвъ на стулъ, началъ выслушивать просьбы крестьянъ: когда дошла очередь до Красниковскаго, онъ подалъ прошеніе; земскій начальникъ развернулъ прошеніе, досталъ оттуда кредитную рублевую бумажку, вложенную мужикомъ для подарка; прочитавъ прошеніе, земскій начальникъ свернулъ его, вложилъ при этомъ и рубль, поспѣшно началъ все рвать на мелкіе куски, которые бросилъ на воздухъ; затѣмъ, немедленно поднявшись со стула, такъ неожиданно нанесъ просителю ударъ въ ухо, что тотъ, бѣдный, какъ снопъ свалился на землю, завопивъ благимъ матомъ; земскій начальникъ, толкнувъ его еще ногой въ бокъ, закричалъ на него, чтобы онъ убирался вонъ изъ усадьбы, и старикъ, вскочивъ, какъ встрепанный, на ноги, пустился бѣжать, говоря: «этого не зналъ и положилъ на расходы».

Въ 1896 году лѣтомъ крестьянину деревни Городища Петру Матюхину общество набавило земельный надѣлъ, отобравъ такой отъ его родного брата. Послѣдній приговоръ общества обжаловалъ, и онъ былъ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ, и объ отмѣнѣ приго-

вора Петру Матюхину было объявлено черезъ волостное правленіе. Не вѣря этому, Матюхинъ поѣхалъ къ земскому начальнику, къ которому пріѣхалъ въ то же время по дѣламъ службы и волостной писарь Знаменской волости. Опросивъ Матюхина при писарѣ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, послѣдній сказалъ, что ему, по приговору общества, не выдаетъ братъ земли, между тѣмъ писарь объяснилъ земскому начальнику, что приговоръ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ, и что ему объ этомъ было объявлено. Тогда земскій начальникъ приказалъ убраться Матюхину по добру-по здорову: Матюхинъ, поварачиваясь къ двери, сказалъ: «Ну, такъ я теперь губернатору пожалуюсь».— «Какъ? вскрикнулъ земскій начальникъ, ты, хамъ, еще меня вздумалъ и осмѣлился стращать?». И приказалъ волостному старшинѣ выдержать Матюхина два дня подъ арестомъ» (Орловск. губ., Болховской у.).

«Молодыя и красивыя женщины, имѣвшія случай побывать въ усадьбѣ земскаго начальника, говорятъ, что ихъ туда больше и калачемъ не заманишь. Въ деревняхъ составлена и поется на этотъ счетъ пѣсенка: «Дайте дѣвушкѣ испить изъ мѣднаго изъ чайника, развѣ съ горя полюбитъ земскаго начальника». А то еще другая, уже болѣе опредѣленно рисующая его отношенія къ прекрасному полу: «Земскій былъ у насъ начальникъ, только глазикомъ повелъ сталъ нашъ, дѣвушки, начальникъ, не одну съ собой увелъ».

Въ спорныхъ дѣлахъ крестьяне говорятъ другъ другу «ничего братъ, я знаю, гдѣ живетъ земскій, и я до него дойду». Встрѣчъ съ земскимъ начальникомъ крестьяне не ищутъ, но не избѣгаютъ.

Сряду послѣ вступленія въ должность земскій начальникъ сдѣлалъ письменное распоряженіе о томъ, какъ должны крестьяне вести себя внѣ дома, передъ начальствомъ шапку снимать, на улицѣ на гармоникѣ не играть и пѣсенъ не пѣть, не сквернословить, не драться и тому подобное, но тѣмъ и ограничился и никогда никого не наказывалъ за нарушеніе своего приказанія. Крестьяне давнымъ-давно забыли его да, признаться, и не исполняли, за исключеніемъ одного сниманія шапокъ передъ начальствомъ. Ни въ какія хозяйственныя дѣла онъ не вмѣшивается, не только частныя, отдѣльныхъ домохозяевъ, но даже и въ хозяйственныя дѣла всей волости, подлежащія обсужденію и рѣшенію волостного схода. Наши крестьяне не мало дивятся разсказамъ своихъ довольно близкихъ сосѣдей, крестьянъ Петринской волости, находящейся въ другомъ земскомъ участкѣ, про ихъ земскаго начальника, который вмѣшивается даже въ полевыя работы крестьянъ и ходитъ по ихъ гумнамъ. Передаютъ такой фактъ: волостной сходъ постановилъ построить зданіе для волостного правленія. Земскій началь-

никъ собралъ другой сходъ и сказалъ: «Кто вамъ разрѣшилъ здѣлать такое постановленіе? вамъ нужно не правленіе, а несгораемый шкафъ для правленія». И постановили купить дорогой шкафъ, а о постройкахъ правленія и рѣчи нѣтъ.—«Но ужъ нашъ такъ не сдѣлаетъ», говорили съ гордостью наши мужики. Лѣтъ тому пять назадъ въ одной изъ волостей (Вороненской) былъ выборъ волостного старшины, на выборахъ присутствовалъ и земскій начальникъ. Крестьяне приступаютъ къ выбору, но выбираютъ не то лицо, которое хотѣлось земскому начальнику. Послѣдній заявляетъ, что онъ этого старшину не утвердитъ въ должности. Начинаютъ выбирать другого. Но и этотъ не удовлетворяетъ земскаго. Тогда одинъ молодой крестьянинъ заявляетъ: «Зачѣмъ же, ваше благородіе, вы и звали насъ, сами бы и назначили». Земскій начальникъ обругалъ крестьянина, тотъ что-то отвѣтилъ. Земскій вскипятился и хлестъ мужика въ ухо. «Видите, православные, за чѣмъ насъ сюда звали, заявляетъ крестьянинъ сходу: пойдемте домой, намъ здѣсь дѣлать нечего». Скандалъ получился изрядный. Но крестьянина удалось уговорить кончить миромъ, и тѣмъ дѣло кончилось.

«Одинъ земскій начальникъ увлекся идеей, чтобы въ каждой волости было свое собственное зданіе для помѣщенія волостного суда, волостного правленія, волостного писаря, арестантской и т. п. (въ большинствѣ случаевъ волостныя правленія въ описываемой мѣстности ютятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ для крестьянъ гораздо выгоднѣе). Идею онъ проводилъ такъ настойчиво, что въ теченіе полугода добился того, что изъ пяти волостей три составили приговоры о сооруженіи новыхъ зданій для волостныхъ правленій. Въ одной волости сооруженіе новаго зданія подъ волостное правленіе стоило около 600 рублей, и зданіе было построено не въ центрѣ участка, а на краю его. Интересенъ способъ воздѣйствія земскаго начальника на крестьянъ. Первоначально вызывались волостные старшины и сельскіе старосты и имъ внушалась неотложность и необходимость постройки зданій подъ волостное правленіе. Затѣмъ созывался волостной сходъ, и дѣло поручалось его разсмотрѣнію. Если волостной сходъ не сочувствовалъ идеѣ земскаго начальника и не хотѣлъ строить зданія, тогда постановленіе схода не утверждалось, а дѣло о постройкѣ правленія передавалось на разсмотрѣніе сельскихъ обществъ, составляющихъ волость. Если большинство сельскихъ сходовъ высказывалось за постройку правленія, то и дѣло считалось рѣшеннымъ» (Ярославск. губ.).

«Въ текущемъ году нѣкоторые земскіе начальники въ мѣстностяхъ, гдѣ развито маслодѣліе, приказали волостнымъ правленіямъ

объявить всѣмъ маслодѣламъ, покупающимъ молоко у крестьянъ извѣстной волости, чтобы они удержали изъ платы молока по 5 рублей на каждую корову и заплатили бы эти деньги въ счетъ податей сельскимъ старостамъ. Сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы крестьяне по возможности исправно вносили подати. Распоряженіе это нельзя назвать раціональнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: крупный сыроваръ, маслодѣлъ, имѣющій до 5 или болѣе маслодѣловъ, беретъ молоко отъ 200 — 300 лицъ и удержитъ въ общей сложности отъ 1500 до 2000 рублей. Но кто можетъ ручаться за то, что сыроваръ отнесетъ эти деньги исправно по назначенію? Случится у сыровара неисправность въ торговыхъ дѣлахъ,—онъ банкротится и крестьянскія деньги пропадаютъ. Съ крестьянъ будутъ взыскивать деньги во второй разъ въ уплату податей. Кромѣ того деньги эти взыскиваются съ крестьянъ весною, а срокъ уплаты податей бываетъ въ октябрѣ. Такимъ образомъ съ крестьянина подати взыскиваются маслодѣлами чуть не за полгода впередъ, что уже является крайнею несправедливостью. Распоряженіе это и противозаконно, такъ какъ учреждаетъ для сбиранія податей новую функцію, закономъ не утвержденную, а именно содержателей маслодѣльныхъ заводовъ. Крестьяне, благодаря такому распоряженію, ничѣмъ не гарантированы отъ прижимокъ со стороны сыроваровъ. Вычтетъ, напримѣръ, сыроваръ весною 5 рублей, а осенью будетъ вычитать еще пять. Чѣмъ доказать, что не присчитываетъ? Сыроваренными книгами? Но всѣ эти книги пишутся, какъ попало, карандашомъ, съ многочисленными поправками, помарками и не всегда аккуратно» (Ярославск. губ.).

«Наиболѣе близкій начальникъ къ крестьянамъ—это земскій начальникъ. Становой приставъ, исправникъ и другіе чины не имѣютъ съ крестьянами такихъ близкихъ отношеній. Въ нашей волости уже четвертый годъ служитъ земскій начальникъ. Крестьяне не любятъ его, и онъ платитъ имъ тѣмъ же. Взаимная антипатія между земскимъ начальникомъ и крестьянами установилась съ перваго же дня знакомства по винѣ самого земскаго начальника, вслѣдствіе того, что онъ старался вездѣ ставить свое «я» и выказалъ поползновеніе игнорировать мнѣніемъ крестьянъ. Репрессивныя мѣры, принятыя имъ противъ нѣкоторыхъ возражавшихъ ему на сходѣ крестьянъ, еще болѣе способствовали возникновенію между сторонами натянутыхъ отношеній. Первое открытое столкновеніе между крестьянами и земскимъ начальникомъ произошло на волостномъ сходѣ въ 1895 году. Явившись на сходъ, въ этотъ день, земскій начальникъ предложилъ крестьянамъ учредить въ волости капиталъ на призрѣніе увѣчныхъ и больныхъ

членовъ сельскихъ обществъ. Для первоначальнаго образованія этого капитала онъ предлагалъ употребить 880 рублей, имѣвшіеся въ правленіи. Этотъ капиталъ образовался изъ 10-копеечнаго паспортнаго сбора, а для того, чтобы онъ пополнялся и возрасталъ, земскій начальникъ предложилъ обязательный сборъ съ паспортовъ въ повышенномъ размѣрѣ. Крестьяне не соглашались, но принуждены были дать свое согласіе противъ желанія, такъ какъ никому изъ выборныхъ не хотѣлось открыто показать себя передъ земскимъ начальникомъ противникомъ его проекта. Но потомъ всѣ недовольные подали прошеніе, въ которомъ доказывали, что сборъ съ паспортовъ затрудняетъ свободное передвиженіе крестьянъ, и просили отмѣнить подписанный ими приговоръ, который и былъ отмѣненъ. Но земскій начальникъ на слѣдующемъ сходѣ снова предложилъ выборнымъ возобновить отмѣненный приговоръ новымъ, измѣнивъ выраженіе «взимать съ паспортовъ» выраженіемъ «съ лицъ, уходящихъ на заработки». Угрозами оштрафовать и подвергнуть аресту несогласныхъ, онъ добился снова утвержденія желательнаго ему приговора, но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе за введеніемъ новыхъ правилъ о паспортахъ.

«Интересно поведеніе старшины на этихъ сходахъ. Втайнѣ онъ былъ на сторонѣ крестьянъ, но въ присутствіи земскаго начальника его можно было принять за самаго яраго сторонника его проекта. Уѣзжалъ земскій начальникъ, и старшина первый же порицалъ его дѣйствія. Крестьяне нисколько не порицали его за эту двойственность, зная, что старшина всецѣло зависитъ отъ земскаго начальника» (Рязанск. губ., Зарайск. у.).

«Земскій начальникъ 1-го участка пожелалъ въ деревнѣ Уранкѣ, Павловской волости, построить церковь. Населеніе деревни было почти на половину сектантское. Видя невозможность для однихъ православныхъ построить церковь, онъ хотѣлъ, чтобы и сектанты приняли участіе. Съ этою цѣлью собираетъ сходъ. Сектанты отказались отъ постройки церкви, говоря: «что кому нужно, тотъ пусть и строитъ». Этимъ они вызвали сильное неудовольствіе начальника, который послѣ того началъ тѣснить крестьянъ, налагать на нихъ штрафы за то только, что они не привязываютъ своихъ собакъ на цѣпь, и сажать подъ арестъ. Но главное, чѣмъ были возмущены крестьяне, было слѣдующее: земскій начальникъ при разъѣздахъ остановился у мѣстнаго помѣщика и похвалился ему, что имѣетъ надъ крестьянами неограниченную власть. Приказалъ позвать сельскаго старосту и поручилъ ему позвать нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Когда тѣ явились, онъ велѣлъ везти имъ свою повозку, а самъ сѣлъ въ нее, и такъ дѣлалъ нѣсколько разъ.

«Крестьяне, чтобы отомстить ему, подпилили сваи у моста, чтобы онъ при проѣздѣ провалился въ оврагъ, но вмѣсто него пострадалъ крестьянинъ той же деревни, поѣхавшій ранѣе по мосту, и утопившій свою лошадь. Такими мѣрами земскій начальникъ достигъ того, что церковь была построена» (Пензенская губ. Городищенск. у.).

«Выборъ волостного старшины въ настоящее время зависитъ всецѣло отъ земскаго начальника, который изъ трехъ выбранныхъ кандидатовъ утверждаетъ въ должности старшины одного. Въ данномъ случаѣ онъ не обращаетъ вниманія на то, сколько голосовъ было подано за этого кандидата, а руководствуется исключительно своимъ личнымъ усмотрѣніемъ. Но иногда земскіе начальники идутъ и дальше: желая избрать кого либо въ старшины, они превышаютъ свою власть. Бываетъ, что при выборахъ земскій начальникъ приказываетъ баллотировать своего кандидата и утверждаетъ его въ должности старшины, хотя бы за него былъ поданъ одинъ только голосъ. Недавно былъ такой случай: въ Холмской волости происходили выборы волостного старшины. На выборы прибылъ и мѣстный земскій начальникъ П-ъ. Крестьяне выставили для выборовъ 3-хъ своихъ кандидатовъ, земскій начальникъ съ своей стороны приказалъ баллотировать предложеннаго имъ четвертаго кандидата, волостного писаря изъ сосѣдняго волостного правленія. Крестьяне согласились на это и стали баллотировать четвертаго кандидата. За этого кандидата было подано не болѣе 10-ти голосовъ, тогда какъ за другого было подано пятьдесятъ два голоса. Несмотря на это, земскій начальникъ утвердимъ своего кандидита въ должности волостного старшины» (Ярославск. губ., Пошехонск. у.).

«Въ деревнѣ Дишлевкѣ, Пичелейской волости, крестьяне имѣли общественный лѣсъ, который съ теченіемъ времени вырубили. Одинъ крестьянинъ сталъ внушать своимъ однообщественникамъ, что этотъ порубъ можно обмѣнять на казенный лѣсъ, который не былъ еще вырубленъ, стоитъ только подать прошеніе, или лично отправиться къ Министру Государственныхъ Имуществъ, и имъ разрѣшатъ пользоваться казеннымъ лѣсомъ. Крестьяне повѣрили, его же самого избрали ходокомъ, чтобы отправиться къ Министру. Земскій начальникъ, узнавъ, приказалъ позвать того крестьянина. Сельчане взяли, положили его на телѣгу, наклали на него соломы и отправили на ближайшую станцію «Канаевку». Земскій начальникъ, видя, что онъ долго не является, распорядился притащить его силой. Стали разыскивать, но нигдѣ не могли его найти. Тогда земскій начальникъ приказалъ, чтобы всѣ письма, адресованныя въ эту деревню, передавались предварительно ему. Одно изъ та-

кихъ писемъ оказалось присланнымъ бѣжавшимъ крестьяниномъ; по этому письму земскій начальникъ узналъ его адресъ и далъ знать полиціи, задержать его, какъ не имѣющаго письменнаго вида, и препроводить на мѣсто жительства. По пріѣздѣ того, онъ приказалъ наказать его розгами и посадить на 10 дней подъ арестъ, самъ же отправился въ деревню Дишлевку съ цѣлью собрать сходъ и предложить крестьянамъ исключить его изъ общества. Крестьяне, услышавъ, что пріѣхалъ земскій начальникъ, всѣ убѣжали въ лѣсъ, оставивъ деревню пустою. Не найдя никого, онъ нарядилъ изъ сосѣдняго села нѣсколько человѣкъ для розыска. Многихъ изъ приведенныхъ и отказавшихся исполнить приказаніе земскаго начальника, послѣдній приказывалъ наказывать розгами. Послѣ этого земскій начальникъ отправился въ другую избу, гдѣ были волостной старшина и писарь, и заставилъ крестьянъ подписаться къ приговору. Такими мѣрами земскій начальникъ заставилъ крестьянъ отказаться отъ своего однообщественника. Означенный крестьянинъ былъ сосланъ, но на дорогѣ умеръ. Крестьяне и до сихъ поръ помнятъ его, называя мученикомъ, а тотъ лѣсъ, изъ-за котораго онъ хлопоталъ, получилъ названіе «Галтая», по прозвищу этого крестьянина». (Пензенск. губ.).

§ 14. Приведеніе въ исполненіе постановленій властей. Неповиновеніе и сопротивленіе властямъ.

Приведеніе въ исполненіе предписаній администраціи и рѣшеній суда производится въ большинствѣ случаевъ безпрепятственно при помощи полиціи или волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ.

Явное неуваженіе къ должностнымъ лицамъ, а тѣмъ болѣе насильственное сопротивленіе приведенію въ исполненіе ихъ законныхъ предписаній крестьяне оказываютъ рѣдко.

Неуваженіе къ волостному и сельскому начальству бываетъ гораздо чаще, чѣмъ неуваженіе къ должностнымъ лицамъ общей администраціи.

«Волостное и сельское начальство крестьяне избѣгаютъ оскорблять при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, впрочемъ старосту матюкаютъ и на сходѣ, а въ частной жизни со старшиной и старостой нисколько не церемонятся и никакого уваженія сравнительно съ другими не оказываютъ» (Череповецк. у.). Тотъ же корреспондентъ объ отношеніи къ общей администраціи говоритъ, что крестьяне къ представителямъ ея относятся съ большимъ уваженіемъ, хотя и у стариковъ уваженіе это болѣе наружное, чѣмъ дѣйствительное. Про прежнее начальство старики разсказываютъ

такъ: «Ты къ ему съ поклономъ, а онъ тя по зубамъ. Ну, теперь, что начальство: то же самое, только въ зубы не бьетъ, не смѣетъ, потому Батюшка Царь не велитъ». Очень часто бываетъ открытое неповиновеніе властямъ со стороны женщинъ, да ихъ рѣдко привлекаютъ къ отвѣтственности, ибо «баба глупа и не понимаетъ, что дѣлаетъ». Болѣе ловкія бабы зачастую злоупотребляютъ этимъ и дозволяютъ себѣ по отношенію къ властямъ то, что мужчинѣ безнаказанно никогда не пройдетъ. «Я баба—съ меня взятки гладки». (Р.-Борисоглѣбскій, Данил. и Любим. у.). Что касается причины сравнительно малаго уваженія крестьянъ къ сельскимъ и волостнымъ должностнымъ лицамъ, то она заключается прежде всего въ томъ, что эти лица для крестьянина почти равные, свои же выборные, «что ты сегодня, а я завтра буду старшиной или старостой» (Орловская губ., Кромской у.)., Кромѣ этой общей причины, неуваженіе къ сельскимъ и волостнымъ должностнымъ лицамъ иногда увеличивается по индивидуальнымъ причинамъ: когда данное лицо находится при исполненіи обязанностей въ нетрезвомъ видѣ, состоитъ завѣдомо должнымъ лицу, въ пользу котораго дѣлаетъ распоряженія, страстно относится къ женскому полу и т. д.» (Кромск. у.).

Всѣ источники, относящіеся къ періоду, далеко предшествующему общимъ волненіямъ, къ періоду нормальному, констатируютъ лишь рѣдкіе, единичные случаи открытаго неповиновенія, угрозъ и сопротивленія исполненію предписаній власти.

Причины, вызывающія сопротивленія властямъ, могутъ быть классифицированы слѣдующимъ образомъ:

1. Наиболѣе общая причина сопротивленій—когда распоряженіе власти затрогиваетъ важный матеріальный интересъ крестьянина, когда крестьянинъ рѣшается скорѣе отстаивать его силой, чѣмъ пожертвовать имъ. Таковы сопротивленія при составленіи описи и продажѣ имущества съ цѣлью взысканія недоимокъ или исполненія рѣшенія суда; при принудительномъ сносѣ построекъ; особенно при приведеніи въ исполненіе рѣшенія суда по земельному спору, проигранному крестьянами;

2. Рѣже бываетъ сопротивленіе при арестованіи крестьянина—со стороны подлежащаго аресту или иногда односельчанъ, желающихъ его отстоять, что бываетъ развѣ лишь тогда, когда арестуемый былъ ихъ руководителемъ или уполномоченнымъ въ дѣлѣ, выполняемомъ сообща.

3. Наконецъ, сопротивленія властямъ бываютъ иногда и при исполненіи предписаній незаконныхъ или явно вздорныхъ.

§ 15. Свобода передвиженій. Паспорты.

Согласно отзыву всѣхъ источниковъ, правила о видахъ на жительство примѣнялись въ крестьянскомъ быту—(до 1903 года, т. е. до отмѣны круговой поруки) – слѣдующимъ образомъ:

Паспорта выбирались только при отлучкѣ за предѣлы уѣзда или губерніи или за раіонъ, превышающій 25—100 верстъ и при томъ на сравнительно продолжительное время. При поступленіи въ работники паспорта выбирались даже тогда, когда выбирающій поступалъ на мѣсто и вблизи своей волости. Съ другой стороны, при отлучкѣ хотя бы въ губернскій городъ или на богомолье, хотя бы за предѣлы своего уѣзда, паспорта выбирались рѣдко.

Паспорта выдавались на 6 мѣсяцевъ, на годъ, и паспортныя книжки на 5 лѣтъ.

Порядокъ выдачи паспортовъ состоялъ въ томъ, что желающій получить паспортъ бралъ отъ сельскаго старосты удостовѣреніе о неимѣніи съ его стороны препятствій къ выдачѣ паспорта; на основаніи этого удостовѣренія паспортъ выдавался волостнымъ правленіемъ. Прежде чѣмъ выдать удостовѣреніе, староста долженъ былъ руководствоваться, если просящій самостоятельный домохозяинъ, тѣмъ, внесъ ли онъ причитающіяся съ него недоимки и подати, или хотя большую часть ихъ; и не остается ли съ его уходомъ семья его безъ средствъ къ жизни; если же онъ не самостоятельный домохозяинъ,—получилъ ли онъ на выдачу паспорта согласіе старшаго члена семьи; затѣмъ староста относительно всѣхъ просящихъ долженъ еще удостовѣриться, не состоятъ ли они подъ судомъ и въ какомъ положеніи они находятся къ отбыванію воинской повинности. Подлежащимъ призыву на службу или къ учебному сбору выдается паспортъ лишь на срокъ до времени призыва.—Относительно другихъ указанныхъ условій есть данныя, что иногда староста для выдачи удостовѣренія спрашивалъ на то согласія сельскаго схода. Надо предположить, что это дѣлалось тогда, когда за просителемъ состояла недоимка и когда существовала круговая порука, такъ что выдача паспорта безъ уплаты всей недоимки могла грозить лечь бременемъ на все общество. Засимъ при несогласіи старшаго члена семьи на выдачу паспорта (что хотя изрѣдка, но бываетъ, когда младшій, будучи на заработкахъ, не посылаетъ части заработанныхъ денегъ домой) проситель могъ обратиться къ земскому начальнику за разрѣшеніемъ получить паспортъ. Рѣшеніе земскаго начальника, коимъ постановлено выдать паспортъ, обжалованію не подлежитъ; наоборотъ,

когда земскій начальникъ отказываетъ въ выдачѣ паспорта, его постановленіе можетъ быть обжаловано въ уѣздный съѣздъ и губернское присутствіе (ст. 19 Пол. о выд. на жит., въ толкованіи Правительствующаго Сената). Право старшаго члена семьи не давать согласія на выдачу паспорта отмѣнено Высочайшимъ указомъ 5 октября 1906 года.

Для женщинъ не замужнихъ на выдачу паспорта требуется согласіе родителей, если онѣ не достигли совершеннолѣтія, для замужнихъ—согласіе мужа.

Что касается расходовъ на полученіе паспорта, то въ настоящее время, съ отмѣной паспортнаго сбора, они весьма не велики и рѣдко доходятъ до 50 к., вмѣстѣ съ «могарычами» и угощеніями старосты и писаря за скорѣйшее окончаніе дѣла, угощеніями, имѣющими мѣсто далеко не всюду и далеко не при каждой выдачѣ. Въ матеріалахъ есть указаніе, что волостные сходы иногда устанавливаютъ въ пользу волости особый сборъ за выдачу паспортовъ, (въ 30 к. Вяземскій у., въ 45 к.—Кромской у.), но сборы эти незаконны и губернское присутствіе отмѣняетъ ихъ (Кромской уѣздъ). Съ закономъ объ отмѣнѣ паспортнаго сбора выборка паспортовъ значительно усилилась, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возросла болѣе чѣмъ въ 20 разъ (Новгородск. губ., Тихвинск. у.). Вмѣстѣ съ тѣмъ установился порядокъ возобновленія паспортовъ по истеченіи срока черезъ полицію мѣста жительства просителя, которая и сносится непосредственно съ волостными правленіями мѣста его приписки для возобновленія вида. Съ изданіемъ Высочайшаго указа 5 октября 1906 года полиція мѣстожительства просителя получила право самостоятельно выдавать паспорта.

Относительно отмѣны паспортнаго сбора у крестьянъ существовали интересные комментаріи: «Законъ этотъ, по мнѣнію крестьянъ, явился по настоянію Государыни Александры Ѳеодоровны, которая, будучи невѣстой Государя, когда ѣхала изъ чужой земли въ Россію, видѣла бѣдственное положеніе крестьянъ, и упросила Государя отмѣнить съ нихъ паспортные сборы» (Рязанск. губ., Егорьевск. у.). Другіе говорятъ, что паспортная льгота дѣйствительна только до тѣхъ поръ, пока у Государя не родится сынъ; тогда опять начнутъ брать за паспорта «на сына» (Рязанск. губ., Зарайскій у.).

§ 16. Повинности въ крестьянскомъ быту. Повинности натуральныя и денежныя.

Повинности въ крестьянскомъ быту раздѣляются на натуральныя и денежныя.

Общая и повсюду существующая обязательная постоянная натуральная повинность заключается въ обязанности крестьянъ исправлять находящіяся на ихъ землѣ дорожныя и мостовыя сооруженія. Обыкновенно работы эти исполняются крестьянами сообща. Однако во многихъ мѣстностяхъ существуютъ и разные способы ихъ разверстки между отдѣльными домохозяевами. Такъ, напримѣръ, принято съ уходящихъ на заработки домохозяевъ брать деньги взамѣнъ исполненія повинности натурою (Калужск. губ., Козельскій у.); бываетъ и такъ, что одни домохозяева доставляютъ матеріалъ (лѣсъ, хворостъ, колья, гвозди), другіе же производятъ работу натурой (Казанск. губ., Спасск. у.); наконецъ встрѣчается различіе въ распредѣленіи дорожныхъ и мостовыхъ работъ: дорожныя раскладываются по участкамъ пропорціонально числу надѣльныхъ душъ, принадлежащихъ каждому домохозяину, а мостовыя исполняются, наоборотъ, сообща, что мотивируется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ,—кто владѣетъ больше землею, тотъ долженъ больше трудиться, а во второмъ — одинаковой нуждой моста для всѣхъ, а также тѣмъ, что даже чаще ѣздить по мосту будутъ тѣ, у кого меньше земли, ибо они скорѣе освободятся отъ домашнихъ работъ (Новгородск. губ., Череповецк. у.).

Подводная повинность существуетъ не повсемѣстно. Общественныя подводы могутъ быть назначаемы какъ по дѣламъ общества, такъ и по предписанію начальства (доставка экстренныхъ пакетовъ, подвозъ заболѣвшихъ въ дорогѣ, рекрутъ, ссыльныхъ) (Орловск. губ., ср. Вологодск. губ. и уѣздъ). Въ Вологодскомъ уѣздѣ эта повинность называется «переправочной» и носитъ самостоятельный характеръ; на нее избираютъ такихъ домохозяевъ, въ домѣ которыхъ есть два-три женатыхъ мужика, на одинъ годъ.

Повинность постойная, хотя и обязательная по закону, мало примѣняется на практикѣ.

Обязательное пополненіе хлѣбомъ продовольственнаго запасного магазина существуетъ въ настоящее время тоже далеко не повсюду, ибо, согласно закону, эта повинность можетъ быть исполняема денежнымъ порядкомъ.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обязательное тушеніе лѣсныхъ пожаровъ въ казенныхъ дачахъ (Орловск.

губ. Карачевск. у.; Вологодск. у.), мѣры противъ вредныхъ насѣкомыхъ (Карачевск. у.); бываютъ и повинности, установленныя самими обществами, напримѣръ: повинность разсылки почты, на которую избираются домохозяева, у которыхъ есть не менѣе двухъ сыновей, и ни одинъ изъ нихъ не былъ на военной службѣ (Вологодскій у.), или даже исполненіе полицейскихъ должностей въ видѣ повинности посредствомъ избранія на должность полицейскаго десятскаго каждаго домохозяина поочередно на годъ (тамъ же). Впрочемъ, данныя о повинностяхъ, установляемыхъ обществами, слишкомъ единичны, чтобы сдѣлать изъ нихъ какіе либо общіе выводы.

Къ натуральнымъ повинностямъ относятся также иногда караулъ мертваго тѣла, производимый домохозяевами по очереди; отстаиваютъ, обыкновенно, не менѣе 6 часовъ. Если становой долго не пріѣзжаетъ, или тѣло нельзя предать землѣ безъ анатомированія, караулъ продолжается до прибытія доктора.

Иногда натуральной повинностью считается «быть палочникомъ во время храмового праздника». Повинность эта заключается въ томъ, что наканунѣ сельскій сходъ избираетъ человѣкъ 6—8 палочниковъ наблюдать за порядкомъ во время гулянья, особенно тамъ, гдѣ много молодежи, чтобы пьяныхъ и буйныхъ забирать и садить въ темную. Не воспрещается палочнику пускать въ ходъ и палку, иначе никакими способами не разнять дерущихся (Новгородск. губ. Череповецк. у.).

Что касается, засимъ, случайныхъ денежныхъ расходовъ, носящихъ характеръ повинностей, то главнымъ изъ нихъ, имѣющимъ нравственно-обязательное значеніе, является, конечно, сборъ денегъ на церковный причтъ. Причтъ совершаетъ обходы крестьянскихъ домовъ въ извѣстные праздники, и крестьяне уплачиваютъ при этихъ посѣщеніяхъ деньгами и продуктами (яйцами, хлѣбомъ, полотенцами и т. д.). Иногда сборы эти считаются, «съ каждой человѣческой души» (Бѣлозерскій уѣздъ). Сборы эти производятся на Рождество, Крещеніе, иногда Великимъ постомъ и на Пасху (Ярославск. губ.).

Другіе случайные платежи — «за мѣстовое», на торговой площади во время ярмарокъ; «за вѣсовое»—за право имѣть свои вѣсы или за взвѣшиваніе продуктовъ на общественныхъ вѣсахъ достигаютъ иногда 10% суммы продаваемаго предмета (единственный отзывъ Ярославск. губ.).

Засимъ, отдѣльно стоятъ уплаты премій по обязательному страхованію отъ огня построекъ и скота отъ эпидемическихъ болѣзней, тамъ, гдѣ оно существуетъ; эта уплата производится по

числу построекъ и головъ скота, принадлежащихъ каждому домохозяину.

Наконецъ, главное значеніе въ крестьянскомъ быту имѣютъ обязательныя денежныя повинности, а именно:

1. Мірскіе сборы на волостныя и сельскія нужды, на содержаніе волостного и сельскаго управленія; церкви—наемъ церковнаго сторожа и церковнаго старосты; школы — ремонтъ школьнаго зданія, отопленіе, освѣщеніе и т. д.

2. Земскій поземельный сборъ.

3. Государственный поземельный налогъ.

4. (Выкупные платежи нынѣ отмѣнены, въ виду манифеста 3 ноября 1905 года).

Общая сумма этихъ сборовъ, по отзывамъ корреспондентовъ, колеблется между 5—10 руб. въ годъ съ каждой души, и по большинству отзывовъ, выкупные платежи составляли 50% и болѣе общей суммы. Но, въ виду единичности этихъ отзывовъ, авторъ лишенъ возможности сдѣлать какіе бы то ни было общіе цифровые выводы.

Раскладка денежныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянахъ, между сельскими обществами производится земскими собраніями. Окладные листы составляются на каждое сельское общество Казенной Палатой (Общ. пол. ст. 243), а между отдѣльными домохозяевами разверстка производится сельскими сходами. Господствующій почти неизмѣнно принципъ, лежащій въ основаніи разверстки, - распредѣленіе повинностей между домохозяевами сообразно количеству земли, находящейся во владѣніи каждаго. Распредѣленіе это производится по ревизскимъ или наличнымъ душамъ, сообразно съ тѣмъ, какимъ порядкомъ разверстана надѣльная земля. Распредѣленіе повинностей не происходитъ одновременно съ разверсткой земли, ибо послѣдняя производится не болѣе одного раза въ 12 лѣтъ; раскладка же повинностей—ежегодно. Въ томъ случаѣ, когда сельское общество пользуется какими-нибудь доходами, они вносятся въ погашеніе расходовъ въ смѣту; а въ раскладку идетъ уже недостающая часть. Нѣкоторые расходы раскладываются, впрочемъ, и на другихъ основаніяхъ. Такъ иногда принимаются въ счетъ плательщиковъ безземельные и отсутствующіе (въ Павловскомъ уѣздѣ Воронежской губ.), или сборъ на содержаніе пожарнаго обоза распредѣляется по числу строеній, по дворамъ, по страховой оцѣнкѣ зданій; или расходы на содержаніе общественнаго быка, наемъ пастуха, или пастбище по числу головъ скота, принадлежащихъ каждому домохозяину (Воронежск. губ.); или расходы на школу по числу дѣтей школьнаго возраста и только между тѣми домохозяевами, у которыхъ есть таковые (Череповецк. у.).

Безземельные крестьяне обыкновенно не привлекаются къ платежу повинностей. Впрочемъ правило это, какъ мы уже выше видѣли, далеко не безусловно. Вотъ еще примѣръ. «Сбору на церковь, въ пользу причта, на устройство и содержаніе школъ эти безземельные подлежатъ наравнѣ съ другими. Разъ они живутъ въ извѣстномъ приходѣ, они и считаются мѣстными прихожанами. «Вѣдь въ нашу церковь ходите, нашему Богу молитесь», говорили крестьяне своимъ безземельнымъ сосѣдямъ, когда тѣ хотѣли уклониться отъ участія въ расходахъ на церковь» (Череповецкій у.).

Упадокъ хозяйства у отдѣльнаго домохозяина никогда не служитъ основаніемъ къ сложенію или уменьшенію причитающихся съ него по разверсткѣ повинностей.

Безплатныхъ участковъ для вдовъ и сиротъ, стариковъ, въ видѣ общаго правила, не отводится. Впрочемъ исключенія возможны. «Въ каждой деревнѣ найдется старикъ или отставной солдатъ, вдова или бобылька, которая землею не владѣетъ. Такимъ безземельнымъ старикамъ и бобылькамъ всегда отводятъ небольшую удворину, усадьбу въ безплатное пользованіе. Даютъ иногда такія удворины даже пришлымъ, случайно пріютившимся въ какой либо деревнѣ» (Череповецк. у.). Такое же указаніе на сиротскіе участки имѣются по Нижегородской губ. (Макарьевск. у.), по Вологодской «бобыльи кельи» (Тотемск. у.).

Относительно времени взысканій законъ говоритъ, что въ теченіе года окладные сборы вносятся въ частные сроки платежа. Число сихъ сроковъ должно быть не менѣе двухъ, причемъ послѣдній срокъ не можетъ быть назначенъ позднѣе 1-го декабря окладного года (Общ. пол. ст. 281). Установленіе частныхъ сроковъ зависитъ отъ сельскаго схода (т. ж. ст. 282) съ утвержденія уѣзднаго съѣзда (ст. 283).

Почти всѣми имѣющимися источниками отмѣчается, что сборы взыскиваются два раза—весною и осенью. Есть указанія, что подати собираются энергично въ мартѣ и апрѣлѣ съ одной стороны и въ октябрѣ, ноябрѣ съ другой, соотвѣтственно періодамъ выручки за пеньку и продажи конопли (Орловск. губ., Кромск. у.). По общему отзыву вообще наиболѣе энергичный сборъ податей производится осенью. Да оно и понятно: осенью у крестьянина, въ виду сбора урожая, и денегъ больше, да и властямъ важно, чтобы годъ закончить по возможности безъ недоимокъ.

Надзоръ за взысканіемъ повинностей лежитъ какъ на общей полиціи (исправникѣ и становыхъ приставахъ), такъ и на финансовой администраціи (податныхъ инспекторахъ) и земскихъ начальникахъ. Самое взысканіе производится сельскими и волост-

нымн должностными лицами (сельскимъ старостой, сборщиками податей, спеціально для сего избранными, и нерѣдко волостнымъ старшиной). Къ старшинѣ обращаются и при безуспѣшности взысканій со стороны сельскихъ властей; осенью, во время энергичнаго взысканія податей, отъ старосты нерѣдко требуются явки въ волостное правленіе по два раза въ мѣсяцъ со взысканными податями. Пріемки денегъ производятся нерѣдко становыми приставами (Череповецк. у.), что неправильно, ибо сдача денегъ должна производиться прямо въ казначейство.

Нормальный порядокъ взысканія податей заключается въ томъ, что старшина или староста созываетъ сельскій сходъ и здѣсь подсчитываетъ, сколько числится за каждымъ домохозяиномъ оклада, и требуетъ уплаты денегъ. Такъ поступаютъ по нѣсколько разъ, доколѣ подати не будутъ уплачены. Другой способъ сбора податей заключается въ обходѣ домохозяевъ старостой совмѣстно со сборщиками податей, гдѣ они есть.

За исправное взысканіе податей отвѣтственными передъ общей администраціей лицами являются волостные старшины, сельскіе старосты и сборщики податей, которые нерѣдко отвѣчаютъ штрафомъ и арестами, назначаемыми въ административномъ порядкѣ. Волостной старшина отвѣчаетъ передъ земскимъ начальникомъ въ порядкѣ ст. 58 Пол. объ установленіяхъ, завѣдывающихъ крестьянскими дѣлами, а старосты, - какъ передъ администраціей, такъ и передъ старшиною, согласно ст. 79 и 104 Общ. пол.

Для взысканія податей, по отзыву источниковъ, приходится часто принимать принудительныя мѣры. Недоборомъ, согласно закону, признается невнесенная въ частный срокъ платежа доля годового оклада государственныхъ и земельныхъ сборовъ (ст. 287 Пол. о кр. изд. 1902 г.). Для взысканія недобора принимаются слѣдующія мѣры: 1) обращеніе на его пополненіе наемной и арендной платы за сданные неисправнымъ домохозяиномъ землю и строенія, равно и другіе доходы съ недвижимаго имущества; 2) наложеніе ареста на заработанную имъ плату и иныя денежныя суммы; 3) опредѣленіе къ неисправному домохозяину опекуна и 4) продажа части принадлежащаго ему движимаго имущества. При описи и продажѣ движимаго имущества аресту не подлежатъ продовольственныя ссуды, страховое вознагражденіе, пенсіи, пожалованныя за раны, воспомоществованіе, назначенное на погребеніе родителей, жены или дѣтей, или по случаю пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ, а также и трехрублевое пособіе, выдаваемое изъ казны нижнимъ воинскимъ чинамъ и ратникамъ ополченія (ст. 291). Продажѣ также не подлежитъ слѣдующее принадлежащее недоим-

щику имущество: 1) иконы и другіе богослужебные предметы и книги; 2) знаки отличія и почетные кафтаны; 3) ежедневная одежда и совершенно необходимая домашняя утварь; 4) хлѣбъ и овощи, необходимые для продовольствія семьи въ теченіе 3 мѣсяцевъ; 5) одна корова, а въ мѣстностяхъ, гдѣ въ крестьянскомъ обиходѣ коровы замѣняются козами и овцами, двѣ козы или овцы и необходимый для этого скота кормъ; 6) топливо на трехмѣсячное отопленіе жилья семьи; 7) земледѣльческія и промысловыя орудія, безусловно необходимыя для поддержанія хозяйства на надѣльной землѣ, а также соотвѣтственное количество рабочаго скота и необходимый для этого скота кормъ и 8) сѣмена, въ количествѣ, необходимомъ для посѣва на надѣльной землѣ (ст. 295). Министру финансовъ по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи предоставляется восполнять, въ виду мѣстныхъ особенностей, содержащійся въ означенной статьѣ перечень другими предметами крестьянскаго имущества, на основаніи представленія о томъ губернскаго присутствія (ст. 296). Продажа имущества совершается не ранѣе утвержденія земскимъ начальникомъ описи и оцѣнки его, а самая опись составляется сельскимъ старостой и сборщикомъ податей при участіи двухъ свидѣтелей и съ извѣщеніемъ домохозяина (ст. 297 и 298).

Всѣ изложенныя законоположенія примѣняются на практикѣ, согласно всѣмъ имѣющимся источникамъ, безъ какихъ бы то ни было характерныхъ особенностей. Въ видѣ общаго правила необходимо констатировать, что продажи производятся сравнительно очень рѣдко; опись сама по себѣ есть уже достаточная угроза, влекущая за собою скорую уплату. Но кромѣ того торги производятся рѣдко съ успѣхомъ. Причиною тому является съ одной стороны нежеланіе покупщиковъ возбудить противъ себя недоимщиковъ, иногда стачки скупщиковъ между собой ради пріобрѣтенія вещей за безцѣнокъ; но бываетъ и такъ, что недоимщики подбираютъ себѣ изъ среды своихъ же односельчанъ подставныхъ покупателей, которымъ и продается съ торга вещь за ту сумму, какая нужна для пополненія недобора.

Другія мѣры, указанныя въ ст. 290 Общ. Пол., по общему отзыву источниковъ, почти совсѣмъ не примѣняются. Равнымъ образомъ не примѣнялась нынѣ отмѣненная закономъ отдача недоимщика, по приговору сельскаго схода, въ посторонніе заработки, какъ мѣра явно не достигающая цѣли (напр. Орловск. губ. Карачевскій у.). Зато примѣняются нерѣдко другія мѣры, не предусмотрѣнныя вовсе спеціальнымъ закономъ о порядкѣ взысканія податей, а общія административно-судебныя, а именно: арестъ не-

исправнаго домохозяина по распоряженію сельскаго старосты или волостного старшины въ административномъ порядкѣ (согласно ст. 79 и 104 Общ. пол. о кр.), при томъ по нѣсколько разъ, и даже преданіе волостному суду по статьѣ о мотовствѣ и пьянствѣ, влекущимъ за собой разстройство хозяйства (ст. 127 п. 3 Общ. пол. изд. 1902 года), по которой волостной судъ могъ приговаривать, до манифеста 11 августа 1904 года, даже къ розгамъ. Статья эта указомъ 5 октября 1906 года отмѣнена. Нерѣдко примѣняется также отказъ въ выдачѣ паспорта крестьянину до уплаты податей или части оныхъ. Привожу засимъ характерный разсказъ о пропитіи сходомъ пива неисправнаго домохозяина за его недоборъ. «Въ деревнѣ Куншинѣ, Дмитровской волости, года три назадъ всѣ крестьяне уплатили къ сроку опредѣленную часть податей, кромѣ двоихъ. Сосѣди ихъ на сходѣ ругали, а всетаки не могли ихъ заставить внести слѣдуемыя съ нихъ деньги. Подходитъ мѣстный праздникъ, Михайловъ день, всѣ жители деревни, въ томъ числѣ и тѣ двое стали варить пиво. Двое неисправныхъ вынули горшки съ солодомъ изъ печки, спѣдили сусло и пустили его на ходъ. Вдругъ являются мужики во главѣ со старостой и арестуютъ ихъ. «Подати не платите, а пиво варить затѣваете»,—говоритъ имъ староста,— «уноси, ребята, пиво, пусть у меня доходитъ. Выпьемъ свое, на похмельку и это пригодится. Разопьемъ міромъ, а деньги внесемъ за нихъ, такъ и быть. А то я торговать арестованнымъ пивомъ буду, 5 коп. бутылку пущу. Выручимъ на недоимку». Какъ ни упрашивали недоимщики, а пиво отъ нихъ всетаки отобрали. «Принесите оброкъ, говоритъ староста, тогда и убирайте пиво». Черезъ два часа деньги были принесены и пиво возвращено на прежнее мѣсто дохаживать. Въ другой деревнѣ передъ мѣстнымъ же праздникомъ у одного недоимщика арестовали ½ ведра водки, которую тотъ купилъ и несъ домой. Къ аресту пива передъ мѣстнымъ праздникомъ прибѣгаетъ иногда и полиція (Новгородск. губ., Череповецк. у.). Необходимо, однако, отмѣтить, что имѣющіеся у автора матеріалы, къ сожалѣнію, относятся ко времени, когда еще не была отмѣнена круговая порука, и потому въ значительной долѣ они утратили значеніе современности. Такъ, всѣ вышеуказанныя мѣры описываются въ источникахъ, какъ зависящія отъ распоряженія сельскихъ сходовъ. Въ настоящее же время, въ виду отмѣны круговой поруки, онѣ принимаются сельскими должностными лицами самостоятельно (ст. 288 Общ. пол.). Точно также описанныя въ матеріалахъ и примѣняющіяся весьма нерѣдко на практикѣ сдачи въ аренду соразмѣрной недобору части полевой земли неисправнаго домохозяина, отобранія у него частей отве-

денныхъ ему полевыхъ угодій или даже всего его полевого надѣла и продажа принадлежащихъ ему строеній, не составляющихъ необходимости въ его хозяйствѣ, относились, согласно ст. 304 Общ. пол., только къ тѣмъ селеніямъ, гдѣ примѣнялась круговая порука, а потому нынѣ утратили свое значеніе.

Недоимкою, въ отличіе отъ обыкновеннаго недобора, почитается недоборъ, не уплаченный къ 1 февраля слѣдующаго за окладнымъ года (ст. 311 Общ. пол.). Мѣры же пополненія недоимокъ, при существованіи круговой поруки, сводились къ продажѣ движимости, къ принудительной сдачѣ въ аренду земли недоимщиковъ, если она не обрабатывалась, и, наконецъ, къ раскладкѣ недоимки между остальными домохозяевами (круговой порукѣ). По отзыву источниковъ, круговая порука примѣнялась вообще рѣдко. Въ виду отмѣны ея въ законодательномъ порядкѣ, отдѣльныя описанія примѣненія круговой поруки утратили интересъ и потому авторомъ не приводятся. Съ отмѣной круговой поруки въ настоящее время дѣйствуетъ слѣдующій порядокъ взысканія недоимокъ. Волостной старшина обязанъ не позже семи дней послѣ 1 февраля сообщить податному инспектору списокъ недоимщиковъ, съ указаніемъ принятыхъ имъ для пополненія недоимки мѣръ. Если податной инспекторъ признаетъ эти мѣры недостаточными, онъ входитъ въ уѣздный съѣздъ съ представленіемъ о сдачѣ полевой земли недоимщиковъ въ аренду для обязательной уплаты за нихъ какъ оклада настоящаго года, такъ и всей недоимки. Если сельское общество, къ которому принадлежатъ неисправные домозяева, откажется снять ихъ землю въ аренду, она сдается въ аренду съ торговъ, по постановленію уѣзднаго съѣзда, на срокъ не свыше 6 лѣтъ. (Общ. пол., ст. 327—331).

Что касается величины недоимокъ, числящихся на крестьянахъ, то тѣ изъ источниковъ, которые затрогиваютъ этотъ вопросъ, отмѣчаютъ за послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка рѣзкое ихъ повышеніе (напримѣръ съ 30—50% оклада на 142%, 161%, 171% и 235%—въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губерніи, до 130—315% оклада въ Симбирской, до 152—330% въ Тамбовской, до 142—186%, а по нѣкоторымъ татарскимъ обществамъ до 433% въ Пензенской и до 337% въ Саратовской). Явленіе это объясняется недостаточностью количества или недостаточно высокимъ качествомъ надѣловъ, плохою обработкою (особенно у татаръ), высотою обложенія, крайнею неправильностью и запутанностью податного счетоводства, несвоевременнымъ и неправильнымъ взысканіемъ повинностей, неурожаями и временными бѣдствіями и т. д. (Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Саратовская губерніи).

§ 17. Воинская повинность.

Отбываніе воинской повинности русскимъ крестьяниномъ не отличается какими либо характерными особенностями.

Списки призываемыхъ составляются на основаніи посемейныхъ списковъ и метрическихъ справокъ волостными правленіями, и затѣмъ провѣряются старшинами на сельскихъ сходахъ. Далѣе слѣдуетъ предварительная повѣрка призывныхъ списковъ, при участіи волостныхъ старшинъ и писарей, уѣзднымъ по воинской повинности присутствіемъ. По окончаніи этой повѣрки волостныя правленія извѣщаютъ жителей каждаго селенія о томъ, кто изъ призываемыхъ пользуется льготой перваго разряда и имѣетъ право не являться къ вынутію жеребья, и кто обязанъ явиться въ присутствіе. Въ назначенные заранѣе дни производится присутствіемъ пріемъ новобранцевъ —окончательная провѣрка призывныхъ списковъ, вынутіе жеребья и освидѣтельствованіе и пріемъ новобранцевъ.

Общія характерныя черты самаго отношенія населенія къ добыванію воинской повинности слѣдующія: тяжесть самой повинности считается въ различныхъ мѣстахъ большей или меньшей въ зависимости отъ общихъ условій, вліяющихъ на благосостояніе населенія. Нельзя вообще сказать, чтобы воинская повинность признавалась крестьянами особенно трудною. Тѣмъ не менѣе, тяжесть разлуки съ сыномъ или мужемъ и ущербъ въ хозяйствѣ отъ ухода лишняго работника чувствительны для крестьянина. Трудность предстоящей парню службы настолько принимается въ расчетъ, что еще задолго до призыва его щадятъ, даютъ ему меньшую или болѣе легкую работу. Недѣли за двѣ до призыва начинаются кутежи и попойки будущихъ новобранцевъ. На этотъ разгулъ народъ смотритъ очень снисходительно: даже дѣвушки прощаютъ „рекрутамъ“ ихъ шалости. Проводы молодого солдата носятъ торжественный характеръ. Они производятся два раза: первый — передъ уходомъ новобранца въ присутствіе на пріемъ, и второй, — окончательные проводы уже принятаго новобранца при уходѣ его на службу. Проводы эти сопровождаются угощеніемъ— обыкновенно наиболѣе роскошнымъ для крестьянскаго быта, затѣмъ плачемъ и причитаніемъ женщинъ, и, наконецъ, благословеніемъ уходящаго. Большею частью новобранцы отъ каждаго села составляютъ при уходѣ вмѣстѣ одну процессію, въ которой участвуютъ на протяженіи части пути близкіе родственники отправляющихся въ дорогу.

При возвращеніи солдата со службы въ деревню большею частью такъ же, какъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ жизни

крестьянина, происходитъ попойка, а односельчане съ живымъ интересомъ идутъ на смотрины вернувшагося солдата, съ гордостью описывающаго то, что ему пришлось важнаго исполнить или увидать во время служенія Царю и родинѣ. Бывшіе солдаты желаютъ показать односельчанамъ, что они важнѣе и лучше другихъ, франтятъ, не желаютъ приниматься за обыкновенную мужицкую работу. Нѣкоторые скоро привыкаютъ, однако, къ прежней деревенской жизни и уже не отличаются отъ другихъ крестьянъ. Другіе, наоборотъ, уходятъ на городскую службу, или на отхожіе заработки, или, наконецъ, остаются добровольно на вольной службѣ. Многое въ этихъ случаяхъ зависитъ отъ семейныхъ условій, въ которыхъ находится вернувшійся со службы. Громадное значеніе для тѣхъ, кто ушелъ на службу женатымъ, имѣетъ то, сохранила ли жена супружескую вѣрность во время его отсутствія. Нерѣдко бываетъ, что жена измѣняетъ солдату-мужу и даже имѣетъ незаконныхъ дѣтей. Есть мужья, которые переживаютъ горе и мирятся съ тѣмъ, что случилось, есть же и такіе, которые покидаютъ домъ и деревню, не будучи въ силахъ жить въ подобной обстановкѣ.

Привожу характерное описаніе проводовъ рекрута и возвращенія его со службы.

«Сданный рекрутъ подъѣзжаетъ къ дому, а тамъ уже успѣли узнать про его судьбу. На улицѣ встрѣчаетъ его со слезами и причитаніями мать, сестры, а въ особенности молодая жена. Тогда сцена встрѣчи рекрута бываетъ поистинѣ весьма тяжелая, такъ что у всѣхъ постороннихъ присутствующихъ сосѣдей, которые въ это время непремѣнно сбѣгаются, невольно навертываются на глаза слезы, всѣ признаютъ положеніе молодой жены весьма тягостнымъ и безотраднымъ въ будущемъ, особенно, если остаются еще маленькія дѣти. Со дня принятія на службу до отправки въ уѣздный городъ проходитъ около трехъ недѣль. Рекрутъ въ это время является уже въ семьѣ не работникомъ, а гостемъ. За нимъ всѣ члены семьи ухаживаютъ, каждое его желаніе стараются исполнить, кормятъ лучше обыкновеннаго. Рекруты занимаются трудомъ только ради скуки, а всѣ вечера со своими товарищами гуляютъ, съ гармоникой въ рукахъ, другъ у дружки гостятся, посѣщаютъ посѣдки дѣвицъ, гдѣ шутятъ, пляшутъ и поютъ пѣсни. Родственники, проживающіе въ другихъ деревняхъ, приготовляютъ для рекрута угощеніе, на которое приглашаютъ его вмѣстѣ съ близкими товарищами. Къ этому дню непремѣнно покупается водка и варится пиво. Рекрута ѣздятъ по гостямъ съ колокольчиками и по возможности очень быстро, нисколько не жалѣя своихъ тощихъ лошадей.

Мать и сестры въ это время приготовляютъ необходимое количество бѣлья, пекутъ на дорогу пироги и сушатъ ихъ на сухари. Послѣдніе два дня рекрутъ отлучается изъ дому меньше и проводитъ время въ кругу родной семьи. Къ дню отъѣзда покупается бутылочками водка, варится изъ домашняго солода пиво, созывается вся близкая родня и сверстники рекрута. Въ этотъ день всѣ собравшіеся гости угощаются обѣдомъ и выпивкой, а затѣмъ наступаетъ часъ прощанія. Прежде всего онъ прощается съ матерью, цѣлуя ее нѣсколько разъ въ губы; мать разстраивается, обхватываетъ сына руками за шею, прижимаетъ къ себѣ и начинаетъ горько плакать и причитывать сыну совѣты, какъ нужно жить на чужой сторонушкѣ. Но такъ какъ время дорого, то присутствующіе родственники разлучаютъ мать отъ сына, и она часто въ истерикѣ падаетъ на полъ; пришедшія сосѣдки начинаютъ за ней ухаживать. Прощаніе съ отцомъ, братьями, сестрами и другими собравшимися родственниками ограничивается нѣсколькими поцѣлуями и привѣтствіями. Отецъ и мать берутъ съ божницы икону и благословляютъ ею сына. На дорогу и на самые необходимые расходы вручается отцомъ отъ 5 до 10 рублей, смотря по состоянію семейства, и при этомъ дается обѣщаніе, что когда деньги будутъ крайне нужны, пусть пишетъ, и они по возможности пошлютъ. Лошадь уже стоитъ у крыльца, а въ саняхъ все уложено. Наскоро рекрутъ прощается вторично и, сопровождаемый всѣми присутствующими въ избѣ, выходитъ и садится въ сани. Его сопровождаетъ до города братъ или отецъ. Для рекрута особенно тяжела эта минута, онъ хотя и крѣпится, но по лицу текутъ обильныя слезы. Толпа даетъ дорогу и рекрутъ уѣзжаетъ, сопровождаемый привѣтственными криками. Общеніе родителей съ сыномъ происходитъ посредствомъ писемъ. На каждое письмо сына родители считаютъ непремѣннымъ долгомъ отвѣтить, а иногда изъ послѣдняго сколачиваютъ и посылаютъ нѣсколько рубликовъ. Солдатскія письма всегда бываютъ переполнены поклонами и просьбой родительскаго благословенія, отъ котораго «на водѣ не потонешь и на огнѣ не сгоришь». Срокъ солдатской службы кончается, и родители съ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія сынка. Вдругъ совершенно нечаянно сынъ возвращается пѣшечкомъ, съ котомочкою за плечами, но уже совершенно не такимъ, какимъ его проводили: на видъ возмужалый, походка и манеры ловкія, быстрыя, тѣло бѣлое, волосы на головѣ тщательно острижены, выговоръ болѣе правильный. Одѣтъ въ военную одежду, которая плотно обтягиваетъ его тѣло и производитъ пріятное впечатлѣніе. Первымъ долгомъ, конечно, бросается къ сыну мать, съ поцѣлуями,

слезами и крикомъ изливаетъ передъ нимъ свою материнскую радость, затѣмъ здороваются всѣ члены семьи, сбѣгается также чуть не вся деревня посмотрѣть на молодого солдата. Въ домѣ появляется суета: кто ставитъ самоваръ, кто готовитъ закуску, кто изъявляетъ желаніе затопить баню. Когда первое впечатлѣніе робости пройдетъ, начинаются разспросы, каково жилось, вся ли благополучно прошла дорога, кто съ нимъ вернулся и кого еще можно ожидать и т. д. Солдатъ охотно отвѣчаетъ на всѣ вопросы и самъ добровольно разсказываетъ слушателямъ про солдатское житье-бытье, про губерніи и города, гдѣ ему пришлось пожить или быть проѣздомъ. Въ своихъ разсказахъ частенько сообщаетъ такіе факты изъ собственной жизни и своихъ товарищей, которыхъ никогда ни съ кѣмъ не случалось. Народъ всему вѣритъ и дивится. Съ полгода времени солдатикъ сохраняетъ свой военный обликъ и рѣзко отличается отъ сѣрой деревенской толпы, но потомъ мало-по-малу принимается за черную крестьянскую работу, одѣвается въ широкое мужицкое платье, отращиваетъ волосы и бороду, загрязняется, а потомъ женится и становится такимъ же мужичкомъ-сѣрячкомъ, какъ и окружающіе сосѣди. Изрѣдка случается, что солдатъ возвращается на родину богатымъ, т. е. приноситъ съ собою нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ рублей, большой запасъ верхняго платья, бѣлья, обуви, предметовъ роскоши, при часахъ. Солдатъ начинаетъ въ деревнѣ форсить, выставляетъ всѣмъ на видъ свое богатство. Народъ въ этихъ случаяхъ очень догадливъ, онъ начинаетъ подозрительно смотрѣть на солдата и въ способѣ наживы богатства видитъ нечистое дѣло. Народъ правъ. Оказывается, что солдатъ познакомился довольно близко съ дѣвицей прислугой, наговорилъ ей про домашнее житье золотыя горы и далъ обѣщаніе на ней жениться и увезти на родину. Бѣдная дѣвушка всему этому вѣрила и трудами скопленныя денежки и свое жалованье довѣрчиво отдавала своему возлюбленному. Срокъ службы солдата кончился. Онъ деньги и имущество увозитъ съ собой, а несчастную жертву оставляетъ на произволъ судьбы. Такъ въ настоящій годъ явился солдатъ, онъ женатъ еще до призыва на военную службу. Жена жила при отцѣ. Онъ явился и привезъ перину, подушки, одѣяло и даже женскія платья, а все это имъ захвачено обманомъ. Другіе источники солдатской наживы случайные» (Новгородск. губ., Бѣлозерскій у.).

Вотъ другое описаніе: «Передъ отъѣздомъ, когда уже станутъ запрягать лошадь (подъ гожихъ повозка на своихъ лошадяхъ), къ хатѣ собирается масса празднаго народа, одни съ цѣлью полюбоваться проводами, другіе — потолковать. Собираются преимущественно

бабы и дѣвки. Наконецъ увязана сумочка, въ которую кладется все нужное для новобранца (рубахъ кладется отъ 4-хъ до 6-ти, столько же штановъ, нѣсколько полотенецъ и клоковъ холста на онучи, образокъ, гребешокъ). Сумка выносится на подводу. Всѣ родные присаживаются и просятъ всѣхъ отойти отъ печки, дабы не печальная жизнь была рекрута. Немного посидѣвъ, встаютъ и молются Богу, мать оретъ на всю избу, ей подтягиваютъ тетки, сестра и жена рекрута. Отецъ беретъ икону—благословляетъ. Сынъ кладетъ земной поклонъ, цѣлуя икону, потомъ отца. Икона передается матери, которая тоже благословляетъ. Икону отдаютъ кому либо изъ стоящихъ, мать обнимаетъ сына и причитаетъ: «Работничекъ мой, сыночекъ, тебя уводятъ. Придешь ты, мой желаненькій, а я ужъ буду лежать у могилушки. Приди, мой соколъ ясный, поколонись моимъ косточкамъ». Долго стоятъ они, обнявшись, и плачутъ. Ну старуха, будетъ тебѣ, отпускай, незымъ съ другими распрощается, время ѣхать, —вставляетъ старикъ.—«Незымъ выголосится», отвѣчаютъ сосѣдки. Распростившись съ матерью, прощается съ сестрами, тетками, дядями и затѣмъ съ женой, тоже, цѣлуясь: «Ну—мотри жъ, Акулька, слухайся родителей, да со двора-то не уходи. А коли у разгулъ пустишься, и на глаза толи не приму». Жена, молча, цѣлуетъ.—А вы, родные батюшка и матушка, не обижайте мою Акульку, говоритъ онъ, отвѣшивая низкій поклонъ въ сторону родителей.—Ты ей прикажи, штобъ она была послушна, а мы што табя жаловать будемъ, мое дитятко.—Еще разъ цѣлуется и выходитъ на улицу. Отецъ садится на лошадь и трогаетъ. Гости, вся родня и толпа праздныхъ отправляются пѣшкомъ вслѣдъ за лошадью. Доѣхавъ до слѣдующаго двора, въ которомъ еще рекрутъ, останавливаются. Рекрутъ заходитъ къ рекруту и угощаются вмѣстѣ. Затѣмъ его толпа присоединяется къ образовавшейся раньше и всѣ вмѣстѣ трогаются дальше. То же самое продѣлываетъ чуть ли не половина всего села, бабъ и дѣвокъ. Плачъ въ-причетъ сливается въ какой-то гулъ. Причитаютъ и жены, судачатъ и сосѣдки: ей хоть глаза коли, ни одной слезы не проронитъ. Подойдя къ церкви всѣ останавливаются, молятся и снова продолжаютъ путь. Пройдя съ полверсты, останавливаются и начинаютъ прощаться, при чемъ рекрутовъ цѣлуютъ всѣ родные и односельчане. Вой увеличивается. Особенно сильно голосятъ матери. Сами же рекруты—иные поютъ, которые подъ хмелькомъ, а иные плачутъ (Орловск. губ., Карачевск. у.).

Привожу еще примѣръ франтовства возвратившагося со службы солдата.

«Нерѣдко, только что возвратившійся со службы солдатъ относится къ остальнымъ, не исключая и своихъ семейныхъ, свысока, называя ихъ за глаза, а иногда и въ глаза, неучами, мужичьемъ и самымъ обиднымъ прозвищемъ на солдатскомъ языкѣ—мужланъ сиволапый. Одинъ гусаръ, пришедшій домой и долго щеголявшій въ своемъ красивомъ мундирѣ, такъ за недѣлю надоѣлъ своимъ высокомѣріемъ, что его за это отколотили деревенскія ребята.—«Такъ ему и надо—говорилъ его родной братъ,—а то вишь голову задираетъ, шестомъ до носу не достанешь». Парни и мужики, хоть и сиволапые мужланы, а въ долгу не любятъ оставаться и они шлютъ по адресу солдата обидныя для него прозвища: «крупоѣдъ», «вшивая команда»:—Ахъ, ты, крупоѣдъ, ты только и дѣлалъ, что изъ-подъ пушекъ гонялъ лягушекъ. Ты, говорятъ ему, блохъ гонялъ, со вшами воевалъ, а съ клопами миръ заключалъ.—Видитъ солдатъ, что всѣмъ успѣлъ показать свой мундиръ, передъ всѣми порисовался, и что дальнѣйшее его положеніе въ качествѣ солдата, или, какъ смѣются мужики, отставной козы барабанщика, или «пришей кобылѣ хвостъ», кромѣ непріятностей, ему ничего не принесетъ, онъ снимаетъ свой мундиръ и надѣваетъ платье сиволапыхъ» (Новгородск. губ., Череповецк. у.).

Что касается уклоненія отъ воинской повинности, то обычная тактика нежелающихъ быть принятыми на службу—стараніе ввести въ заблужденіе воинское присутствіе и симуляція болѣзней. Такое уклоненіе—явленіе сравнительно частое. Членовредительство же съ цѣлью сдѣлать себя негоднымъ къ службѣ бываетъ очень рѣдко. Болѣе часто замѣчается употребленіе разныхъ средствъ противъ расширенія грудной клѣтки и другихъ, имѣющихъ цѣлью противодѣйствовать общему усиленію организма, съ цѣлью избавиться отъ службы. Наконецъ, бываютъ случаи умышленнаго совершенія проступковъ (напр. кражи), влекущихъ за собою лишеніе правъ и тѣмъ освобождающихъ отъ военной службы согласно ст. 13 Устава (Нижегородск. губ.).

Народъ относится къ уклоняющимся отъ воинской повинности и тѣмъ болѣе къ членовредителямъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ съ презрѣніемъ и враждою, хотя обыкновенно и не доноситъ начальству на виновныхъ. Называютъ ихъ обыкновенно: «самотратцами», «цареотступниками», «царская негодь», «негодный Царю и Богу», «антихристами», «алашной вѣры», «бусурманами» (Вятск. губ., Орловск. у.; Орловск. губ. и уѣздъ).

Единственное имѣющееся у автора описаніе характерныхъ случаевъ уклоненія отъ воинской повинности приводится цѣликомъ.

«Крестьяне съ негодованіемъ относятся къ уклоняющимся отъ воинской повинности.

Членовредительство отходитъ въ область преданій вмѣстѣ съ такъ называемыми «рекрутскими квитанціями». По понятіямъ народнымъ, Богъ наказываетъ жестоко уклоняющихся отъ «солдатчины», а членовредителей преслѣдуетъ, отнимая у нихъ здоровье и разумъ.

У крестьянъ въ памяти, какъ освобожденный отъ «солдатчины» сынъ богатаго крестьянина при посредствѣ рекрутской квитанціи, стоющей семьѣ добрую половину ея состоянія, спился, промоталъ все состояніе отца и умеръ въ нищетѣ.

Другой крестьянинъ, желая освободиться отъ военной службы, пилъ уксусъ. Избавившись отъ службы, онъ вскорѣ умеръ отъ горловой чахотки.

Третій положилъ сулему въ ухо, ему искривило лицо и онъ навсегда остался калѣкой.

Во всемъ этомъ крестьяне видятъ наказаніе Божіе.

Слышалъ, что когда-то крестьяне отрубали указательные пальцы правой руки; растравляли чеснокомъ раны на ногахъ, которыя походили на раны сифилиса; сильно постились, не ѣли чернаго хлѣба, а только бѣлый, пили чернила, ѣли мѣлъ и лимоны, разстраивая себѣ этимъ здоровье, вызывая анемію, и не подозрѣвая, что уменьшить размѣръ грудной клѣтки они не въ состояніи.

Часто разыгрывали роль глухихъ, близорукихъ, хромыхъ, сухорукихъ, косноязычныхъ и страдающихъ падучей болѣзнью. Часто имъ это не удавалось, или, боясь какихъ либо операцій, они уже наканунѣ самой операціи сознавались въ притворствѣ.

Случалось врачамъ наблюдать прободеніе ушной перепонки. Конечно, крестьянинъ оставался глухимъ на одно ухо на всю жизнь, но тѣмъ не менѣе освобождался отъ военной службы.

Мнѣ разсказывалъ одинъ военный врачъ, что у одного новобранца были на ногахъ раны. Несмотря на правильный уходъ и перевязки по два и болѣе раза въ день, раны не заживали. Это навело врача на мысль, что онъ имѣетъ дѣло съ симулянтомъ. Врачъ сталъ печатать именной печатью перевязки, но и это не помогло. Тогда онъ употребилъ хитрость, сказавъ больному, что, если раны не заживутъ въ недѣлю, то онъ предастъ его суду за членовредительство. Угроза подѣйствовала и раны зажили. Опредѣлить, чѣмъ растравлялись раны, было невозможно, ибо средство это не оставляло по себѣ ни цвѣта, ни запаха.

Тотъ же самый врачъ говорилъ мнѣ, что ему приходилось наблюдать притворную падучую болѣзнь. Болѣзнь новобранца была такъ хорошо разыграна, что ввела въ заблужденіе многихъ врачей. Корча, судороги, пѣна изо рта и расширеніе зрачковъ, однимъ словомъ, всѣ главные признаки падучей болѣзни наводили на мысль о несомнѣнномъ существованіи болѣзни. Только впослѣдствіи оказалось, что это былъ хорошій актеръ, пускавшій себѣ въ глаза атропинъ; чѣмъ вызывалъ онъ пѣну изо рта —осталось неизвѣстнымъ.

Несообразительность крестьянъ часто помогаетъ врачамъ открывать притворство ихъ.

Вотъ три случая, которые я наблюдалъ лично самъ. Новобранецъ притворился глухимъ на одно ухо. Врачъ приставилъ къ его головѣ камертонъ, опросивъ, которымъ ухомъ онъ больше слышитъ звукъ камертона. Новобранецъ, конечно, сказалъ, что здоровымъ ухомъ онъ слышитъ звукъ лучше, чѣмъ больнымъ. Этого достаточно, чтобы признать его годнымъ къ военной службѣ. Оказалось, что дѣйствительно глухіе на одно ухо должны сильнѣе ощущать звукъ камертона, приставленнаго къ головѣ, именно въ больномъ ухѣ.

Другой новобранецъ притворился сильно близорукимъ. Съ помощью перемѣнъ извѣстныхъ стеколъ и шрифтовъ врачу удалось открыть обманъ, такъ какъ притворившійся близорукимъ новобранецъ говорилъ какъ разъ противоположное тому, что долженъ былъ видѣть на самомъ дѣлѣ, если бы былъ близорукимъ.

Третій обманъ былъ такъ просто открытъ, что вызвалъ горькую улыбку даже у самого новобранца. Всѣ прочіе, какъ говорятъ крестьяне, остались безъ животиковъ.

Крестьянинъ новобранецъ притворился глухимъ и, страшно крича, отвѣчалъ на вопросы врача. Предсѣдатель присутствія карачевскій предводитель дворянства С. В. Блохинъ сталъ у него спрашивать о составѣ его семьи, тоже сильно крича; понижая постепенно голосъ, онъ дошелъ до обыкнованнаго разговорнаго размѣра голоса, спросивъ: «А изъ какой ты деревни?»

— Изъ Рясника,—крикнулъ новобранецъ во все горло.

— Годенъ въ строй, сказалъ предводитель.

— Годенъ въ строй, какъ эхо повторили унтеръ-офицеры. Новобранецъ, какъ говорятъ крестьяне, «опѣшилъ», сразу не понявъ, въ чемъ дѣло. Общій хохотъ заставилъ его очнуться. Онъ какъ-то печально улыбнулся и безнадежно махнулъ рукой, какъ бы говоря:

— «Пропалъ за непонюхъ табаку».

Насколько для нѣкоторыхъ тяжела военная служба, или даже просто невыносима, можно судить по слѣдующему случаю, который произошелъ въ Орлѣ осенью 1897 года.

Былъ пойманъ дезертиръ какого-то полка въ какой-то кражѣ, совершенной для пропитанія себя. Боязнь, что онъ снова будетъ водворенъ въ полкъ, была такъ сильна, что онъ по дорогѣ въ часть перочиннымъ ножикомъ выкололъ себѣ оба глаза. Даже доктора—и тѣ содрогнулись при видѣ вытекшихъ глазъ. Онъ объяснилъ, что это не боязнь наказанія за дезертирство, а нежеланіе служить солдатомъ» (корресп. «Орловскаго Вѣстника»).

§ 18. Военно-конская повинность.

Военно-конская повинность сводилась, до Японской войны, только къ переписямъ лошадей и періодическимъ осмотрамъ ихъ по участкамъ. Здѣсь первоначально ихъ осматриваетъ избранный земскимъ собраніемъ завѣдующій военно-конскимъ участкомъ, опредѣляя, какія лошади должны подлежать дальнѣйшему освидѣтельствованію. Послѣднее же производится уже спеціально командированными представителями военнаго вѣдомства, распредѣляющими лошадей на разряды. По общимъ отзывамъ, крестьяне водятъ лошадей на осмотры охотно, ибо лошади, признанныя годными для высшаго разряда, тѣмъ самымъ поднимаются въ цѣнѣ. Привожу описаніе освидѣтельствованія лошадей.

«Осмотръ лошадей въ Уломскомъ военно-конскомъ участкѣ производится черезъ 4 года. Осматриваются лошади со всей волости при волостномъ правленіи. Для этого пріѣзжаетъ офицеръ артиллеристъ, завѣдующій коннымъ участкомъ, кто нибудь изъ почетныхъ мѣстныхъ жителей, выбранный земскимъ собраніемъ, и становой приставъ. Въ назначенный день всѣ крестьяне волости ведутъ на пунктъ своихъ клячъ. Это для нихъ своего рода праздникъ, на которомъ хотя водки и не пьютъ, но тѣмъ не менѣе бываетъ весело. Смѣхъ, шутки, остроты такъ и сыплются. На улицѣ за столомъ у зданія волостного правленія сидитъ комиссія. Офицеръ называетъ имя и фамилію крестьянина и говоритъ: «Алексѣй Симанковъ, твою лошадь». Въ толпѣ раздается голосъ: «Берегись, стоячу». И Симанковъ, дергая подъ уздцы свою замореную клячу, изъ всѣхъ силъ тянетъ ее къ столу.—«Она, ваше благородіе, господъ-то отродясь не видала, потому не смѣетъ». Въ публикѣ смѣхъ, смѣются и господа.—«Сколько ей лѣтъ?—спрашиваетъ офицеръ.

«Не много, ваше благородіе, пять лѣтъ тому назадъ ей только за десятокъ перевалило, лошадь еще совсѣмъ молодая, только съ тѣла немного спала». Въ толпѣ хохотъ. Офицеръ прикидываетъ мѣркой ростъ лошади и дѣлаетъ помѣтку въ спискѣ.—«Куда записалъ моего конька, ваше благородіе?»—«Навозъ тебѣ возить»,—смѣется тотъ.—«Ну, слава Богу»,—говоритъ Симанковъ, «а я подумывалъ, какъ бы не отобрали подъ генерала верхомъ ѣздить».—У слѣдующаго крестьянина порядочная лошадь, но кобыла. «Кобылъ-то вѣдь не берутъ въ солдаты, ваше благородіе?» говоритъ хозяинъ.—«Берутъ, братецъ, берутъ,—говоритъ офицеръ,—коли погодится», и сталъ прикидывать ея ростъ.—«А если берутъ, ваше благородіе, то нельзя ли ее записать подъ верхомъ ѣздить: добрѣющая лошадь». Крестьяне знаютъ, что цѣна лошадямъ на случай мобилизаціи разная. Годится лошадь подъ обозъ, ей цѣна одна, въ артиллеріи другая,—дороже; верховыя лошади для кавалеріи еще дороже, а потому мужики, хотя и понимаютъ, что изо всѣхъ крестьянскихъ лошадей не найдется ни одной лошади, годной въ кавалерію, все-таки, шутки ради, просятъ записать ихъ меренковъ и кобылокъ подъ верхомъ ѣздить. Подводятъ сытую купеческую лошадь. «Эта не годится — куда ее»,—раздаются голоса.—«Какъ не годится?» спрашиваетъ завѣдывающій коннымъ участкомъ, не понимая шутки. «Жирна больно»,—говоритъ близъ стоящій мужикъ,—«развѣ надо такихъ лошадей на войну? —придется утекать отъ непріятеля, далеко ли на ней ускачешь: она на первой верстѣ запрѣетъ и не пойдетъ дальше. Вотъ и готовъ: сѣдока убьютъ, а лошадь въ плѣнъ возьмутъ. Воду возить—ну, еще куда ни шло, а больше ни на какое дѣло ее употребить нельзя». Слѣдующій ведетъ хромую лошадь. «Вотъ лошадь, такъ лошадь», нахваливаетъ хозяинъ,—«цѣны нѣтъ: не кусается, не лягается, хоть ухо рѣжь, ногой не пошевельнетъ.—Какъ ѣхать на сраженіе, такъ стоитъ ей только бутылочку водки въ горло влить, а не токмо турку, а и самого нѣмца сомкнетъ». Въ подобныхъ шуткахъ проходитъ весь осмотръ лошадей. Первые годы осмотръ лошадей вызывалъ тревожные толки среди крестьянъ о предстоящей войнѣ съ однимъ изъ многихъ враговъ нашего отечества» (Новгородск. губ., Череповецк. у.).

Имѣются указанія о томъ, что крестьяне не могли привыкнуть къ конскимъ переписямъ, и съ каждой переписью связывалось представленіе о грядущей войнѣ. Напримѣръ про одну изъ переписей крестьянинъ говорилъ: что тогда «что-то англичанка бунтовала, къ Питеру хотѣла подойти, такъ вотъ по такому случаю хотѣлъ Царь узнать, сколько у насъ коней буде. А потомъ англи-

чанка испугалась, да у нашего Царя пардону запросила. Вотъ кони и не понадобились» (С.-Петерб. губ., Новоладожскій у.).

О дѣйствительномъ взятіи лошадей въ 1892 году имѣется только одно указаніе (Пензенск. губ., Саранск. у.). О конскихъ мобилизаціяхъ во время войны 1904—1905 гг. въ распоряженіи автора не имѣется матеріаловъ. Лично автору пришлось присутствовать при пріемѣ людей въ Брянскѣ въ іюлѣ 1905 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ § 17.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

О ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

I.

Полно, полно погуляли
По своимъ деревенкамъ,
Теперь погонятъ молодцовъ
По разнымъ губеренкамъ.

Солдатики-рекрутики,
Вы скиньте-ка тулупики,
Надѣньте-ко шинелишки,
Прощайте, красны дѣвушки.

(Спб. губ., Новоладожск. у.).

II.

Когда провожаютъ рекрута въ с. Троицко-Енайское (пріемный пунктъ) для вынутія жребія, то родители благословляютъ его святою иконою и желаютъ ему «подальше» жребій взять и тѣмъ избавиться отъ солдатства. По полученіи извѣстія, что «рекрутъ принятъ», мать заплачетъ и будетъ посылать другихъ дѣтей на встрѣчу рекруту, причитая:

«Ужъ вы, мои сердешны дитятки,
Запрягите вы добра коня,
Да встрицайте родимого брателка.

Онъ (теперь) во горѣ, во кручинѣ,
Да во тоскѣ великой»...

Когда же новобранецъ придетъ домой, то мать, бросившись ему на шею, запричитаетъ:

«Какъ отъ пресвятыя-то Троицы
Да пришла вѣсть не радошна
Про сердешнаго то дитятка:
Ужъ будто его поставили

Во солдаты—во рекруты...
Я клала большую то надіишку,
Думала: при большой-то старости
Вѣкъ будетъ—поить-кормить»...

Во время проводовъ такого новобранца на дѣйствительную службу собираются къ нему всѣ его дружки-пріятели и родственники «потужить-поплакать». Въ то время мать тоже причитаетъ:

Ужъ не долги-то животы
Да на свой-то на кормилицѣ,
На родимой сторонѣ
Моему сердешному дитятку:
Времена-то временуются,
Часы-то часуются...
Надо идти да ѣхати
Во путь во дороженьку
Во дорожку не веселую.
Во солдаты во рекруты.
Подъ ружья то свѣтлыя,
Подъ сабли то вострыя,
Подъ пушки то громкія,
Подъ начальство то строгое,
Въ жизню то печальную»...

Въ тотъ моментъ, когда надо выходить изъ дому, всѣ присутствующіе встаютъ, родители же берутъ икону и каравай хлѣба и благословляютъ новобранца, при чемъ отъ хлѣба немного отламывается и отдается ему на дорогу, чтобы ѣлъ, не тужилъ о своей родинѣ. Новобранецъ, помолившись Богу, прощается со всѣми поцѣлуемъ и, выйдя изъ избы, заходитъ еще во дворъ, гдѣ зоветъ съ собою дворовушку, говоря: «пойдемъ со мною батюшка-дворовушка». Дворовушка въ этомъ случаѣ, по повѣрію крестьянъ, непремѣнно пойдетъ съ нимъ и будетъ его хранить на чужбинѣ. Наконецъ, рекрутъ отправляется до ближайшаго лѣса пѣшкомъ, провожаемый чуть ли не всею деревней отъ «мала до велика» при громкихъ воплях родныхъ. Придя въ лѣсъ, новобранецъ залѣзаетъ на первую попавшуюся ему «деревену» и заламываетъ ея вершину на память. Затѣмъ, попрощавшись еще разъ со всѣми, садится уже на подводу и уѣзжаетъ. Придя домой, мать послѣдній разъ уже причитаетъ:

«Ужъ недолго я ходила,
Да много проходила,
Проходила горюшка-горькое
Своего-то сердешнаго дитятка...

(Вологодск. губ., Хмѣлевск. у.).

III.

Что ты, Ваня, пріунылъ, аль за море поплылъ,
Море синее бушуетъ, Ваня по дому тоскуетъ.
Ваня по дому тоскуетъ, въ сердцѣ кровь его бушуетъ
Что въ далекіе края Ваню служба унесла.
Дома мать, семья родная и жена въ слезахъ младая.
Всѣ Ванюшу вспоминаютъ и въ дорогу благословляютъ,
А Ванюша все идетъ, слезы горькія все льетъ.

(Орловск. губ., Карачев. у.).

IV.

«Запѣлъ речитативомъ принятый въ военную службу парень, но, перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:

Солдатъ пашеньки не пашетъ,
Косы въ руки не беретъ,
Косы въ руки не беретъ
И оброку не даетъ.

Веселье это мнѣ показалось дѣланнымъ, на лицѣ была какая-то тѣнь и, какъ бы оправдывая мою догадку, онъ опять продолжалъ:

Ничего мнѣ такъ не жалко,
Какъ супругу покидать.

Въ сторонѣ два парня, взятыхъ въ солдаты, отплясывали подъ звуки гармоники трепака. Потъ градомъ катился съ нихъ, несмотря на холодное время, а ноги ихъ такъ старательно выдѣлывали трудное па, что вызывали одобреніе окружающихъ. Новымъ сапогамъ сильно доставалось въ этотъ день. Совсѣмъ пьяный парень съ разстегнутымъ воротомъ въ рубахѣ, безъ шапки, которую несла сзади, очевидно, его мать, заплетающимся языкомъ говорилъ пьяному, но твердо идущему крестьянину:

Отецъ померъ, мать торговка,
Сынъ распутная головка...

— Ты, братъ, жену не обижай и баловаться не давай, да меня на царской службѣ не забывай.

— Извѣстное дѣло не забуду... не чужой ты мнѣ, единокровный, а жену не сумлѣвайся, во какъ держать буду,—отвѣчалъ послѣдній, показавъ увѣсистый сжатый кулакъ.

Раздалось у меня надъ ухомъ пѣніе пьянаго новобранца. Слезъ было видно мало. Какая-то старуха, прислонясь къ забору, плакала. Плакала, глядя на нее, и молодая женщина. Охъ, трудно будетъ управиться, ежели Петьку возьмутъ...

— А, може, и не возьмутъ?

— Дай-то Господь. У Бѣлые-берега (монастырь) пѣшкомъ бы сходила, даромъ, что ноги плохи. Пошли, Царица Небесная...

Недавно я познакомился съ одной деревенской бабкой, вошелъ въ ея довѣріе, узналъ отъ нея массу интересныхъ заговоровъ и какихъ-то страшныхъ молитвъ, о которыхъ скажу въ свое время, а пока приведу заговоръ отъ солдатчины и, чтобы выиграть всякое, даже неправое, дѣло на судѣ. Для этого надо стать подъ переводину (балка въ хатѣ, на которую опирается въ хатѣ потолокъ) и сказать:

«Небо ключъ. Земля замокъ. Сотворилъ меня Господь на подобіе образа Своего, пойду на кладбище, послушаю, что мертвецы скажутъ».

Сказавъ это до суда или до воинскаго присутствія, не слѣдуетъ говорить ни съ кѣмъ. Еще, чтобы не взяли въ солдаты, слѣдуетъ носить на крестѣ такъ называемый сонъ Богородицы. Лично мнѣ не приходилось ни видѣть, ни слышать этого сна, но, насколько я могъ понять, это проза, неизвѣстно кѣмъ составленная, въ которой говорится, что Матерь Богородица видѣла сонъ о крестныхъ страданіяхъ Своего Сына, еще въ то время, когда Онъ былъ отрокомъ. Разсказъ объ этомъ снѣ совпадаетъ съ повѣствованіями евангелистовъ и, вѣроятно, составленъ какимъ нибудь эксплоататоромъ народнаго невѣжества. Сонъ этотъ занимаетъ исписаную страницу обыкновеннаго листа бумаги.

При этомъ въ предисловіи сказано: «кто будетъ въ чистотѣ держать эту молитву (?), къ тому не прикоснется ни злой духъ, ни лукавый человѣкъ и никакое несчастье. А во время родовъ скорое разрѣшеніе».

Очевидно, что и воинская повинность составителемъ этого сна считалась несчастьемъ.

(Орловск. губ., Карачевск. у.).

V.

СОЛДАТСКІЯ ПѢСНИ.

Тутъ шли, прошли солдаты молодые
За солдатами шли матушки родныя,
Избоковъ шли жоны молодыя...
— Воротитесь вы, матушки родныя,
Не сходить вамъ по бѣлу свѣту за нами,
Не смочить вамъ путь-дороженьку слезами,
Не наполнить вамъ сине море горючими.

* * *

Закатилось тепло солнышко
За темненькій лѣсочекъ,
Въ лѣсу пташки пріумолкли
Соловушки не поютъ...
Въ чистомъ полѣ подъ метлинушкой
Нова хижина стоитъ,
Что во этой новой хижинѣ
Разнесчастная живетъ,
Разнесчастная живетъ
Солдатская жена.
Жена мужа дожидалася
Съ чужой, дальней стороны,
Она ждала—не дождалася,
Пошла, сѣла подъ окно,
Какъ по тому по случаюшку
Два солдатика идутъ,
Подошли ко новой хижинкѣ,
Постучались подъ окномъ.
Ты пусти-жъ, пусти, хозяюшка,
Насъ на ночку ночевать...
— Мои милые солдатики,
Три дня хата не топлена
Три дня варка не варена.
Таково житье горемычное
Горемычное житье солдатской жены.

Пѣсня, какъ показываетъ ея заключеніе, имѣетъ своею цѣлью изобразить бѣдственное положеніе солдатской жены, оставшейся дома безъ мужа и не имѣюшей средствъ къ жизни.

Вы прощайте, дѣвки, бабы,
Намъ теперя не до васъ;
Намъ теперя не до васъ,
Во солдаты гонятъ насъ.
Наши ноженки нейдутъ:
Наши рѣзвы не бредутъ:
На свѣтъ глазы не глядятъ,
Зубы хлѣба не ѣдятъ.

* * *

Разъѣзжалъ добрый молодецъ на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ, на черкасскомъ сѣдлѣ,
Упали у молодца перчатки съ рукъ,
Грохнули у молодца слезынки съ глазъ:
Знать мнѣ, добру молодцу, несчастному быть,
Несчастному быть во солдатахъ служить.

Двѣ послѣднихъ пѣсни, какъ видно, въ поэтическихъ образахъ рисуютъ печальное настроеніе души молодыхъ людей, имѣющихъ идти на военную службу.

Слышно съ городу въ деревню
Про рекрутскій про наборъ,
Пишутъ, пишутъ намъ родные,
Чтобы мы прибыли домой.
Насъ три брата собралося,
На почтовый дворъ зашли,
Взяли троечку ямскую,
Съ нами кучеръ молодой.

Тройка скачетъ—ямщикъ плачетъ,
Заливается слезамъ,
Заливается слезамъ
Со несчастнымъ сѣдокамъ...
Мы къ деревнѣ подъѣзжали,
Выходили жены къ намъ,
Мы къ подверью подъѣзжали,
Выходилъ родитель къ намъ,
Выходилъ родитель къ намъ;
Заливался онъ слезамъ:
«Ахъ вы, дѣти, мои дѣти,
Молодые рекрута»,
А какъ мать наша родная
Вмѣсто замертва лежитъ...
Вмѣсто замертва лежитъ...

Мотивъ, указанный въ 3 и 4 пѣсняхъ, очень ясно просвѣчиваетъ и здѣсь.

Охъ, пойдешь ты, мое милое и ненаглядное дитятко,
Во чужую дальнюю сторонушку,
Дадутъ тебѣ саблю вострую и ружье тяжелое,
И будетъ тебѣ горе великое
На чужой дальней сторонушкѣ,
Никто тебя не призритъ,
Малое мое дитятко,
Не будетъ тамъ у тебя родимаго батюшки и сударыни матушки.
А я не просплю ни одной темной ноченьки
И все придумаю про тебя, мое дитятко.

Время было осеннее, холодное. Всѣхъ шедшихъ пѣшкомъ и ѣхавшихъ на коняхъ солдатъ она спрашивала, не изъ Гродно ли они и скоро ли будетъ ея Максимъ. Наконецъ въ исходѣ уже второго ночи часа она встрѣтила его въ полутора верстахъ въ полѣ. Вотъ ея плачи:

«Ты поѣдешь, мое дитятко,
По пути по дороженкѣ,
И во дальніе городы,
Ты подъ мѣру казенную,
Что измѣрятъ дитятко,
Со своей буйной головы,
Что твои-то русы кудри.
Ты пошли, мое дитятко,
Со своей буйной головы,
Что своей родной матушкѣ,
Ты свои то русы кудри.
Я прижму, мое дитятко,
Ко своему ретивому сердцу,
Ужъ я стану, мое дитятко,
Что за всяко времячко
Я глядѣть на русы кудри.
Не могу наглядѣться,
На твои я русы кудри.
Безъ тебя, сердечно дитятко,
Что придетъ пора времячко,
Всѣ Господніе празднички.
Что пойдутъ люди добрые,
Всѣ твои товарищи
Во своемъ цвѣтномъ платьицѣ
Во торги и во ярмарки,
Во базары веселые—
Всѣ твои друзья товарищи.
Мнѣ нигдѣ тя не увидѣти,
Голосочку не услышати.
Я ходила же, бѣдная,
Въ торги, во ярмарки,
Во бесѣды веселыя,
Не могла, мое дитятко,
Я нигдѣ тя увидѣти,
Я такого хорошаго,
На тебя бы похожаго.
Я пошла, бѣдная, горькая,
Безъ тебя, мое дитятко,
Залилася, бѣдная, горькая,
Я своими горючими слезамъ,
Я пришла, бѣдно-горькая,
Я домой безъ тебя, дитятко,
Я сказала сердечно,
Я твоимъ то роднымъ братьямъ:
Не могла, мои дѣтоньки,
Я увидѣти сердечнаго,
Вашего брата милаго,
Ни въ торгахъ и ни въ ярмаркахъ,

Ни въ путяхъ, ни въ дороженькахъ.
Мнѣ сходить развѣ, бѣдной,
Мнѣ сходить во темные лѣса,
Мнѣ сходить во зеленые луга.
Я просила же, грѣшница,
Своего сына милаго,
Я послѣднее лѣтичко:
«Ты пойдешь, мое дитятко,
Ты на лѣса на темные,
На покосы широкіе,
На луга зеленые,
Ты клади, мое дитятко,
На еденыхъ (ель) зарубкахъ,
На березкахъ подтесочки,
На грязяхъ свои стопочки,
Своей-то родной матушкѣ,
Оставляй ты примѣточки».
Походила же грѣшница
По примѣтнымъ по мѣстечкамъ,
Не могла я, бѣдно-горькая,
Его найти я примѣточекъ.

(Псковская губ., Новоржевск. у.).

VI.

Захвачу я свою пухову подушечку,
И оболью всю горючими слезами.
Не бѣднися ты на меня,
Горькую сиротинушку,
Что породила я тебя на великое горюшко.
Пиши ты, милое дитятко,
Бѣлую грамотку, да почаще,
А я возьму твою грамотку
Да прижму къ ретивому сердечешку
И оболью горькими слезами
Твою бѣлу грамотку.
Охъ, охъ, мое ненаглядное дитятко,
Обернись ты въ сизу кукушечку,
И прилети ты въ свою родимую сторонушку,
Во свое теплое гнѣздышко,
Развей ты мою тоску-кручинушку,
Успокой мое ретивое сердечушко.
Не на кого мнѣ, сиротинушкѣ, надѣяться,
Нѣту у меня вѣрнаго служанушки,
Моего милаго Ванюшки.

(Псковск. губ., Порховск. у.).

VII.

РЕКРУТСКАЯ ПѢСНЬ.

Намъ сегодняшній день—скука,
Постоянно ходи—плачь,
Постоянно ходи—плачь,
Да во солдаты везутъ насъ,
Намъ назначена дорожка,
Неизвѣстно вотъ куда.
Кому въ Питеръ, кому въ Польшу,
Кому въ матушку-Москву.
Пойду, выйду погуляю
Вдоль по матушкѣ Москвѣ,
Тутъ я сяду на машинку,
На поспѣшный пароходъ,
Близъ я волости подъѣду
Прямо къ тетенькѣ на дворъ,
Да полуштофную на столъ,
Мы запьемъ тогда, закусимъ,
Во трактиръ гулять пойдемъ,
Всю ли ночку прогуляемъ,
До утренней до зари,
Да до дневного свѣту.

ПРИЧИТАНІЯ КАТЕРИНЫ КРЕНДЕЛИХИ:

Вы глядите, ясны очи,
Вы въ запасъ наглядитеся,
Вы въ запасъ насмотритеся,
На сердечнаго дитятка.
Вамъ опослѣ, очи ясныя,
Вамъ послѣ не тужити,
Вамъ послѣ не плакати.
Погляжу я, грѣшная,
На сердечнаго дитятка,
Ты сидишь, мое дитятко,
За столомъ за дубовникомъ,
Потупилъ, мое дитятко,
Ты свои очи ясныя,—
Подъ столы подъ дубовыя,
Что во мать во сыру землю.
Что померкло у дитятка
Что твое лицо бѣлое,
Что твое лицо румяное,
Посвалилась у дитятка
Что твоя буйная голова.
Посвалилася, дитятко,
Она со горя со кручинушки,
Со тоски непомѣрныя.
Тебѣ не годикъ годовати,
Не часочекъ часовати.
Ты поѣдешь, мое дитятко,
Со родимыя стороны.
Я сама вижу, грѣшная,
Что приходятъ разстанюшки,
Что тебѣ, мое дитятко,
Со родимой со стороны,
Со своимъ со родителемъ,
Со своимъ со кормилицемъ,
Со родимой со матушкой,
Со кормилицемъ батюшкомъ,
Со государемъ братцемъ батюшкомъ,
Со голубушкой милой сестрой.
Я подумаю, грѣшная,
Про сердечнаго дитятка:
Сорокъ я недѣль носила,
Полтора года сосила,
Берегла я, грѣшная,
Я сердечное дитятко,
Я отъ вихря отъ вихоря,
Я отъ краснаго солнышка.
Что потребовали у бѣдныя
Моего сердечна дитятка,
Его на службу государеву
Повезли же сердечнаго,
Во губернскій городъ Грязовицу,
Повели же вѣдь дитятка
Его въ палаты бѣлокаменныя,
Что поставили его, дитятка,
Подъ мѣру то мѣдную,
Его подъ мѣру казенную...
Забречитъ да мѣра мѣдная,
Закричатъ да судьи грозные:
Застричь да добра молодца,
Записать да добра молодца,
Его на службу государеву.
Ты послушай, мое дитятко,
Я объ чемъ буду говорить,
Я объ чемъ буду наказывать.
Захвати мое, дитятко,
Свою русую кудеречку
Во свою праву рученку,
Завяжи ты, мое дитятко,
Свою русую кудеречку
Въ горемычно полотенечко;
Попрошу я, мое дитятко,
Попрошу тебя сердечнаго,
Какъ угонятъ, мое дитятко,
По конецъ до свѣта бѣлаго,
На украйные городы,
Ты пиши ка, мое дитятко,
На родиму сторону,
Скорописьменны грамотки,
Не перомъ, не чернилами,
Ты своимъ горючимъ слезамъ.
Ужъ я выйду—бѣдна-горькая
На широкую уличку,
Погляжу бѣдно-горькая,
На восточную сторонушку,
Не летитъ ли младъ ясенъ-соколъ,
Не несетъ ли младъ ясенъ-соколъ
Отъ сердечнаго дитятка
Мнѣ подъ правымъ своимъ крылышкомъ
Скорописьменну грамотку,
Челобитье-поклонъ низкой.
Получу я, бѣдно-горькая,
Скорописьменную грамотку,
Отъ сердечнаго дитятка,

Я прижму, бѣдно-горькая.
Скорописьменную грамотку,
Къ своему ретивому сердцу;
Запечется у бѣдной
Мое ретивое сердце,
Что придетъ весна красная,
Со лѣтомъ со теплымъ,
Закукуетъ въ темномъ лѣсу
Что сѣрая кукушечка,
Затоскуетъ у бѣдная
Что мое ретивое сердце
По сердечномъ по дитяткѣ.
Что придетъ весна красная,
Расцвѣтутъ цвѣты розовые,
Что пойдутъ люди добрые
На работу на польную.
Погляжу я, бѣдно-горькая,
На своихъ сердечныхъ дѣтонекъ:
Что пошли мои дѣтаньки
Безъ сердечнаго дитятка
На работу на польную;
Погляжу я, бѣдно-горькая,
Впереди не шатается,
Назади не ломается
Мое сердечное дитятко».

(Вологодск. губ., Грязовецк. у.).

VIII.

Полно, матушка родная,
Прежде времячка тужить,
Знать судьба моя такая
Не одинъ буду служить.

Занывай-ко, занывай
Ты, мое ретивое,
Меня угонятъ за Дунай
За морюшко сине.

Неужели это будетъ—
Насъ съ милашкой разведутъ:
Меня въ солдатушки забріютъ,
Ее замужъ отдадутъ.

Мать причитаетъ:
Удалой да добрый молодецъ,
Ты куда да снаряжаешься,
На слуху да нѣту праздничка,
На слуху нѣту Господняго,
Аль на гуляньице веселое,
Аль на смиренную бесѣдушку,
Аль на торги, аль на ярмарки,
Мы сами знаемъ, сами вѣдаемъ,
Что ты сдобился, добрый молодецъ,
Что въ дальнюю дороженьку,
На чужую дальню сторону,
Въ города да во военные,
Въ полки да во турецкіе.

(Новгородск. губ., Череповецкій у.).

IX.

Полно вѣтру бунтоваться,
Синю морю колебаться,
Не молодцу пугаться,—
Я и такъ парень напуганъ.
Какъ во нынѣшніе годы.
Пошли частые наборы.
Вотъ идетъ полкъ солдатовъ,
Всѣ солдаты идутъ—плачутъ,
Какъ одинъ солдатъ не плачетъ,
Онъ во гусельки играетъ,
Всѣхъ солдатъ сопотѣшаетъ:
Вы не плачьте-ка, ребята,
Вы не плачьте, новобранцы,
Намъ не пашенку пахать,
Не покосы расчищать.
Пусть покосы заростаютъ,
Пусть землюшка пустѣетъ,
Отецъ съ матерью старѣютъ,
Молоды жены вдовѣютъ,
Малы дѣтки сиротѣютъ,
Съ неба звѣздочки падаютъ,
Малы дѣтки умираютъ.
Разливалась матка—Кисовка рѣка,
Потопляла все крутые берега.
Остался одинъ маленькій лужокъ,
Собирались тутъ некрутики въ кружокъ,
Какъ одинъ некрутъ по закругу ходилъ,
Онъ не такъ гулялъ—товарищей искалъ,
Ужъ вы, братцы-товарищи мои,
Не пойдете ли на праздничекъ домой,
Не снесете-ль отцу съ матерью поклонъ,

А молодой женѣ во вѣки никогда:
Погуляемъ, ребята, мы сегодня вечеркомъ,
Я сегодня, мальчикъ, веселъ,
Но ужъ завтра я солдатъ.
Повезутъ Ваню въ солдаты, на троечкѣ на ямской,
По дороженькѣ Тверской.
Какъ на той-то на дороженькѣ
Пригромный большой домъ,
Пригромный большой домъ, называется пріемъ.
Подскочили, подхватили,
Повели Ваню въ пріемъ.
Какъ поставили во кругъ, закричали: «годенъ, другъ!»
Какъ захлопали ножнями коло Ваниныхъ кудрей.
Подождите кудри брить, дайте маменьки придтить;
Моя мамашенька придетъ, мнѣ платочекъ принесетъ,
Мнѣ платочекъ принесетъ, мои кудри подберетъ,
Молодой женѣ снесетъ; молодая жена скажетъ:
«Моего милаго солдатика, раскрасавчика потретъ».

* * *

У насъ на горочкѣ зеленый дубочекъ,
На дубочкѣ листья зеленые,
Съ дубочка листья сопадаютъ,
Подъ дубочкомъ трава залегаетъ,
У Ванюши сердце занываетъ;
Везутъ Ваньку во солдаты,
Отецъ съ маткой по немъ плачутъ,
Ты не плачь, отецъ съ матерью,
Пусть поплачетъ жена молодая,
Когда ея долюшка худая.
Отдалъ жену въ каторжну работу,
А дѣтокъ въ каменны палаты.
Хожу, гуляю по бараку,
Куплю батюшкѣ товару,
Куплю батюшкѣ ворона коня,
А матушкѣ шолковый платокъ,
Куплю женѣ золото колечко,
Чтобы ныло у нея сердечко.

* * *

Сдали, сдали насъ, молодчиковъ,
Въ нонѣшнемъ году,
Неужели намъ придется
Всѣмъ стоять въ одномъ ряду.
Меня матушка родила
Царю-батюшкѣ служить,
Не на казнь иду—въ солдаты,
Такъ чего же мнѣ тужить.
Я съ родными распрощался,
Во солдаты уходилъ,
На дорожку мнѣ сказали:
Служить будешь не одинъ.
Ты прощай, моя милая,
Не навѣки ухожу,
Я вернусь къ тебѣ, родная,
Какъ въ солдатахъ отслужу.

(Новгородск. губ., Тихвинск. у.).

X.

Вотъ два образца причитанія матери по сынѣ, отправляющемся въ солдаты:

1.

Юзскіе причеты:

Погляжу-то я посмотрю
На дороднаго (хорошаго) молодца.
Ты дорожней молодецъ,
Свиваесьсе, собираесьсе
Знать съ великою радосью,
А небось (вѣдь) моя сухота
По неволѣ великою.
Не копинью церковному.
Ты не Богу молитесе
Собираесе, милой сынъ,
Въ города да въ уѣздные,
Въ города, да въ губернскіе,
Въ города во столичные.
Ты на службу ту царскую
На войну государьскую.
Какъ пригонятъ тя, милой сынъ,

Въ города тѣ (вм. то) въ дальные,
Въ города во столичные,
Дадутъ муницію савдатьскую
Да тебя обмундеруютъ,
Надѣлятъ тебя, милой сынъ,
Ружьемъ то воиньскимъ,
Такъ подай тебѣ Господи,
Подай истинной Христосъ
Тамъ и службу ту легкую
И ученье понятное.
Стану я, горе-горькое,
Въ вечеру то позднешенько,
Да и утромъ ранешенько,
Мое ты сердешное,
Тебѣ буду я молить
Добраго да здоровьица.
Стану Богу молиться,
Стану класть я поклончики.
И утромъ и вечеромъ,
И о середь ночи темныя
За царя то за бѣлаго,
За царя то рассейскаго...
Ты пиши, моя сухота,
Пиши письма то частенько
Да поклончики низкіе.
Будетъ сердцю отрадушка.

(Зап. 1898 г. 6 сент. въ с. Юзѣ).

2.

Ляменгскіе причеты:

Господарево ты мое,
Ты мое да роженое,
Ты мое сердешное,
Часъ остаюсь я, горюшко,
Безъ пріюту великаго:
Что ненавидятъ братьице
Ще меня горе-горькіе
И любые невѣстушки,
Часъ не знаю я, горюшко,
Куда съ горя дѣваюсе.
Будетъ ходить мнѣ, горюшку,
По міру да крещеному,
Будетъ ходить мнѣ ка маятьсе.
Часъ провожу тебя, горюшко,
Безъ отца да безъ матери,
Часъ некому да проводити.
Некому да нарядити.
Я старымъ да старушенька,
Не хотятъ тебя братьица
Тебѣ скрутить (дать «скруту»—всю одежду) да снарядити—
Такъ никого нѣтъ единаго
Человѣка родимаго,
Ни роду ни племени,
Ты одинъ одинешекъ.

(Этотъ сынъ у плакальщицы былъ незаконнорожденный, а что братьицевъ она его упоминаетъ, такъ это дѣти отъ законнаго мужа, слѣдовательно не родные братья рекрута).

Ты родивсе, мой дитятко,
Отъ сѣра-бура камешка
Середь полюшка чистаго.
По колѣнъ снѣгу было,
По локоть платья цвѣтного,
Часъ некому нарядити,
Некому да проводити...
Ще была вѣдь у горюшка
Одна сестрица родимая,
Такъ дальнимъ далекошенько.
Кабы (еслибы) знала я, горюшко,
Не отдала бы я, горькая,
Своей сестрицѣ родимые,
Надъ тобою что случилося,
Надъ тобою совершилося,
Ты подумай-ко, дитятко,
При себя горе бѣдное,
Про свой про несчастный годъ,
Часъ провожаю тя, дитятко,
Во солдаты, во некруты,
Мевкіе (мелкіе) новобранные,
Ты стоять станешь, дитятко.
Станешь знобить рѣзвы ноги,
Станешь знобить бѣлы руки
Отъ рожденія отъ нѣмецкаго.
Ты пойдешь, мое дитятко,
Не за родимыхъ то за бративцевъ,
Видно за меня, горе-горькую,
За меня за злочасную,
Я даю тебѣ, дитятко,
Благословеніе великое,
Съ чиста сердца ретивого,

Буде уйдешь, мое дитятко,
Во солдаты во некруты,
Такъ открой тебѣ Господи
Тебѣ службу ту царскую,
Тебѣ войню государьскую,
Изъ темну лѣсу выведетъ,
Изъ синя моря вынесетъ
Благословеніе великое.
(Запис. 1898 г. 12 Сентября с. Ляменьга. Волог. г.. Никольскій уѣздъ.

XI.

Ты канава, ты канава,
Ты канавушка моя.
По тебѣ ль, моя канава,
Ѣхалъ милый на конѣ,
Увидалъ Сашу въ окнѣ. (2)
Сидитъ Саша, рукой машетъ:
«Заѣзжай, милый ко мнѣ». (2)
— «Я тогда къ тебѣ заѣду,
Когда выроститъ трава;
У широкаго двора (2)
Привяжу свово коня, коня воронаго».
Конь копытомъ землю бьетъ,
Молодца горе беретъ, (2)
Двадцать первый годъ идетъ, (2)
Отецъ въ рекруты везетъ.
Какъ Зарайская дорожка
Вся слезами улита.
По ней ѣдутъ рекрута.
Какъ женатыхъ везутъ,
Въ три ручья слезы текуть,
Холостыхъ-то ихъ везуть.
Съ горя пѣсенки поютъ.
Среди ловецъ домъ большой,
Весь въ окошечкахъ кругомъ: (2)
Это самый нашъ пріемъ.
Мнѣ пріемщикъ говоритъ:
Тебѣ русы кудри брить, (2)
Тебѣ въ этомъ домѣ быть.
— Подождите кудри брить,
Дайте маменькѣ прійти,
Родна маменька придетъ,
Русы кудри соберетъ.

Употребляются также сбирушки. Для примѣра приведу слѣдующія:

1.

Ты родная моя мать,
Тебѣ меня не унять, (2)
Я повадился гулять.

2.

Пойду, схожу на кладбище,
Разбужу родную мать,
Вставай, матушка родная,
И въ солдаты отдавай.

3.

Старшина мнѣ не рука,
Записали въ рекрута.

4.

Отъ родной матушки,
Везутъ въ солдатушки,
Отъ родимаго отца
Везутъ меня, молодца.
(Рязанск. губ., Зарайск. у.).

XII.

СОЛДАТСКІЯ ПѢСНИ.

Эхъ, ночи темныя, только тучи грозныя,
Тучи грозныя по небесамъ идутъ,
Эхъ,—наши храбры гренадеры со ученьица идутъ.
Эхъ, наши храбры гренадеры они идутъ маршируютъ,
Эхъ, наши храбры гренадеры идутъ промежъ собой говорятъ:
«Эхъ, трудно намъ, братцы-ребята, Аршавъ-городъ узятъ,
Охъ, еще труднѣй намъ подъ пушки подъѣзжать.
Охъ, намъ, братцы, подъ пушки подъѣзжать».

Охъ, мы подъ пушки подъѣзжаемъ, кричали усѣ: ура! (3)
Предводитель съ нами графъ Паскевичъ громкимъ голосомъ кричалъ:
«Охъ вы же бейте, не робѣйте!»
За Балканскими горами стоятъ наши знамена.
Припѣвъ: Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ и т. д.

Свѣтитъ, свѣтитъ солнышко, часты звѣздочки,
Эхъ, вы часты звѣздочки по ясному гробику,
Часты звѣздочки, въ ясномъ гробику лежалъ православный царь,
Лежалъ православный царь, стоялъ часовой солдатъ:
Стоялъ часовой солдатъ, крѣпко призадумавшись,
Крѣпко призадумавшись, крѣпко призаплакамши,
«Встань, встань, государь православный царь,
Эхъ, посмотри-жъ, батюшка, на свою армію,
На свою армію, на солдатскую гвардію:
Эхъ, солдатская армія въ походъ собирается,
Хорошо снаряжается, со всѣмъ родомъ прощается,
Со всѣмъ родомъ прощается—съ батюшкой, съ матушкой,
Съ батюшкой, съ матушкой, съ молодой женой,
Эхъ, съ молодой женой, съ малыми дѣтушками,
Эхъ, съ малыми дѣтушками, еще вы сиротинушки».

Въ Севастополѣ стояли, каменны горы ломали,
Каменны горы ломали, батареи выкладали,
Боцъ, калина моя, боцъ, малина моя: въ лѣсъ по ягоды пошла,
Намъ холодная вода слаще меду и вина,
Аржаные сахари все пріятели мои
Аржаная каша — родимая матка наша
Мы въ деревню поступили, много горя получили.
Деревенскіе мужики сказать слово «дураки»,
Дочерей своихъ скрывали, по чуланамъ запирали,
Дѣвки плакали, рыдали, что солдатъ мало видали.
Дураки наши отцы, солдатушки молодцы.

Охъ, ты, Россія, Россійская земля, охъ-охъ да люли.
Охъ, про тебя, Россія, далеко слава легла,
Далеко слава легла про Платова казака,
Про Платова казака, охъ, люли, охъ, да люли.
Платовъ казакъ хитеръ былъ: усы, бороду обрилъ,
Усы, бороду обрилъ, у француза въ гостяхъ былъ, охъ ли, охъ да люли.
Французъ его не узналъ, за купчика почиталъ,
За купчика почиталъ, за бѣлыя руки бралъ,
За бѣлыя руки бралъ, стаканъ водки наливалъ,
Стаканъ водки наливалъ, на подносѣ подавалъ,
На подносѣ подавалъ, милости просилъ:
«Выпей рюмку, выпей двѣ, скажу правду всю мнѣ.
Я въ Москвѣ часто бывалъ, всѣхъ купцовъ, бояръ знавалъ.
Одного-то я не зналъ, что Платова казака,
Что Платова казака, охъ ли, охъ ли да люли.
Кабы кто мнѣ указалъ, много злата далъ.
Много злата далъ—охъ ли, охъ ли да люли».

—«Охъ, на что злато терять, его такъ можно узнать:
Онъ за однимъ столомъ и одно лицо съ тобой,
И одно лицо съ тобой, словно братецъ твой родной.
Выѣзжай же ты, ворона, въ чисто поле погулять,
Не вознала ты, ворона, по полету сокола,
Не придется тебѣ, шишь ворона, держать сокола въ рукахъ
Въ рукахъ сокола держать, со Платовымъ воевать».

Охъ ты, зимушка-зима, холодна очень была,
Холодна очень была, закурила, замела,
Закурила, замела всѣ проулочки, всѣ мѣста,
Всѣ проулочки, всѣ мѣста,—нельзя къ ротному пройти.
Нельзя къ ротному придти, да приказанье получить.
Вотъ вамъ, братцы, приказанье: утромъ рано вставать,
Утромъ рано вставать, лицо бѣло умывать,
Лицо бѣло умывать, полотенцемъ утирать,
Полотенцемъ утирать, мундиръ черный надѣвать,
Мундиръ черный надѣвать, на ученье выходись.
На ученье намъ, братцы, на мученье, только прочимъ тяжело,
Только прочимъ тяжело, да лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
Да лѣтомъ въ лагеряхъ стоять, да утромъ рано уставать,
Да утромъ рано уставать, да на маневры выходить,
Да на маневры выходить, стрѣльбу чижало производить.

И черезъ Вислу переправляли, провожалъ насъ князь Михаилъ,
Михаилъ нашъ великій князь по всей арміи у насъ,
Орденами грудь вся покрыта, отдавалъ такой приказъ:
«Стройся армія, въ колонны, скорѣй маршируй».
Взглянемъ, взглянемъ мы на небо, съ нами Богъ, царь у насъ.
Орденами грудь покрыта, отдавалъ такой приказъ:
«Стройся, армія, въ колонны, скорѣе маршируй».
Взглянемъ, взглянемъ мы на небо: съ нами Богъ, царь у насъ:
Солнце красно сіяло, государь явился къ намъ:
«Ужъ вы, здорово, ребята, и прощайте, господа,
Я поѣду подъ поляковъ и мятежниковъ смирять».

Разбезчастная солдатская женитьба,
Худодольная красная дѣвушка,
Солдатъ дома ночушку не ночуетъ,
Онъ которую шельма заночуетъ, протоскуетъ,
Всю ночушку по горенкѣ проходитъ, проходитъ,
Онъ во новое окошечко все проглянетъ, все проглянетъ,
Эхъ, да по питерской дорожкѣ солдатъ гонятъ, гонятъ,
Эхъ, какъ старые солдаты идутъ-скачутъ,
Идутъ-скачутъ, а молодые новобранцы плачутъ, про отцовъ, про матушекъ вспоминаютъ:
«На что на горе насъ матушки родили,
Худой долей зародили, худой счастью надѣлили,
Ужъ не ходите вы, отцы, матери за нами,
Не ходить вамъ бѣлаго свѣтушку за нами,
Не смочить вамъ сырой земли слезами».

Нашъ батюшка бѣлой царь, ну да Александра,
Александра государь,
Онъ по своей славной армеюшкѣ погуливаетъ
Да во солдатушекъ, во ребятушекъ воспрашиваетъ,
Хорошо ли вамъ, ребята, на страженицу стоять,
На страженью на войнѣ, все на правой сторонѣ,
Все на правой сторонѣ, на камышевой травѣ.
Камышъ, горькая трава, много горя принесла,
Солдатская голова много слезъ приняла,
Вы послушайте, ребята, подождите, молодцы,
Мы дождемся славной осени, въ Россію жить пойдемъ,
Въ Россію жить пойдемъ, некрутчиковъ наберемъ,
Некрутчиковъ-молодцовъ отъ матушекъ, отъ отцовъ.

Эхъ, что за травушка во чистомъ полюшкѣ за муравью,
Эхъ, что денекъ растетъ, ночь смѣется, по чистому полю,
Эхъ, до бѣлой зори голубеится, да по чистому полю растилается,
Эхъ, да растилается, эхъ, да не по мнѣ дѣвка-молодецъ да сокрушается.
Эхъ, да сокрушила парня красна дѣвушка-душа,
Я дѣвка, ночь одна спала, да во снѣ много видала,
Эхъ, да во снѣ много видала, какъ пришелъ ко мнѣ милый,
Онъ распроститься:—«Позволи мнѣ, душа, жениться».
«Ты женись, женись разбезсовѣстный,
Ты бери, бери, кого я велю,
Ты возьми, возьми подружку мою, съ которой я у дѣвушкахъ водилась».
Припѣвъ: Солдатъ, солдатъ молодой, закатистый, удалой,
Гдѣ солдатъ былъ, гдѣ голубчикъ пробывалъ?
Былъ я у душечки, у Катюшечки—
Кати дома не засталъ, на крылечку простоялъ.

Эхъ, вы горы, горы, вы мои Воробьевскія,
Эхъ, Воробьевскія, еще скажемъ, горы крутыя,
Эхъ, горы крутыя, вы чего же горы спородили,
Спородили горы бѣлъ-горючъ камень.
Эхъ бѣлъ горючъ камень, изъ-подъ камушка течетъ рѣчка,
Рѣчка быстрая, круты бережки стоятъ.
Эхъ, да бережки стоятъ,
Эхъ, какъ на этой рѣчкѣ стоялъ частъ ракитовъ кустъ,
Частъ ракитовъ кустъ; какъ на этомъ на кустѣ сидѣлъ младъ сизый орелъ,
Младъ сизой орелъ, въ когтяхъ онъ держалъ черна воина,
Черна воина самаго храбраго все да воина,
Эхъ, все да воина, онъ не бьетъ—не деретъ,
Не бьетъ—не деретъ, все распрашиваетъ,
Все распрашиваетъ: «Гдѣ же ты, воинъ, былъ?
Гдѣ же ты, воинъ, былъ, гдѣ же ты полетывалъ?
Гдѣ же ты полетывалъ?—«Охъ, я былъ, побывалъ,
Охъ, я былъ побывалъ по тѣмъ степямъ,
По тѣмъ степямъ».—«Что же ты видѣлъ, повидалъ?»
— «Видѣлъ, повидалъ тѣло бѣлое:
Это тѣло бѣлое лежитъ моей родной сестры».

Поле чистое турецкое,
Мы когда тебя пройдемъ?
Всѣ бугры твои—дороженьки,
Всѣ мѣста твои прекрасны.
На томъ полѣ, на томъ чистомъ
Мы сойдемся съ непріятелемъ,
Съ такой ордой невѣрною,
Со турецкимъ славнымъ корпусомъ.
Нашъ турецкій главный праздничекъ
Въ несчастный день во среду:
Злые турки напивалися,
Съ похмелья выхвалялися:
«Мы Россіюшку наскрость пройдемъ,
Графа Пашкевича въ полонъ возьмемъ».

Кто не былъ за рѣчкой Дунаемъ, тотъ горя не знавалъ:
А кто былъ за рѣчкой Дунаемъ, тотъ горюшка знаетъ.
Дунай рѣчка быстро протекла,
Какъ на этой на рѣчкѣ на быстрой стоитъ тамъ дерево,
Это дерево, это дерево—березушка бѣлая.
Какъ на этой на бѣлой березѣ сидитъ птица пава,
Кричитъ пава, кричитъ пава: «солдатская слава».

Проходи-ка, проходи-ка, мое скучное время,
Мое время, мое время поскорѣе,
Всѣ часы минуты, разминуты наши люты дни,
Сохнетъ, вянетъ въ полѣ травка безъ дождя,
Какъ дожжичекъ помогаетъ, какъ добренькій побрыжжетъ.

(Орловская губ. и у.).

II.

Опека въ крестьянскомъ быту.

Бѣдный и сирый младенецъ . . . .
Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ ждутъ безпокровнаго;
Чуждый захватитъ сиротскія нивы... Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ,
Бродитъ одинъ, съ головою пониклой, съ заплаканнымъ взоромъ...

(Иліада, XXII, 486 и сл.).

§ 1. Опредѣленіе понятія опеки въ наукѣ гражданскаго права. Опека въ оффиціальномъ законодательствѣ и судебной практикѣ; матеріальное основаніе ея, понятіе опеки въ обычномъ правѣ; немногочисленность случаевъ ея въ крестьянскомъ быту; причины немногочисленности; отрицательныя теоріи опеки; неосновательность ихъ. Значеніе опеки въ крестьянскомъ быту по этнографическимъ матеріаламъ. Различныя названія для обозначенія опеки.

Наука гражданскаго права опредѣляетъ опеку какъ установленное государствомъ попеченіе о личности и объ имуществѣ тѣхъ, которые не имѣютъ возможности сами заботиться о себѣ и о своемъ имуществѣ по малолѣтству и сиротству или по другимъ основаніямъ [1]): такимъ образомъ опека есть установленіе государствен-

---

[1]) Къ «другимъ основаніямъ» опеки гражданское право относитъ: умственную неспособность лица къ гражданской дѣятельности, расточительность, безвѣстное отсутствіе хозяина имущества и пр.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчь идетъ объ опекѣ по малолѣтству и сиротству; опекѣ, возникающей по другимъ основаніямъ, посвящена нами особая глава.

ное, а не частноправное, она объемлетъ заботу не только объ имуществѣ, но и о лицѣ, и возникаетъ независимо отъ того, есть ли у малолѣтнихъ сиротъ имущество или нѣтъ.

Наше законодательство и судебная практика усвоили этотъ взглядъ лишь отчасти.

Хотя опекунство по нашему законодательству, дѣйствительно, представляетъ налагаемое государствомъ munus publicum и къ принятію опекунства власть можетъ принудить всякаго, ибо только нѣкоторымъ, перечисленнымъ въ законѣ лицамъ, напр., аптекарямъ (ст. 557 Уст. врач.), военнослужащимъ (929 ст. кн. VII Св. воен. ост., изд. 1869 г.) и др. предоставлено право отказаться отъ опекунства, однако наше законодательство и судебная практика не считаютъ возможнымъ установленіе опеки по одному только поводу — малолѣтству и сиротству; для учрежденія опеки необходимъ еще одинъ поводъ: наличность наслѣдственнаго имущества; къ необезпеченнымъ сиротамъ никто не можетъ быть насильно назначенъ опекуномъ. И въ зависимости отъ такого имущественнаго характера опеки по X т. Св. Зак. главной задачей ея является не воспитаніе дѣтей, а сохраненіе въ цѣлости оставшагося достоянія; воспитаніе же опекаемыхъ является лишь добавочной задачей, возникающей только въ томъ случаѣ, если доходы съ имущества малолѣтнихъ достаточно для этого велики; расходы по опекѣ опекуны обязаны уплачивать отнюдь не изъ собственныхъ средствъ, а изъ средствъ и доходовъ самихъ малолѣтнихъ (касс. рѣш. 1869 г. № 224, 225, 232—234, д. Кутайсовыхъ).

Когда же у малолѣтнихъ сиротъ нѣтъ имущества, опека обыкновенно не учреждается, а малолѣтнему сиротѣ оказывается призрѣніе или со стороны общества, или со стороны частнаго лица. Такъ законъ (ст. 251 X т.) выдвигаетъ на этотъ случай слѣдующія положенія: «когда имѣнія не осталось, то... (опекунскимъ учрежденіямъ) стараться помѣстить малолѣтнихъ, соотвѣтственно ихъ возрасту и состоянію, въ общественное училище или въ сиротскій домъ или въ государственную службу или пристроить къ доброхотнымъ людямъ для обученія промыслу или ремеслу». — Разумѣется, что такая «опека», лишенная наличности момента принужденія, имѣетъ мало общаго съ опекой въ юридическомъ смыслѣ; она возникаетъ надъ неимущими сиротами факультативно и не имѣетъ того обширнаго дѣйствія, котораго можно ожидать отъ института юридической опеки: «тысячи, даже десятки тысячъ неимущихъ сиротъ не состоятъ подъ опекой...» (Майръ).

Къ понятію опеки, установившемуся въ правовой жизни тѣхъ категорій населенія, которыя руководствуются X т. Св. Зак., въ

значительной степени приближается и понятіе опеки въ обычномъ гражданскомъ правѣ крестьянъ, хотя въ область крестьянской опеки законъ вовсе не вторгается и предоставляетъ обычному праву полный просторъ въ ней; крестьянской опеки присуще то же матеріальное основаніе и тотъ же государственный характеръ, что и въ оффиціальномъ гражданскомъ правѣ. «Опека въ крестьянскомъ быту есть охрана имущества малолѣтняго сироты со стороны правительства; она является тѣмъ же, чѣмъ охранительное судопроизводство, дворянская опека и сиротскій судъ для лицъ прочихъ сословій» (Тихвинскій уѣздъ); «опека назначается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе значительное» (Галичскій, Череповецкій, Пензенскій у.); «опека встрѣчается лишь надъ дѣтьми и имуществомъ богатыхъ родителей; у бѣдныхъ не бываетъ никакихъ опекъ» (Егорьевскій, Обоянскій, Солигаличскій и др. уѣзды).

Опека въ строго юридическомъ смыслѣ встрѣчается въ крестьянскомъ быту сравнительно не часто; немногочисленность случаевъ ея объясняется прежде всего тѣмъ, что процентъ неимущихъ сиротъ среди крестьянъ во много разъ больше, чѣмъ у другихъ сословій, вслѣдствіе такъ называемаго оскудѣнія деревни, чрезвычайнаго развитія семейныхъ раздѣловъ [1]), — вѣдь послѣ смерти крестьянина даже средняго достатка, если онъ не оставилъ другого работника въ семьѣ, имущество его бываетъ настолько незначительно, что хватить его на содержаніе его семьи безусловно не можетъ; дѣло въ томъ, «что главной доходной статьей крестьянскаго хозяйства является не земля, какъ то часто думаютъ, а рабочія руки, которыя эту землю обрабатываютъ и которыя, для поддержанія крестьянскаго бюджета въ равновѣсіи, и должны быть безплатными... Такимъ образомъ, послѣ смерти крестьянина, если другихъ работниковъ въ семьѣ нѣтъ, ввиду незначительной доходности его имущества, дѣти сряду же начинаютъ нуждаться въ чужой помощи, а, за отсутствіемъ ея, въ большинствѣ случаевъ бѣдствовать. Если опека и назначается въ подобномъ случаѣ своевременно, то все-таки она помочь дѣлу не можетъ, такъ какъ никому же не придетъ на умъ требовать, чтобы опекуны содержали сиротъ на свой счетъ [2]); если они иногда это и дѣлаютъ, то слѣдуетъ только поставить ихъ поступокъ въ примѣръ другимъ, но настаивать, чтобы они поступали такъ же, едва ли возможно» [3]).

---

[1]) См. «Право» 1903 г. Проф. Кузьминъ-Караваевъ. «Правовыя нужды деревни». стр. 1075. В. Тимофеевъ. «Крестьянскіе семейные раздѣлы». 1902.

[2]) Въ этнографическихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ, однако, указанія на такое принужденіе, хотя и весьма рѣдко.

[3]) Гр. Бенингсенъ. «Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ». Стр. 99 и слѣд.

Къ причинамъ немногочисленности случаевъ опеки среди крестьянъ слѣдуетъ отнести, кромѣ ихъ малообезпеченности, и незначительный ростъ правосознанія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и полное, порою, смѣшеніе въ нихъ института опеки въ юридическомъ смыслѣ съ попеченіемъ вообще. Есть мѣстности, гдѣ опеку считаютъ выдумкой властей и говорятъ: «если родные не призрятъ, никакая опека не поможетъ... опекъ у насъ нѣтъ». «Опеки встрѣчаются рѣдко, а вмѣсто нихъ общественная благотворительность». Смѣшенію понятій опеки и призрѣнія, встрѣчающемуся при изученіи этнографическихъ матеріаловъ кн. В. Н. Тенишева, въ значительной степени способствуетъ то, что у крестьянъ нѣтъ особыхъ опекунскихъ установленій, нѣтъ и особыхъ органовъ благотворительности, которые имѣются у дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ—въ видѣ дворянскихъ опекъ, сиротскихъ судовъ и пр. и всевозможныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія и частнаго попеченія; у крестьянъ же какъ дѣлами опеки, такъ и дѣлами призрѣнія и попеченія завѣдуетъ сельскій сходъ; обыкновенно онъ, или иногда другое крестьянское административное учрежденіе, совмѣщаетъ въ себѣ обѣ указанныя разнородныя функціи и дѣлаетъ поэтому затруднительнымъ установленіе формальныхъ границъ между tutela, какъ юридическимъ институтомъ, и призрѣніемъ вообще.

Сказанное относительно сравнительной немногочисленности случаевъ опеки въ крестьянскомъ быту даетъ основаніе нѣкоторымъ изслѣдователямъ обычнаго права отрицать вообще за крестьянской опекой значеніе юридическаго института:—«Незачѣмъ»,—говоритъ одинъ изъ нихъ [1]), «посвящать особую рубрику предмету (т. е. опекѣ), который оказывается даже вовсе и не существующимъ въ крестьянскомъ быту». Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе имѣетъ распространеніе, что изученіе въ русскомъ обычномъ правѣ института опеки связано съ большими трудностями, въ виду скудости имѣющагося въ рукахъ изслѣдователей юридическаго матеріала, его разнородности, казуистичности, неприноровленности къ систематизаціи. Однако, уже на основаніи «Трудовъ Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» извѣстный изслѣдователь обычнаго права С. В. Пахманъ констатируетъ существованіе у крестьянъ опеки, какъ учрежденія юридическаго;

---

[1]) Матвѣевъ въ «Зарѣ» 1870 г. № 2, стр. 159; онъ же въ своихъ «Очеркахъ народнаго юридическаго быта Самарск. г.» (1877 г.), хотя и говоритъ о народномъ бытѣ, но объ опекѣ вовсе не упоминаетъ (См. объ изслѣдователяхъ, придерживающихся отрицательнаго взгляда на опеку, у С. Пахмана, въ «Обычномъ гражданск. правѣ въ Россіи» т. 2, стр. 347).

взглядъ С. В. Пахмана раздѣляетъ и И. Г. Оршанскій, который утверждаетъ, что крестьянскіе обычаи относительно опеки носятъ юридическій характеръ, сходный во всемъ существенномъ съ народнымъ правомъ Западной Европы; далѣе, И. Шрагъ [1]), точно также основываясь на трудахъ комиссіи, признаетъ, что опека у крестьянъ представляетъ учрежденіе юридическое, и что сами крестьяне сознаютъ неудовлетворительное состояніе у нихъ опеки; наконецъ, по мнѣнію И. Г. Тимофеева [2]), уже въ силу одного того, что институтъ опеки у крестьянъ пользуется защитою суда, примѣняющаго по вопросамъ опеки однообразныя обычно-правовыя нормы, онъ несомнѣнно является юридическимъ.

Имѣющіеся же у насъ матеріалы по обычному праву съ большой опредѣленностью и точностью указываютъ на то, что институтъ опеки во многихъ мѣстностяхъ не только имѣетъ мѣсто какъ институтъ строго юридическій, но и допускаетъ возможность представить его въ извѣстной системѣ, принятой при изложеніи института опеки въ оффиціальномъ гражданскомъ правѣ.

Въ зависимости отъ матеріальнаго основанія и государственнаго характера, которые въ большинствѣ случаевъ присущи крестянской опекѣ, находится и то практическое значеніе, какое имѣетъ опека въ крестьянскомъ быту: «Опека у насъ имѣетъ то же значеніе, какъ и въ кругу интеллигенціи» (Волог. губ.); «она имѣетъ весьма важное юридическое значеніе у крестьянъ и довольно распространена между ними» (Калужская губ., Козельск. у.); «опека — средство сберечь, до совершеннолѣтія дѣтей, то имущество, которое осталось въ ихъ пользу послѣ смерти родителей;—міръ изъ жалости къ сиротамъ долженъ устраивать опеку—безъ опеки все растащили бы; всякій, кому не лѣнь, бралъ бы у него, потому какъ онъ не разуменъ» (Яросл. губ., Ростовск. у.). По словамъ одного крестьянина, спрошеннаго объ опекѣ, она у нихъ имѣетъ двоякое значеніе, какъ для самихъ малолѣтнихъ, такъ и для ихъ имущества: «въ первомъ случаѣ опека назначается, чтобы присмотрѣть за ребятишками-сиротами, а то, пожалуй, изболтаются, что и въ пастухи не годны будутъ; креститься и молиться некому будетъ научить».—Это по отношенію къ личности сиротъ, а вотъ взглядъ того же крестьянина на опеку надъ имуществомъ ихъ: «и настоящій хозяинъ есть надъ имѣньишкомъ, такъ и то трудно уберечь; плыветъ во всѣ стороны, какъ вода—то самъ чего не догля-

---

[1]) «Юридическій Вѣстникъ» 1887 г. №№ 9 и 10.

[2]) И. Г. Тимофеевъ. «Опека въ обычномъ правѣ крестьянъ»—«Вѣстникъ Права» 1903 г., кн. V, стр. 8.

дитъ, то люди норовятъ утянуть да урвать что-нибудь: а ну-ка, оставь сиротское добро безъ призору, такъ пока мальчикъ то ростетъ, у него ничего и не будетъ, не къ чему станетъ и гнѣздо прививать; на первыхъ порахъ хоть воровать иди; ну, а какъ дашь кому на сохраненіе, назначишь опеку, тогда все надежнѣе, — хоть всего и не убережешь, а все что-нибудь да останется. Выйдутъ ребята путевыя,—глядишь, и есть къ чему пристать; да и родителей по крайности ругать не будутъ, а то, пожалуй, скажутъ: вотъ какіе были—нарожать нарожали, а кромѣ земли и воды ничего въ наслѣдство не оставили» (Новгородск. губ., Череповецк. у.).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что по нашимъ даннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не выработались однообразныя правовыя нормы относительно опеки, вслѣдствіе ли отмѣченныхъ выше условій или же просто вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующей практики: по этой причинѣ въ этнографическихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ умаленіе значенія опеки или иногда полное ея отрицаніе, напр.: «опека большого значенія въ крестьянскомъ быту не имѣетъ», «случаи ея очень рѣдки», «они единичны» и т. д. Но вообще, понятіе опеки извѣстно большинству крестьянъ: со словомъ «опека» крестьяне сроднились и придаютъ ей то значеніе, какое она имѣетъ по закону (Саратовск. губ., Хвалынск. у.); глядя на нее, какъ на защиту малолѣтнихъ крестьянскихъ сиротъ, ее называютъ иногда «защитой», «попечительствомъ» [1]), говорятъ: «нашли защиту», «нашли кормильца» вмѣсто: «нашли опекуна».

Иногда слово опека замѣняется выраженіемъ, «отдача на руки», «поруки» (Костромск. губ., Галичск. у.), «на воспитаніе», «на выростъ», опекуновъ часто называютъ опекунами, блюстителями, наблюдателями.

§ 2. Учрежденіе опеки, виды ея: 1) tutela testamentaria; 2) tutela legitima: материнская опека, опека отчима, опека родственниковъ, 3) tutela dativa: большая и малая семья; число опекуновъ; самоустраненіе и устраненіе опекуновъ.

Призваніе къ опекѣ можетъ совершаться или въ силу распоряженія родителей, или въ силу закона, или по назначенію властей,

---

[1]) Въ оффиціальномъ гражданскомъ правѣ терминъ «попечительство» служитъ для обозначенія института, отличнаго отъ института опеки: различіе въ немъ между опекой и попечительствомъ сводится къ тому, что опекунъ представляетъ личность опекаемаго, попечитель же только дополняетъ собою эту личность: обычное право не знаетъ такого различія: впрочемъ, есть исключенія, но весьма рѣдкія.

и сообразно съ этимъ наше обычное право, какъ и классическое римское, знаетъ три вида опеки: опеку завѣщательную (tutela testamentaria), опеку законную (tutela legitima) и опеку по назначенію (tutela dativa).

1. Опека завѣщательная въ обычномъ правѣ встрѣчается не часто, въ силу того, что самыя завѣщанія въ средѣ крестьянъ по ихъ малограмотности и имущественной необезпеченности, составляются очень рѣдко: только относительно нѣкоторыхъ уѣздовъ, какъ напр. Юхновскаго, Краснинскаго, Карачевскаго, Скопинскаго, Галичскаго, Калужскаго, мы встрѣчаемъ въ «матеріалахъ» лаконическія указанія на существованіе въ нихъ завѣщательной опеки: въ духовномъ завѣщаніи опекунами назначаются лица, пользующіяся полнымъ довѣріемъ завѣщателя: такимъ довѣріемъ можетъ пользоваться не только близкій родственникъ, но и совершенно посторонній человѣкъ (Череповецкій уѣздъ).

Иногда крестьяне, вмѣсто письменныхъ завѣщаній, лично просятъ передъ смертью своихъ сосѣдей не обижать и не оставлять безъ пріюта сиротъ: сосѣди даютъ какъ бы клятву умирающему заботиться и не обижать его дѣтей и свято исполнять данный обѣтъ (Псковск. губ.). Есть, далѣе, мѣстности, въ которыхъ передъ смертью состоятельнаго крестьянина призываютъ священника, которому умирающій передъ исповѣдью говоритъ при свидѣтеляхъ, на кого онъ покидаетъ своихъ дѣтей: священникъ записываетъ его слова и призываетъ къ себѣ того человѣка, которому покойнымъ поручено воспитаніе: обыкновенно же родственникъ или знакомый, предназначенный въ опекуны, самъ присутствуетъ при послѣднихъ распоряженіяхъ умирающаго.

Само собою разумѣется, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ извѣстна tutela testamentaria, она фактически осуществляется лишь съ соизволенія сельскаго схода.

Чаще всего матеріалы вовсе умалчиваютъ о завѣщательной опекѣ или говорятъ: «завѣщаній для назначенія опеки не обнаруживается» (Грязовецкій, Тихвинскій у.), волею родителей или по духовному завѣщанію опекуны не назначаются (Керенскій, Саранскій, Пензенскій, Орловскій уѣзды) и т. д.

2. Опека законная. За отсутствіемъ опекуновъ, назначенныхъ въ завѣщаніи, а ихъ, какъ мы видѣли, въ крестьянскомъ быту, очень мало, къ опекѣ призываются, по общему правилу, тѣ, которые вовсе не нуждаются въ особомъ утвержденіи: сюда, прежде всего, относится оставшійся въ живыхъ родитель, вступающій въ свои права въ силу родительской власти — это правило является общимъ,

и даже вторичное замужество матери не измѣняетъ положенія дѣтей, такъ какъ хозяйкой двора въ такихъ случаяхъ считается мать (Юхновскій, Хвалынскій, Краснинскій уѣзды): — «дѣти слѣдуютъ за матерью» (Керенскій у.) «со всѣмъ имуществомъ» (Дмитровскій, Карачевскій у.); «большею частью мальчики остаются въ отцовской семьѣ и если уходятъ съ матерью, то черезъ нѣсколько лѣтъ возвращаются въ семью отца, дѣвочки же почти всегда идутъ съ матерью» (Жиздринскій у.).

Отношеніе малолѣтнихъ сиротъ къ отчиму опредѣляется двоякимъ образомъ: или мать или иное замѣняющее ее лицо продолжаетъ оставаться опекуномъ (Солигаличскій, Дорогобужскій, Орловскій (Вятской губ.), Хвалынскій, Саратовскій, Спасскій уѣзды) и дѣти вовсе не поступаютъ подъ опеку къ своему отчиму, или же наоборотъ: опека отъ матери или иного опекуна переходитъ къ отчиму во всѣхъ случаяхъ, имущество малолѣтнихъ соединяется съ имуществомъ отчима, и тогда положеніе сиротъ незавидное, въ особенности если у отчима свои дѣти отъ перваго брака (Сызранскій, Юхновскій, Болховской уѣзды). Отмѣтимъ характерный обычай въ отношеніи опеки матери и отчима, встрѣчающійся во многихъ мѣстностяхъ: если мать-опекунша вторично выходитъ замужъ за односельца и если онъ заслуживаетъ уваженія общества, то опекуномъ можетъ быть избранъ онъ; если отчимъ уваженія не заслуживаетъ, то и мать отстраняется отъ опекунства, и опекуномъ назначаются или ближайшій родственникъ малолѣтнихъ, или посторонній человѣкъ: этотъ взглядъ крестьянъ вытекаетъ, по мнѣнію корреспондента, изъ соображенія, что «мужъ и жена — одна сатана», т. е. что при плохомъ мужѣ и жена становится плохой опекуншей (Карачевскій, Нижегородскій, Скопинскій, Богородицкій, Кромской уѣзды).

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ опекунскія права переходятъ къ отчиму не всецѣло; такъ часто въ руки отчима-опекуна отдается недвижимое имущество, а деньги ему не вручаются: «особенно при уходѣ вдовы въ другую общину имущество остается на рукахъ прежняго опекуна, кромѣ доли, признанной принадлежащей самой вдовѣ; если, далѣе, у вдовы, выходящей вторично замужъ за крестьянина другой общины, есть дѣти-мальчики, то земля ихъ поступаетъ во временное владѣніе міра до ихъ возраста, такъ что они могутъ впослѣдствіи возвратиться, если же остаются однѣ дѣвочки, то земля поступаетъ въ полную собственность міра» (Владимірская губ., Юрьевскій уѣздъ).

Иногда замѣчается слѣдующій обычай: если мать имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, то она сама и ея мужъ опекаютъ сиротъ: когда

же дѣти взрослыя, но несовершеннолѣтнія, то никогда почти опека не передается матери и отчиму, а назначается особый опекунъ.

Независимо отъ приведенныхъ нами причинъ, ведущихъ къ устраненію матери отъ tutela legitima, она въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вообще не можетъ быть tutor—ни legitimus, ни dativus: крестьяне иногда вовсе отрицаютъ за ней право на опеку: «Извѣстное дѣло баба. Волосъ дологъ, да умъ коротокъ; вести хозяйство надо имѣть умственность, умъ, разумъ, а то гонится за копейкой и теряетъ рубль»—говорили крестьяне по одному случаю въ Карачевскомъ уѣздѣ. «Мать опекуншей въ данной мѣстности не считается» (Вятская губ., Котельничскій уѣздъ), «мать опекуншей не назначается» (Костромская губ., Галичскій уѣздъ). Если же общество само по себѣ не вмѣшивается въ принятіе матерью опекунскихъ обязанностей, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не допускаютъ вдову быть опекуномъ родственники; что же касается отца, то опека всегда и вездѣ его право и обязанность: онъ въ собственномъ интересѣ заботится о сохранности имущества малолѣтнихъ, управляетъ этимъ имуществомъ по свободному усмотрѣнію; надъ его дѣйствіями не существуетъ никакого контроля, мірская власть и родственники не вмѣшиваются въ веденіе отцомъ хозяйства малолѣтняго, лишившагося матери [1]).

Относительно материнской опеки, имѣющей мѣсто въ случаѣ смерти отца, судя по имѣющимся у насъ даннымъ, слѣдуетъ сказать, что она представляетъ собою институтъ sui generis, видоизмѣняющійся въ зависимости отъ взгляда данной среды на женщину.

Съ одной стороны, въ большинствѣ мѣстностей распространенъ принципъ, что мать—естественная опекунша своихъ дѣтей: «крестьяне не контролируютъ ея дѣйствій», «крестьяне считаютъ материнскую опеку чисто домашнимъ, семейнымъ дѣломъ—міру тутъ соваться нечего, потому какъ родная мать» (Ростовскій, Хвалынскій, Юхновскій, Спасскій, Козельскій уѣзды), «опекуны всегда ближайшіе родственники, а мать какъ хозяйка, безъ опеки» (Ка-

[1]) Впрочемъ П. Г. Тимофеевъ («Вѣстн. Пр.» 1903 г. май—іюнь) на основаніи подлиннаго дѣла Констан. вол. суда, Угличскаго у., Ярославской губ. 1886 г., № 8, выводитъ слѣдующее исключеніе изъ приведеннаго правила: когда послѣ смерти матери должно перейти малолѣтней дочери имущество, тогда къ дочери, оставшейся съ отцомъ-вдовцомъ, для охраны перешедшаго ей имущества отъ покойной матери, назначается отъ общества опекунъ. Въ «этнографическихъ матеріалахъ» указаній на такой именно случай мы не встрѣтили, хотя нашли указаніе на назначеніе въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., опеки надъ сиротами вообще при жизни отца.

рачевскій уѣздъ), если мать и назначается (tutela dativa) опекуншей, то это назначеніе имѣетъ мѣсто только для формальности (Керенскій уѣздъ). Съ другой стороны, въ обычномъ правѣ мать не безусловно считается tutor legitimus; «она имѣетъ лишь преимущественное право передъ другими родственниками на опеку, и это право можетъ быть оспариваемо», «она всегда считается естественной опекуншей, если только въ состояніи вести хозяйство» (Одоевскій, Юхновскій уѣзды): «ей поручается опека, если она поведенія честнаго (Грязовецкій уѣздъ), «если она достойная женщина» (Краснинскій уѣздъ); далѣе, мать вдова считается естественной опекуншей своихъ дѣтей лишь до вступленія во второй бракъ; по вступленіи же въ бракъ она отъ опеки устраняется; этотъ принципъ, коренящійся въ правосознаніи народа еще со временъ глубокой древности [1]), выработанный долголѣтней практикой, является очень распространенымъ въ крестьянскомъ быту (Нижегородская губ., Вятская губ., Калужская губ., Козельскій уѣздъ, Орловскій уѣздъ); однако во многихъ мѣстностяхъ онъ допускаетъ не только нѣкоторыя небольшія изъятія, но иногда и вовсе не примѣняется: въ Грязовецкомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, въ случаѣ вторичнаго выхода замужъ мать продолжаетъ оставаться опекуншей, хотя за ней наблюдаютъ родственники малолѣтнихъ, которые во всякое время могутъ остановить ея незаконныя дѣйствія черезъ мѣстное начальство; въ Алатырскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи существуетъ обычай, въ силу котораго, когда у вдовы есть свекоръ или деверья, то хотя бы она и вздумала итти замужъ, опекуна надъ ея дѣтьми не избираютъ: въ Одоевскомъ уѣздѣ при выходѣ вторично замужъ мать не теряетъ права быть опекуншей; нерѣдко, однако, встрѣчается и обратный обычай, въ особенности, если мать еще молода и не особенно скромнаго поведенія (Череповецкій уѣздъ).

Въ Болховскомъ уѣздѣ мать, правда, считаютъ опекуншей, но все-таки за ея хозяйствомъ присматриваетъ выбранный обществомъ человѣкъ, который долженъ помогать опекуншѣ своими совѣтами и руководить дѣлами по хозяйственной части; то же самое мы видимъ и въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи: «бываетъ, что если хоть одинъ малолѣтній, то и при матери съ нѣсколькими взрослыми выбираютъ опекуна».

---

[1]) «Русская Правда», Троицкій сп., ст. 129; «аже будутъ въ дому дѣти мали, а не джи (не могутъ) ся будутъ сами собою печаловати, а мати ихъ пойдетъ замужъ, то кто имъ ближе будетъ, тому же дати на руци и съ добыткомъ и съ домомъ, доколиже возмогутъ.

Иногда опекунскія права матери ограничиваются лишь личностью сиротъ, а въ отношеніи имущества въ права опеки вступаетъ особый назначенный къ тому міромъ опекунъ (Макарьевскій, Кандиковскій, Череповецкій уѣзды); такой опекунъ распоряжается средствами, оставшимися послѣ смерти отца малолѣтняго, главнымъ образомъ въ интересахъ сироты, а не матери: приведемъ примѣръ: умеръ крестьянинъ X., оставивъ годового мальчика съ матерью: назначили ему опекуна дальняго родственника: цѣлый годъ мать малютки съ сыномъ жила на средства, оставшіяся послѣ смерти мужа: опекунъ выдавалъ ей опредѣленную сумму деньгами и хлѣбомъ, остальное же складывалъ въ кассу: черезъ годъ молодая вдова вышла замужъ въ другую деревню и переселилась съ малюткой къ мужу; такъ какъ мать сироты содержалась уже на средства новаго мужа, то ей начали выдавать деньги только для малютки—5 рублей въ годъ: черезъ 2 года отчимъ не пожелалъ держать у себя ребенка, и бѣдная мать принуждена была отдать его опекуну, который и заботился о немъ (Обоянскій уѣздъ).

Есть мѣстности, въ которыхъ материнская опека возникаетъ въ зависимости отъ желанія самихъ малолѣтнихъ, которые могутъ, если захотятъ, перейти къ сосѣдямъ (Котельничскій, Череповецкій уѣзды).

Изложенныя ограниченія, касающіяся материнской опеки, еще чаще встрѣчаются, когда дѣло идетъ о мачихѣ.

Такова въ высшей степени разнообразная практика материнской опеки, всевозможные виды которой выработались въ крестьянскомъ быту въ силу разнообразныхъ культурно-правовыхъ причинъ, видимую роль въ дѣлѣ установленія той или иной практики играютъ земскіе начальники, призванные закономъ 1889 г.: «они назначаютъ часто опекуна всегда послѣ смерти отца» (Алатырскій уѣздъ).

Въ противоположность оффиціальному гражданскому праву, въ которомъ законная опека развита весьма слабо и не идетъ дальше родителей, обычное право допускаетъ значительное участіе родственниковъ въ качествѣ tutores legitimi. «Въ случаѣ смерти отца и матери, по большей части, остаются въ домѣ другіе члены семьи — родители, братья, взрослыя дѣти умершихъ, къ одному изъ которыхъ переходитъ обыкновенно право надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ» (Владимірская губ., Юрьевскій уѣздъ): въ права родителей вступаютъ старшіе въ семействѣ, дяди, тетки, вообще тѣ, кто въ домѣ взрослый (Галичскій, Елатомскій уѣзды), только у тѣхъ, у кого никакихъ родственниковъ не осталось или оставшійся, единственный взрослый, глава семьи, — больной, идіотъ,

слѣпой, ведетъ нетрезвую и вообще порочную жизнь или не можетъ вести хозяйство, назначается опека по приговору, т. е. возникаетъ tutela dativa (Дмитровскій, Дорогобужскій уѣзды); если въ большой семьѣ живъ дѣдъ и умеръ одинъ изъ его сыновей, то дѣдъ вступаетъ въ опекунскія права какъ tutor legitimus (Одоевскій уѣздъ). Далѣе, въ силу особыхъ условій крестьянской жизни, сближающихъ родственную связь со связью экономической, всякій родственникъ можетъ сдѣлаться tutor legitimus, если онъ жилъ съ покойными родителями сиротъ однимъ хозяйствомъ и имѣетъ долю въ общемъ семейномъ имуществѣ (Юхновскій уѣздъ). Такой родственникъ вступаетъ въ права хозяина двора и безконтрольно распоряжается семейнымъ имуществомъ, не отдавая никому отчета; онъ не считается опекуномъ сиротъ, а лицомъ, замѣняющимъ имъ отца, исправляющимъ обязанности хозяина двора, владѣющаго общимъ имуществомъ, почему общество и не вмѣшивается въ его дѣла—это явленіе мы замѣчаемъ во многихъ мѣстностяхъ. Съ другой стороны, однако, опекунскія права родственниковъ осуществляются иногда при ближайшемъ надзорѣ общества (Вологодская, Орловская губ.); такъ «одна дѣвица послѣ смерти родителей распоряжалась всѣмъ хозяйствомъ, и общество ей не мѣшало; но когда она вздумала продать часть земли для нарядовъ себѣ въ приданое, оно ей воспретило, на томъ основаніи, что у нея есть меньшія сестры,—точно также и старшій братъ можетъ распоряжаться только одной своей частью, а остальныя долженъ сохранить для своихъ братьевъ» (Орловская губ.).

3. Опека по назначенію: Если нѣтъ опекуна, призваннаго распоряженіемъ родителей, и не можетъ имѣть мѣсто опека законная, возникаетъ tutela dativa.

Назначеніе опекуновъ большею частью всецѣло зависитъ отъ міра (Краснинскій, Кромской, Вологодскій, Спасскій, Богородицкій, Болховской, Юхновскій и др. уѣзды); опекунъ избирается сходомъ (Буйскій уѣздъ)—въ этомъ отношеніи практика обычнаго права не расходится съ п. 6 ст. 62 Общ. пол. о кр. 1902 г., предписывающей опекунское дѣло вѣдать сельскому сходу. Міръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всевластенъ въ отношеніи назначенія опекуновъ: онъ имѣетъ право устранять отъ опеки не только близкихъ родственниковъ, но даже и мать; онъ можетъ аннулировать всякое завѣщательное распоряженіе, касающееся опеки: въ такомъ случаѣ всякая опека носитъ характеръ tutela dativa: «безъ приговора общества никто не можетъ быть опекуномъ, даже въ случаѣ назначенія кого либо таковымъ въ самомъ духовномъ завѣщаніи умершаго» (Нижегородская губ.).

Есть мѣстности, въ которыхъ опекуны назнаются сиротскимъ судомъ, или земскимъ начальникомъ, или какимъ нибудь крестьянскимъ административнымъ лицомъ, или волостнымъ судомъ.

Инициатива назначенія опеки по обычному праву принадлежитъ родственнику или всякому заинтересованному лицу, даже всякому желающему, или лишь опредѣленнымъ крестьянскимъ властямъ: встрѣчаются такіе случаи, хотя и очень рѣдко, когда инициатива назначенія опеки принадлежитъ только самимъ малолѣтнимъ: «въ крестьянскомъ быту, когда родители помираютъ и сироты не догадаются сами или не подумаютъ другіе заявить, чтобы имъ назначили опекуна, то малолѣтніе остаются на свой произволъ жить какъ угодно» (Устюжскій уѣздъ).

Опекуны могутъ быть опредѣляемы какъ изъ ближайшихъ и дальнихъ родственниковъ, такъ и изъ лицъ совершенно постороннихъ для малолѣтнихъ сиротъ: крестьянская практика въ этомъ отношеніи въ высшей степени разнообразна и находится въ зависимости отъ того или иного взгляда крестьянъ на степень принудительности опекунскихъ обязанностей, возлагаемыхъ властью, а также отъ степени состоятельности малолѣтнихъ сиротъ.

По общему правилу, опекуны избираются изъ числа родственниковъ преимущественно ближайшихъ, связанныхъ съ малолѣтними сиротами не только кровною связью, но и хозяйственными интересами: «опекуномъ обыкновенно назначается изъ той же деревни ближайшій родственникъ:—хотя бы онъ и отказался, общество его заставитъ» (Вологодская губ.: уѣзды—Орловскій, Хвалынскій, Алатырскій, Зубцовскій, Орловскій, Вятской губ., Карачевскій); «заботы объ участи круглыхъ сиротъ переходятъ къ ближайшимъ родственникамъ, изъ которыхъ наиболѣе подходящій назначается обществомъ опекуномъ» (Кадниковскій уѣздъ); часто бываетъ такъ, что если сироты мальчики, то опекунами назначаются близкіе родственники со стороны отца, а если дѣвочки, то со стороны матери (Череповецкій уѣздъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, если у малолѣтнихъ нѣтъ вовсе близкихъ родственниковъ, опека изъ дальнихъ родственниковъ совершенно не имѣетъ мѣста,—а малолѣтніе со всѣмъ ихъ имуществомъ отдаются на попеченіе того, кто ихъ къ себѣ приметъ (Алатырскій уѣздъ), а иногда опека назначается обществомъ изъ дальнихъ родственниковъ или постороннихъ лицъ, безъ предпочтенія первыхъ вторымъ (Болховской уѣздъ).

Близкіе родственники, судя по нашимъ даннымъ, не всегда однако назначаются опекунами (Зубцовскій уѣздъ).

Иногда различія между ближайшими и дальними родственниками вовсе не дѣлается (Дмитровскій, Грязовецкій уѣзды); такъ какъ сходъ при назначеніи опекуна руководствуется не одною степенью родства, а и нравственностью этихъ родственниковъ, то бываютъ случаи, что опекуномъ назначаютъ болѣе дальняго, если близкій не заслуживаетъ довѣрія:

«Въ деревнѣ Песьѣ, Новгородской губерніи, опекуномъ надъ двумя сиротами былъ выбранъ обществомъ не ближайшій родственникъ, каковымъ былъ братъ умершаго, а его старшій дядя. Первый любилъ выпить, да и человѣкъ, по выраженію сосѣдей, расхожій; а второй былъ трезвый и мужикъ кряжъ, т. е. очень разсчетливый и скупой».

«Въ деревнѣ Соволѣ, той же губерніи, къ такимъ же сиротамъ назначили не брата умершаго, а его выданную замужъ сестру и ея мужа».

Такъ какъ опека очень часто понимается крестьянами, какъ munus publicum, къ ней привлекаются и постороннія лица, независимо отъ того, остались ли у сиротъ близкіе и дальніе родственники (Котельничскій, Кромской, Устюжскій, Спасскій, Богородицкій, Краснинскій, Саранскій и мн. др. уѣзды).

«Бываетъ такъ, что у сиротъ остается порядочное имущество, и тогда родня лѣзетъ въ опекунство; но сходъ, видя заднія мысли опекуна, устраняетъ его вовсе и выбираетъ другое, постороннее сиротамъ лицо» (Козельскій уѣздъ).

Говоря объ установленіи крестьянской опеки, необходимо указать на различія между опекой въ большой и малой семьѣ, хотя различія эти встрѣчаются рѣдко, такъ какъ при распространенности семейныхъ раздѣловъ — большихъ семей очень мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большой семьѣ, гдѣ обыкновенно имѣются старшіе, опека вовсе не назначается (см. tutela legitima), и только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ малъ-мала меньше или взрослый не обладаетъ необходимымъ качествомъ для веденія хозяйства, или когда малолѣтнихъ сиротъ коснутся судебныя дѣла по имуществу ихъ родителей — имѣетъ мѣсто опека (Краснинскій уѣздъ). Иногда различіе между большой и малой семьей сказывается въ томъ, что въ большой семьѣ, когда имущество не находится въ раздѣлѣ, опекуномъ всегда назначается дядя сиротъ (Рязанская губ., Скопинскій уѣздъ). Есть мѣстности, въ которыхъ къ большимъ семьямъ опекунами назначаются лица, наиболѣе состоятельныя, а къ малымъ — побѣднѣе (Спасскій уѣздъ).

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самое названіе «опеки» относится исключительно къ tutela dativa, какъ

будто остальные виды опеки—tutela testamentaria и tutela legitima—не представляютъ собою опеки (Тамбовская губ., Елатомскій уѣздъ): объясненіе этого заключается въ томъ, что здѣсь завѣщательная и законная опека—дѣло семейное, и не было такихъ случаевъ, чтобы родственники отказались отъ попеченія о сиротахъ.

Обыкновенно назначается одинъ опекунъ; но бываетъ, что назначаютъ двухъ или трехъ опекуновъ, въ томъ случаѣ, если оставшееся имущество представляетъ значительную цѣнность (Карачевскій, Череповецкій уѣзды): одинъ изъ этихъ опекуновъ можетъ быть родственникомъ сироты, а другой совершенно постороннимъ ему лицомъ (Ярославская губ.). Если имѣется нѣсколько опекуновъ, то дѣйствія ихъ должны быть солидарны, и всѣ распоряженія и жалобы должны быть подписаны всѣми опекунами.

> Въ с. Луковицѣ, Череповецкаго уѣзда, умеръ довольно богатый крестьянинъ, оставивъ послѣ себя жену и трехъ дѣтей; опекунами были назначены черезъ волостной судъ вдова и два брата умершаго: вдовѣ хотѣлось быть одной опекуншей и безконтрольной хозяйкой... «Нѣтъ, шалишь, матушка, говорили ея девери,—чтобы мы допустили одну быть опекуншей: ты, пожалуй, доопекаешь, что черезъ годъ, пожалуй, и опекать будетъ нечего». Опекуны составили подробную опись всего оставшагося имущества, которую отдали на храненіе въ волостное правленіе, а каждый изъ нихъ взялъ себѣ засвидѣтельствованную копію. —«Вотъ тебѣ дѣти, говорили они,—все добро и хозяйство у тебя остается, можешь имъ распоряжаться, только тратить не смѣй». Часть денегъ послѣ умершаго они положили въ сберегательную кассу для дѣтей, а часть выдали ей на руки для продолженія торговли, которую велъ ея покойный мужъ. Небольшіе расходы, напр., по хозяйству она производитъ сама по себѣ, не спрашивая ихъ, а серьезное дѣло безъ этихъ двухъ братьевъ предпринять не можетъ».

Въ Вологодскомъ уѣздѣ одинъ изъ двухъ опекуновъ носитъ названіе попечителя, повидимому, потому, что его участіе въ опекѣ ограничивается лишь совѣтомъ.

Въ крестьянскомъ обычномъ правѣ, какъ мы видѣли выше, во многихъ мѣстняхъ существуетъ воззрѣніе на опеку, какъ на учрежденіе общественное, и отъ исполненія опекунскихъ обязанностей самовольно уклоняться нельзя: необходимы достаточныя причины, освобождающія отъ опекунскихъ обязанностей; въ матеріалахъ эт-

нографическихъ мы не нашли, однако, случаевъ такого самоустраненія [1]).

На ряду съ приведеннымъ воззрѣніемъ въ крестьянской практикѣ мы встрѣчаемъ принципъ совершенно противоположный: «насильно никого не заставишь беречь чужое добро и водиться съ чужими ребятишками». «Насильно навязать сиротъ—одинъ грѣхъ выйдетъ, такъ какъ насильно принявшій опеку можетъ не радѣть какъ относительно имущества, такъ и относительно воспитанія опекаемыхъ».

Крестьяне отличаютъ опеку отъ попеченія и поэтому принужденіе является распространеннымъ лишь по отношенію къ опекѣ, а не къ попеченію (Кадниковскій, Ростовскій уѣзды). Впрочемъ, и къ воспитанію могутъ приневолить, при соблюденіи однако со стороны властей извѣстныхъ условій; такъ въ Козельскомъ уѣздѣ существуетъ слѣдующій порядокъ:

> «Если у малолѣтнихъ недостаточно земли и имущества, чтобы прокормиться, т. е. если они будутъ въ тягость небогатому и безъ того опекуну, земскій начальникъ, по донесенію волостного правленія, обязываетъ весь сельскій сходъ давать пособіе опекуну, обыкновенно натурой, наприм. въ годъ двѣ-три мѣры картофеля и т. д. со всего селенія. Это совершенно необременительно для селенія, а между тѣмъ даетъ опекуну возможность безъ особыхъ затратъ вскормить сироту».

Кромѣ лицъ, устраняющихъ себя отъ опеки и попеченія, крестьянское обычное право знаетъ не мало лицъ, вовсе не допускаемыхъ къ опекѣ самимъ обычаемъ, какъ неспособныхъ къ ней (см. особое условіе материнской опеки, стр. 136 и сл.). Матеріалы указываютъ на то, что «опекунъ долженъ быть честный» (Вологодскій уѣздъ), «преимущественно состоятельнымъ» (Саранскій уѣз.), «благонадежнымъ въ нравственномъ и имущественномъ отношеніи» (Нижегородскій уѣздъ), «необремененнымъ большой семьей» (Порховской уѣздъ), «стоющимъ человѣкомъ» и т. д. и т. д. При отсутствіи этихъ качествъ не можетъ состояться назначеніе на «должность опекуна»; съ другой стороны, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назначаются люди «большею частью» недобросовѣстные, потому что здѣсь добросовѣстные всегда отказываются отъ опеки, боясь возможныхъ нареканій и хлопотъ.

---

[1]) С. В. Пахманъ («Обычное гражданское право въ Россіи») указываетъ лишь на одинъ случай (Рѣшеніе вол. суда Саратовской губ.), изъ коего видно, что волостной судъ по просьбѣ опекуна, вслѣдствіе преклонности его лѣтъ, назначаетъ на его мѣсто другого.

§ 3. Общественное призрѣніе и частная благотворительность у крестьянъ; организація ихъ. Различіе между мальчиками и дѣвочками въ отношеніи попеченія и опеки.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣетъ мѣста юридическая опека, возникаетъ частное и общественное призрѣніе: въ крестьянскомъ быту оно вовсе не организовано, и по отношенію къ крестьянской благотворительности можно сказать: «что ни деревня, то свой обычай». Мы будемъ для иллюстраціи института общественнаго призрѣнія и частной благотворительности приводить подлинныя сообщенія корреспондентовъ.

«Когда остаются круглые сироты безъ всякаго имущества, почти всегда находятся люди, которые берутъ ихъ къ себѣ въ дѣти и, насколько извѣстно, обращаются съ такими сиротами очень хорошо» (Жиздринскій уѣздъ).

Но есть мѣстности, гдѣ

«Совершенно неимущіе сироты не убытокъ, а прибыль для всякаго опекуна и такихъ берутъ охотнѣе, опредѣляя ихъ прямо на нищенскую сумму, такъ какъ нравственное понятіе у крестьянъ въ данномъ случаѣ совершенно не развито и всѣ находятъ хожденіе ихъ по міру правильнымъ» (Козельскій уѣздъ).

«Сироты весьма часто попадаютъ на воспитаніе къ людямъ безнравственнымъ: послѣдніе эксплоатируютъ ихъ въ свою пользу: сперва посылаютъ собирать милостыню, а съ достиженіемъ ими рабочаго возраста безсовѣстно пользуются ихъ трудомъ» (Керенскій уѣздъ).

«Если сирота богатый, то опекуна назначаютъ міромъ: въ противномъ случаѣ малолѣтняго беретъ кто придется случайно, кто пожалѣетъ сироту; если же никто не пожалѣетъ, не возьметъ, сирота самъ живетъ, собирая милостыню» (Пензенскій, Макарьевскій уѣзды).

Иногда же

«Крестьяне сиротамъ приносятъ кто хлѣба, картофеля, молока, починяютъ всѣмъ селомъ постройку малолѣтнихъ» (Тихвинскій уѣздъ).

Часто дѣятельное участіе въ устроеніи сиротъ принимаютъ міръ или крестьянскія учрежденія:

«Неимущіе круглые сироты, когда ихъ никто не беретъ на содержаніе, остаются, по выраженію крестьянъ, на мірской шеѣ: общество за денежное вознагражденіе или натурою (даетъ въ пользованіе клокъ земли) помѣщаетъ сиротъ къ кому либо изъ однообщественниковъ, съ согласія послѣднихъ или же содержитъ сиротъ по очереди; тогда они кочуютъ по селу изъ двора во дворъ, пока они не достигнутъ рабочаго возраста» (Скопинскій уѣздъ).

«Иногда общество беретъ на себя прокормленіе сироты, за что сиротская земля идетъ на общество—и въ такомъ случаѣ несчастный ребенокъ переходитъ изъ двора во дворъ поочередно, а одежду получаетъ тоже отъ общества, сообразно тому доходу, который можетъ дать земля» (Орловск. губ.).

«Распоряженія міра бываютъ разными, смотря по обстоятельствамъ: такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Кочкинѣ разъ осталась семья, состоящая изъ мальчика 16 лѣтъ и дѣтей младшаго возраста; міръ поддерживалъ мальчика въ теченіе полугода, затѣмъ женилъ его и предоставилъ ему опеку надъ малолѣтними братьями и сестрами» (Пошехонскій уѣздъ).

«Селеніе отдаетъ сиротъ на воспитаніе зажиточнымъ крестьянамъ, за что тѣ и пользуются ихъ землей и трудомъ, а постройку или отдаютъ внаймы, или же, съ разрѣшенія волостного старшины, продаютъ; вырученныя деньги идутъ въ сберегательную кассу; въ награду за хлопоты селеніе освобождаетъ воспитателя отъ какихъ либо общественныхъ повинностей или отдаетъ ему въ аренду недѣльную землю малолѣтнихъ, а всѣ повинности по этой землѣ общество беретъ на себя» (Одоевскій, Болховской, Псковскій и Порховской уѣзды).

«Сельскій сходъ опредѣляетъ сумму, необходимую на воспитаніе дѣтей, и раскладываетъ поровну на платящую душу въ обществѣ» (Солигаличскій, Юхновскій, Зубцовскій у.).

«Селеніе отдаетъ сиротъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ подпаски; иногда дѣвочки идутъ въ няньки; земля же отдается въ аренду» (Ростовскій уѣздъ).

«Въ случаѣ отказа опекуна волостное правленіе обязываетъ сосѣдей воспитывать сиротъ поочередно: съ міру по ниткѣ—голому рубаха» (Устюжскій уѣздъ).

«Бываютъ и такіе случаи, что никто не хочетъ брать на себя роли опекуна; тогда сходъ постановляетъ всѣмъ міромъ присматривать за сиротами, а имущество отдается кому-нибудь изъ вѣрныхъ людей на сохраненіе по описи» (Череповецкій уѣздъ).

«Если у сиротъ не осталось никакого имущества и нѣтъ земельнаго надѣла, общество можетъ установить ежегодный сборъ въ пользу сиротъ до того времени, въ которомъ можно зарабатывать себѣ на пропитаніе» (Карачевскій у.).

«За неимущихъ сиротъ воспитателю платитъ общество» (Богородицкій уѣздъ)... «назначая на прокормленіе никогда не больше 1 руб. 80 коп. въ мѣсяцъ» (Керенскій у.).

«Міръ даетъ на каждаго сироту по $1^1/_2$ пуда муки въ мѣсяцъ, мѣрку картофеля, 10 фунтовъ крупы, $1^1/_2$ фунта конопляннаго масла и 1 рубль на одежду».

Въ «матеріалахъ» мы встрѣчаемъ указанія на то, что міръ иногда о неимущихъ сиротахъ заботится мало, или вовсе не заботится:

«Міръ мало заботится о пропитаніи и воспитаніи сиротъ» (Ярославскій, Пошехонскій уѣзды).

«Если сироты не будутъ приняты кѣмъ либо, то ходятъ по міру и собираютъ кусочки, чѣмъ и кормятся» (Хвалынскій, Саратовскій, Нижегородскій, Порховской, Псковскій у.).

Въ отношеніи попеченія, равно какъ и въ отношеніи опеки, между мальчиками и дѣвочками обыкновенно не дѣлается никакого различія (Карачевскій, Краснинскій, Хвалынскій, Орловскій, Юхновскій уѣзды): ибо, какъ говорятъ крестьяне: «ѣсть все равно будутъ, что мальчикъ, что дѣвочка»; впрочемъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мальчиковъ охотнѣе берутъ на воспитаніе (Дорогобужскій, Кромской уѣзды), такъ какъ мальчики съ болѣе раннихъ лѣтъ могутъ приносить опекунамъ и воспитателямъ матеріальный доходъ. (Юхновскій у.), а за дѣвочками надо строго слѣдить, беречь ихъ нравственность, чтобы не быть осужденнымъ, укореннымъ міромъ и хорошими людьми, и въ концѣ-концовъ все равно онѣ не помощницы въ дому, такъ какъ выходятъ замужъ» (Спасскій, Пензенскій, Пронскій уѣзды).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за мальчиками оставляются ихъ душевые надѣлы, а за дѣвочками нѣтъ, въ зависимости отъ этого находится и то предпочтеніе, которое оказывается мальчикамъ передъ дѣвочками, при взятіи ихъ подъ опеку или на воспитаніе.

§ 4. Порядокъ избранія опекуна.

Избраніе опекуна происходитъ слѣдующимъ образомъ: тотчасъ же послѣ смерти родителей, оставившихъ послѣ себя малолѣтнихъ сиротъ, сельскій староста приходитъ въ домъ съ понятыми и производитъ опись оставшагося имущества: опись является необхо-

димой на случай сдачи имущества, вслѣдствіе прекращенія опеки, но она имѣетъ мѣсто не всегда и не вездѣ; затѣмъ на сельскомъ сходѣ рѣшается вопросъ, что изъ имущества слѣдуетъ сохранить и что обратить въ деньги; разрѣшеніе этого вопроса въ высшей степени разнообразно: иногда продаютъ все имущество и деньги отдаются или опекунамъ міромъ подъ проценты (Алатырскій, Вологодскій, Грязовецкій уѣзды), или въ сберегательную кассу, или на храненіе къ старостѣ, или въ банкъ; иногда продаются только вещи, требующія постояннаго ремонта, подверженныя тлѣнію, неудобныя для храненія; въ большинствѣ мѣстностей поступаютъ такъ: движимое имущество сиротъ продаютъ, а недвижимое сдаютъ въ аренду.

О назначеніи опекуна составляется сельскимъ сходомъ приговоръ, къ которому прилагается опись какъ проданнаго, такъ и оставшагося имущества, приговоръ этотъ большею частью хранится при дѣлахъ волостного правленія: иногда онъ представляется для утвержденія земскому начальнику.

«У крестьянина X. умерла жена; послѣ нея остались дѣти — мальчикъ и дѣвочка. X. скоро женился на другой. Родственники умершей жены приходятъ къ волостному старшинѣ, просятъ его распорядиться избраніемъ опекуна надъ имуществомъ умершей до совершеннолѣтія дѣтей — до выроста. Старшина приказываетъ старостѣ произвести опись имущества; староста беретъ писаря, трехъ человѣкъ стариковъ, идетъ къ X. и описываетъ все имущество его жены. Имуществомъ ея признается все приданое, т. е., что она принесла изъ отцовскаго дома съ собой, выходя замужъ, и что пріобрѣтено на кладовыя деньги, напр. коробья, разное бѣлье, верхняя одежда, подареная скотина. На слѣдующемъ сходѣ избирается опекунъ. Опекуномъ выбранъ дѣдъ малолѣтнихъ по отцу. Этотъ опекунъ бережетъ все имущество у себя, пока малолѣтніе подростутъ и сами будутъ распоряжаться имуществомъ» (Симбирск. губ., Алатырскій у.).

«Тотчасъ же послѣ смерти родителей малолѣтнихъ, сельскій староста созываетъ сельскій сходъ и докладываетъ ему объ оставшихся сиротахъ. Сельскій сходъ, выслушавъ это, пріискиваетъ подлежащаго для этой цѣли человѣка изъ родственниковъ умершихъ, принимая при томъ въ соображеніе честность и достаточность пріискиваемыхъ. Найдя таковаго, онъ предлагаетъ ему добровольно принять въ свое распоряженіе какъ имущество малолѣтнихъ, такъ и ихъ самихъ на воспитаніе; послѣдній или соглашается на это добровольно

или же упрашиваетъ міръ его освободить, по невозможности заняться этимъ дѣломъ. Тогда сходъ пріискиваетъ другого родственника, и если таковаго не найдется, то возлагается обязанность опекуна на перваго и противъ его воли. О выборѣ опекуна составляется сходомъ приговоръ, затѣмъ сельскій староста составляетъ приходо-расходную тетрадь (книжку), въ которую и записываетъ на приходъ все имущество малолѣтнихъ и передаетъ таковую опекуну для того, чтобы онъ записывалъ въ нее на приходъ —поступающій доходъ отъ имущества малолѣтнихъ и въ расходъ сумму, употребленную на воспитаніе опекаемыхъ. Имущество малолѣтнихъ передается опекуну подъ росписку по описи, которая и хранится при дѣлахъ общества» (Вологодск. губ., Устюжскій у.).

§ 5. Обязанности опекуна: 1) попеченіе о лицѣ, 2) управленіе имуществомъ малолѣтнихъ и распоряженіе имъ. Наслѣдованіе опекуномъ имущества опекаемыхъ, въ частности слабоумныхъ.

Обязанности опекуна слагаются изъ попеченія о лицѣ и объ имуществѣ питомца; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ избранный опекуномъ долженъ даже дать торжественное въ присутствіи схода обѣщаніе, что «для малолѣтнихъ онъ будетъ вторымъ отцемъ, будетъ пещись о нихъ и беречь добро ихъ» (Пензенск. губ.).

I. Попеченіе о лицѣ. Обязанности опекуна въ этомъ отношеніи заключаются въ заботахъ о содержаніи малолѣтнихъ и въ физическомъ, нравственномъ, религіозномъ и умственномъ ихъ воспитаніи; по выраженію самихъ крестьянъ, «на обязанности опекуна—присмотрѣть за ребятишками-сиротами, а то, пожалуй, изболтаются, что и въ пастухи не годны будутъ, креститься и молиться некому будетъ научить» (Череповецкій уѣздъ).

На содержаніе малолѣтняго и его воспитаніе опекунъ расходуетъ собственныя средства малолѣтняго, которыя составляются (см. выше стр. 149) или изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи имущества опекаемаго, или изъ процентовъ съ капитала, отданнаго въ ростъ, или изъ доходовъ съ недвижимаго имущества, отданнаго въ аренду, или отъ хозяйства. Иногда на содержаніе малолѣтняго просто отводится часть земли, принадлежащей послѣднему. Если средства сироты оказываются недостаточными, то на обязанности опекуна лежитъ забота о призрѣніи его путемъ отдачи въ наемъ частнымъ лицамъ для заработковъ или для обуче-

нія полезному труду; есть мѣстности, гдѣ недостаточныхъ сиротъ отправляютъ просить милостыню Христа ради, и это не считается безнравственнымъ (Тихвинскій, Пензенскій уѣзды). Добываемыя малолѣтними сиротами деньги опекунъ обязанъ тратить на сиротъ же, т. е. на одежду и прокормленіе (Орловскій уѣздъ).

Иногда, если бѣдныя сироты будутъ въ тягость небогатому опекуну, весь сходъ даетъ пособіе опекуну, обыкновенно натурою.

II. Попеченіе объ имуществѣ малолѣтняго въ русскомъ обычномъ правѣ, какъ и въ римскомъ, составляетъ существенную сторону крестьянской опеки, что видно уже изъ того, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ опекуны избираются только къ тѣмъ сиротамъ, которые имѣютъ имущество (см. выше).

Въ отношеніи попеченія объ имуществѣ обязанности опекуна относятся или къ управленію имуществомъ, или къ распоряженію имъ:

Управленіе заключается, прежде всего, въ заботахъ о сбереженіи, а затѣмъ и о приращеніи полученнаго по описи, а если таковая не имѣла мѣста, то вообще доставшагося ему, какъ опекуну, имущества малолѣтняго; доходы должны быть собираемы въ надлежащее время, а расходы—производиться безъ излишества: чистый доходъ опекунъ обязанъ пріобщить къ имуществу опекаемаго, ибо по общему правилу, весь «приполонъ», т. е. что прибавляется къ инвентарю, приплодъ отъ скота, составляетъ собственность опекаемыхъ, а не опекуна. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходъ отъ имущества опекунъ обязанъ представлять въ волостное правленіе, которое и вноситъ деньги въ сберегательную кассу на книжку на имя малолѣтнихъ (Тихвинск. у.).

Въ правѣ распоряженія имуществомъ мололѣтняго опекунъ сильно стѣсненъ: продать, напримѣръ, постройку можно лишь съ разрѣшенія волостного старшины (Порховскій, Вяземскій, Юхновскій уѣзды), или сельскаго схода (Хвалынскій, Котельничскій, Керенскій, Грязовецкій, Орловскій уѣзды) или земскаго начальника (Скопинскій у.); иногда продать или заложить земельную собственность сиротъ никто не имѣтъ права (Жиздринскій уѣздъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ въ отношеніи распоряженія имуществомъ сиротъ, такъ и въ отношеніи управленія имъ, опекуны всецѣло зависятъ отъ схода: такъ, «опекуны не могутъ самовольно дѣлать расходъ, хотя бы на самыя крайнія и нужныя дѣла и дѣйствія по опекѣ, а также промѣнять, перепродать, измѣнить то или другое въ имуществѣ и въ деньгахъ» (Спасскій уѣздъ). «Обо всякомъ болѣе или менѣе крупномъ расходѣ опекунъ, по мѣстному обычаю, долженъ докладывать міру на сходѣ и спраши-

вать разрѣшенія на этотъ расходъ, даже, напримѣръ, при покупкѣ одежды» (Ростовскій уѣздъ).

Отмѣтимъ характерный обычай: въ Керенскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи мать въ случаѣ вторичнаго выхода замужъ теряетъ право распоряжаться имуществомъ сиротъ и освобождается отъ опекунскихъ обязанностей; однако за ней остается одна обязанность: снабжать сиротъ необходимымъ бѣльемъ; заботы же обо всемъ остальномъ и о воспитаніи переходятъ къ особому опекуну.

Опекунскія обязанности крестьяне обыкновенно называютъ должностью. Изъ пониманія опекунства, какъ должности, слѣдуетъ, что опекунъ, если онъ не родственникъ, не можетъ наслѣдовать опекаемому: если же родственниковъ нѣтъ, имущество считается выморочнымъ и поступаетъ въ продажу. Впрочемъ опекунъ надъ слабоумными, ввѣренными его попеченію, живущій съ ними и обязанный содержать ихъ и присматривать за ними, можетъ со временемъ сдѣлаться наслѣдникомъ ихъ движимаго и недвижимаго имущества (Смоленская губ., Краснинскій уѣздъ; Саратовская губ., Хвалынскій уѣздъ; Нижегородская губ., Васильсурскій уѣздъ; Псковская губ., Порховской уѣздъ): зато на него возлагается обязанность похоронить на свой счетъ скончавшихся и послать небольшую долю на поминовеніе въ монастырь (Ярославск. губ., Пошехонск. у.). Съ другой стороны въ «матеріалахъ» мы встрѣчаемъ категорическое отрицаніе возможности наслѣдованія опекуномъ имущества слабоумнаго, бывшаго подъ его опекой (Юхновскій, Спасскій, Болховской, Устюжскій уѣзды), если онъ не родственникъ его. Иногда въ имуществѣ слабоумнаго опекуны могутъ наслѣдовать только движимую его части, но никакъ не недвижимую (Болховской уѣздъ).

Недвижимымъ же имуществомъ (землей) опекунъ послѣ смерти слабоумнаго можетъ пользоваться только до 10 лѣтъ, послѣ же 10 лѣтъ земля поступаетъ на общество: крестьяне дѣлятъ ее на равныя части или отдаютъ кому нибудь въ аренду (Орловск. губ.).

§ 6. Вознагражденіе опекуновъ: виды его; присвоеніе опекунами имущества малолѣтнихъ сиротъ въ цѣломъ.

Опекунская обязанность въ обычномъ правѣ считается обыкновенно общегражданскою обязанностью, и въ крестьянской практикѣ по общему правилу опекунамъ никакого вознагражденія не дается, какъ денежнаго, такъ и прибыточнаго отъ имущества, или приплода отъ скота: «опекунство, по выраженію крестьянъ, — дѣло Божье, усердіе къ сиротамъ», «брать что-либо съ сиротъ грѣхъ»,

«опека служба, а не трудъ» (Грязовецкій, Дмитровскій, Котельничскій. Хвалынскій, Васильсурскій, Ростовскій, Болховской, Тихвинскій, Вологодскій, Козельскій, Спасскій, Орловскій, Порховской, Лаишевскій уѣзды).

Однако во многихъ мѣстностяхъ опекуны хотя и не получаютъ вознагражденія, но пользуются зато извѣстными льготами, освобождаются отъ различныхъ общественныхъ повинностей (Спасскій, Одоевскій уѣзды).

Кромѣ того, встрѣчаются мѣстности, гдѣ опекуны за свои труды вознагражденіе получаютъ въ видѣ пользованія «землей и потомъ» малолѣтнихъ сиротъ (Владимірская губ., Юрьевскій у.); вознагражденіе въ формѣ пользованія землей имѣетъ мѣсто иногда только въ томъ случаѣ, если сироты живутъ у опекуна; если же они не живутъ на его иждивеніи, онъ обязанъ выплачивать имъ аренду (Орловскій уѣздъ). Иногда за свои труды опекунъ пользуется нѣкоторымъ доходомъ съ имущества малолѣтнихъ и даже прибыткомъ отъ скота (Краснинскій, Юхновскій, Дорогобужскій, Макарьевскій уѣзды). Въ Орловскомъ уѣздѣ пользованіе доходомъ съ имущества малолѣтнихъ ограничено 5%, въ Вологодскомъ уѣздѣ—3%, въ Обоянскомъ уѣздѣ опекуну выдается 26 рублей въ годъ, остальныя же деньги кладутся въ кассу до совершеннолѣтія сиротъ; въ Зубцовскомъ уѣздѣ опекунъ получаетъ 5—10 рублей въ годъ, смотря по тому, сколько опредѣляетъ міръ. Иногда вознагражденіе опредѣляется по соглашенію съ опекаемыми (Рязанск. губ., Скопинскій у.).

Есть мѣстности, гдѣ родственники малолѣтняго берутъ себѣ въ вознагражденіе все имущество малолѣтняго сироты. «Эти случаи, объясняетъ г. Тимофеевъ [1]), очевидно, не относятся къ опекѣ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ они, надо полагать, бываютъ тогда, когда имущество малолѣтняго весьма незначительно и когда расходы по содержанію малолѣтняго превышаютъ стоимость всего его имущества; слѣдовательно, родственники (или хотя бы даже посторонніе), призрѣвая и беря имущество призрѣваемаго сироты въ полную свою собственность, тѣмъ лишь отчасти вознаграждаютъ себя за имѣющіе быть расходы по содержанію и воспитанію сироты». Приведенное мнѣніе не совсѣмъ вѣрно: по имѣющимся у насъ даннымъ, случаи присвоенія родственниками всего имущества малолѣтнихъ сиротъ имѣютъ мѣсто и тогда еще, когда имущество значительно и когда къ тому же вступающій въ опекунскія права родственникъ связанъ съ покойнымъ родителемъ сироты общимъ хозяйственнымъ интересомъ.

---

[1]) П. Г. Тимофеевъ въ «Вѣстн. Пр.», XXXIII, (1903 г.), стр. 31.

§ 7. Отчетность по опекѣ: время и мѣсто представленія отчетовъ; содержаніе ихъ; формы, словесныя и письменныя. Безотчетная опека.

Безотчетныя опеки въ крестьянской практикѣ, по общему правилу, не допускаются.

Опекуны обязаны представлять отчеты о своей дѣятельности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодно, въ нѣкоторыхъ дважды въ годъ (Вологодскій у.). Есть мѣстности, гдѣ опекуны обязаны представлять отчетъ нѣсколько разъ въ годъ (напр. три раза: Ярославск. губ., Ростовскій у.; Нижегородская губ., Васильсурскій у.), и даже ежемѣсячно (Спасскій у.). Иногда же отчеты представляются лишь по мѣрѣ надобности (Орловскій уѣздъ).

Отчеты представляются обществу съ показаніемъ прихода и расхода опекунскихъ суммъ; этотъ отчетъ провѣряется на сходѣ и обыкновенно вписывается въ особую шнуровую книгу, хранящуюся въ волостномъ правленіи (Кадниковскій, Васильсурскій, Зубцовскій, Макарьевскій, Солигаличскій, Хвалынскій, Кромской, Котельничскій, Юрьевскій уѣзды).

«Міръ учитываетъ опекуна: сколько было посѣяно земли, какими хлѣбами, сколько было набрано хлѣба въ копнахъ, почемъ дала копна, сколько всего хлѣба въ пудахъ, сколько вышло на обмеленіе, сколько продано хлѣбовъ, почемъ за пудъ и на какую сумму; не продавалось ли сѣно, солома, хоботье, изъ скота что, пеньки, конопли, картофеля и пр.; затѣмъ идетъ расходъ: уплата податей, мірскія повинности, обработка земли, прокормленіе скота, лошадей, свиней, куръ; сколько употреблено на обувь, одежду, исправленіе и покупку инвентаря» (Болховской и др. у.).

Иногда повѣркой имущества малолѣтнихъ завѣдуетъ не сходъ, а сельскій староста (Краснинскій у.), или волостной старшина (Карачевскій, Козельскій уѣзды), или волостное правленіе (Макарьевскій у.).

Отчеты, представляемые сходу или иному ревизующему лицу, могутъ быть словесные или письменные. Понятно, что въ виду незначительнаго процента грамотныхъ среди крестьянъ преобладаютъ отчеты словесные, которые обыкновенно записываются писарями и пріобщаются въ такомъ видѣ къ дѣлу вмѣстѣ съ приговоромъ общества о повѣркѣ опеки.

Приведемъ примѣръ отчетности въ Одоевскомъ уѣздѣ: на сходѣ въ присутствіи волостного старшины писарь, просматривая опись имущества, которое было на лицо при прошлогодней повѣркѣ, разспрашиваетъ опекуновъ или ихъ замѣстителей:

«Изба деревяная, сѣни плетневыя, читаетъ писарь,—есть?
— Есть,—отвѣчаетъ ему опекунъ или опекунша.
— Корова бурая—есть?
— Жива, батюшка, жива.
— Овецъ сколько?
— Овечекъ-то три.
— Было пять. Гдѣ же остальныя?
— Проданы.
— Деньги куда же пошли?
— На подати.
— Приплода не было?
— Былъ ягненочекъ, батюшка, да околѣлъ.
И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ».

На сходѣ же выражается иногда протестъ со стороны присутствующихъ крестьянъ по поводу того или иного отвѣта опекуна на предлагаемые ему вопросы: въ большинствѣ же случаевъ, по свидѣтельству корреспондентовъ, со стороны схода ни одного протеста, а одни позѣвыванія.

Отъ обязанности отчетности по дѣламъ опеки обыкновенно освобождаются отецъ и мать, такъ какъ они являются природными опекунами. Иногда не обязанъ отчетностью и такой родственникъ-опекунъ, который жилъ съ покойными родителями сиротъ однимъ хозяйствомъ и имѣетъ долю въ общемъ семейномъ имуществѣ—онъ не считается въ строгомъ смыслѣ опекуномъ сиротъ, а лицомъ, замѣнившимъ имъ отца и дѣйствительнымъ хозяиномъ двора, почему общество и не вмѣшивается въ его дѣйствія (Юхновскій у.).

Наряду съ мѣстностями, гдѣ отчетность по опекѣ имѣетъ важное значеніе въ крестьянскомъ быту, существуютъ мѣстности, гдѣ принципъ отчетности по дѣламъ опеки проводится довольно слабо и контроль со стороны міра бываетъ только на словахъ; только тогда, когда кто разсердится на опекуна, упрекаютъ его въ незаконныхъ дѣйствіяхъ (Тамбовск. губ., Елатомскій уѣздъ; Костромская губ., Буйскій у.) и приступаютъ къ повѣркѣ имущества сиротъ.

Встрѣчаются и такія мѣстности, гдѣ опекуны вовсе не представляютъ никакихъ отчетовъ, распоряжаясь имуществомъ малолѣтнихъ совершенно безконтрольно, а если и имѣетъ она мѣсто, то по особому приказанію земскаго начальника или волостного правленія или другихъ административныхъ органовъ: міръ фактически никакого контроля не имѣетъ» (Алатырскій, Дорогобужскій, Юхновскій, Хвалынскій уѣзды); ни сами опекуны не представляютъ, ни міръ отъ нихъ отчетовъ не требуетъ (Скопинскій у.).

§ 8. Отвѣтственность опекуновъ; немногочисленность случаевъ ея; причины; примѣры невмѣшательства общества въ дѣла опеки. Виды отвѣтственности и ея послѣдствія. Порядокъ привлеченія къ отвѣтственности опекуна.

Въ связи съ отчетностью стоитъ и отвѣтственность опекуновъ за цѣлость имущества малолѣтнихъ сиротъ; однако случаи ея въ крестьянской практикѣ представляютъ довольно рѣдкое явленіе, такъ какъ, съ одной стороны, самыя растраты имущества опекаемыхъ, служащія основаніемъ для возникновенія отвѣтственности, встрѣчаются не часто, что, повидимому, объясняется прежде всего незначительностью имущества крестьянскихъ сиротъ, а съ другой -отсутствіе организованной защиты интересовъ сиротъ и крѣпкаго сознанія своего права малолѣтними вырабатываетъ у крестьянъ въ большинствѣ случаевъ взглядъ, что «за сиротъ вступаться намъ нечего, такъ какъ за нихъ Богъ вступится», «за сиротою самъ Богъ съ молитвою», что судьбою сиротамъ дано испытывать всяческія терзанія—«сироты и вдовы, какъ горохъ при дорогѣ: кто идетъ тотъ и щипнетъ».

Въ Вологодской губерніи случаи отвѣтственности опекуновъ бываютъ рѣдко: если и не хватаетъ незначительной доли имущества, то опекаемые въ подробные расчеты съ опекуномъ не входятъ, оставаясь довольными и тѣмъ, что не все имѣніе потеряно. То же самое мы видимъ и въ Дмитровскомъ, Дорогобужскомъ и др. у.

Въ Карачевскомъ уѣздѣ, даже если опекунъ растратилъ все сиротское имущество, искать съ него трудно, такъ какъ міръ и волостной судъ часто отказываются рѣшать такое дѣло. Сельское общество относится къ огражденію имущества малолѣтнихъ по поговоркѣ: «моя изба съ краю, ничего не знаю»: бывали поэтому случаи, что ко дню совершеннолѣтія отъ всего имущества оставались голыя стѣны полуразвалившейся избы: даже скобки въ дверяхъ и гвозди были повытасканы: скота вовсе не оказывалось, и міръ ко всему этому относился совершенно безучастно: «чья душа въ грѣхѣ, говорили крестьяне, та и въ отвѣтѣ» (Одоевскій у.).

Иногда общество не только не интересуется злоупотребленіями опекуновъ, грубо обращающихся съ опекаемыми и растрачивающихъ ихъ имущество, но и дѣлается даже часто защитникомъ такихъ опекуновъ и ихъ незаконныхъ дѣйствій, успокаивая свою совѣсть тѣмъ, что опекунъ взялъ на свои руки обузу, т. е. чу-

жихъ дѣтей, что имущество на нихъ же шло, что «битье дѣтей души у нихъ не возьметъ, а ума прибавитъ» (Юхновскій у.).

Достигшіе совершеннолѣтняго возраста малолѣтніе, хотя и сознаютъ иногда вредъ, причиненный имуществу управленіемъ опекуна, но дѣлъ обыкновенно не начинаютъ, такъ какъ тяжбы сопряжены съ расходами—вѣдь «съ суда не деньги, съ потравы не хлѣбъ». Къ тому же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай, заключающійся въ томъ, что опекунъ, къ которому послѣ перваго двухлѣтняго управленія имуществомъ не будетъ предъявлено со стороны схода исковъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ, становится лицомъ, не отвѣтственнымъ за имущество (Керенскій у.).

Далѣе, административныя власти волостного и сельскаго управленія при небрежномъ отношеніи къ опекунскимъ дѣламъ, сознаютъ, что имъ нѣтъ расчета открывать злоупотребленія опекуновъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ они должны платиться дисциплинарными взысканіями, и потому дѣла о растратѣ вовсе не доводятся ими до судебнаго разсмотрѣнія (Керенскій у.) и кончаются большею частью бранью (Тверская губ., Зубцовскій у.).

Наиболѣе часто повторяющимися видами злоупотребленій со стороны опекуновъ являются: утайка количества собраннаго урожая хлѣба и конопли и умолота ихъ; показаніе сходу, при учетѣ, несуществующихъ расходовъ по управленію имуществомъ, неподдержаніе приходящихъ въ упадокъ отъ ветхости строеній опекаемыхъ; неправильная запись денегъ на содержаніе опекаемыхъ съ прописной большей суммы, чѣмъ дѣйствительно расходуется, и т. д.

Отвѣтственность опекуновъ не вездѣ, однако, находится въ описанномъ выше плачевномъ состояніи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она соблюдается довольно строго, такъ какъ въ нихъ сельское общество сознаетъ всю тяжесть падающей на него отвѣтственности за дѣйствія опекуна, его же приговоромъ назначеннаго. Право возбужденія вопроса о привлеченіи къ отвѣтственности опекуна въ такихъ мѣстностяхъ принадлежитъ или родственникамъ опекаемыхъ (Пошехонскій уѣздъ), или всякому желающему, или только деревенскому начальству, иногда же всѣмъ имъ вмѣстѣ; вообще практика въ этомъ отношеніи въ высшей степени разнообразна; кое-гдѣ право привлеченія къ законной отвѣтственности принадлежитъ особому назначенному лицу «для присмотра за дѣйствіями опекуна, въ особенности опекуншѣ-матери, не обижаютъ ли сиротъ, не тратятъ ли понапрасну ихъ имущества» (Болховской, Грязовецкій уѣзды). Въ случаѣ обнаруженія растраты, опекунъ долженъ возмѣстить ущербъ изъ собственнаго имущества, что осуществляется въ большинствѣ случаевъ въ формѣ судеб-

наго иска (Вологодскій, Грязовецкій, Орловскій, Котельничскій уѣзды); кромѣ того опекуну за растрату угрожаетъ наказаніе въ видѣ ареста по приговору общества (Болховской у.) или тюрьмы по приговору земскаго начальника (Тихвинскій уѣздъ). Помимо всего этого опекунъ, ненадлежащимъ образомъ исполняющій свои обязанности, можетъ быть устраненъ и замѣненъ другимъ (Вологодскій, Грязовецкій, Курскій, Скопинскій, Порховской уѣзды).

Въ матеріалахъ мы нашли указаніе и на послѣдствія злоупотребленій со стороны матери или вотчима: «въ случаѣ растраты имущества съ нихъ берется обязательство не вмѣшиваться и не участвовать въ управленіи имуществомъ малолѣтнихъ, которымъ назначается особый опекунъ».

Всѣ приведенные выше результаты привлеченія къ отвѣтственности опекуна относятся не только къ случаямъ растраты имущества малолѣтнихъ; они встрѣчаются и въ случаѣ неисполненія опекунскихъ обязанностей по отношенію къ личности опекаемыхъ; такъ, напримѣръ, въ Болховскомъ уѣздѣ, если замѣтятъ, что опекунъ обижаетъ сиротъ, плохо съ ними обращается, то собираютъ сходъ и смѣняютъ опекуна.

Въ заключеніе главы объ отвѣтственности опекуновъ мы приведемъ примѣръ самаго порядка привлеченія къ ней, весьма часто повторяющійся въ матеріалахъ.

Въ деревнѣ X умеръ крестьянинъ; у него осталась жена съ двумя дѣтьми, которыя жили сначала у его брата, крестьянина X.; ему деревня поручила присмотръ за дѣтьми и ихъ имуществомъ. X. сталъ обижать дѣтей брата и въ одеждѣ и въ ѣдѣ, да и толкать ихъ стали всѣ; мало того, сталъ X и хозяйствомъ пренебрегать. Тогда сельскій староста въ одинъ праздничный день собралъ крестьянъ, и всѣ пошли къ X. Тотъ обѣдалъ съ семьей; сироты съ матерью сидѣли въ концѣ стола, ѣли хлѣбъ и запивали его водой, въ то самое время, когда X. со своей семьей хлебали молочную кашу... Вошли крестьяне, перекрестились...

— Хлѣбъ да соль,—сказалъ староста,—милости вашей. Ну, хорошо же ты, братъ, сиротъ-племянничковъ приглядаешь, ловко, нечего сказать!

— Бери самъ къ себѣ, жалостникъ. У меня и своихъ дѣтей достаточно, кормить тоже надо,—отвѣчаетъ X.

— Ага. Вотъ ты какъ. Постой же, пріятель. Мы тебя скоро сократимъ,—закричали всѣ крестьяне,—вылѣзай сейчасъ же вонъ—послѣ напорешься.

Опѣшилъ X. и вышелъ изъ-за стола... Оказалось, что за какихъ нибудь 8 мѣсяцевъ X. спустилъ одну треть всего имущества; крестьяне рѣшили выдѣлить сиротъ и уволить X. отъ обязанностей опекуна.

§ 9. Прекращеніе опеки; достиженіе совершеннолѣтія, вступленіе въ бракъ, какъ причины прекращенія опеки; усмотрѣніе схода; выбытіе опекуна съ замѣной его новымъ; послѣдствія прекращенія опеки.

Опека прекращается вполнѣ, когда отпадаетъ основаніе, по которому она была учреждена; въ частности, опека надъ малолѣтними прекращается въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе смерти подопечнаго, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе достиженія имъ совершеннолѣтія.

Достиженіе совершеннолѣтія опекаемымъ считается у крестьянъ различно: какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, предѣльнымъ возрастомъ обыкновенно считается 21 годъ; для дѣвушекъ иногда такой нормой служитъ выходъ замужъ (Вологодскій, Грязовецкій, Орловскій, Дмитровскій, Хвалынскій, Спасскій уѣзды); иногда и для мужского пола предѣльнымъ возрастомъ считается женитьба (Карачевскій, Одоевскій уѣзды). Въ Скопинскомъ уѣздѣ Рязанской губ. хотя вышедшая замужъ дѣвица освобождается отъ опеки, но покончить счета съ опекуномъ до совершеннолѣтія не можетъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ опека продолжается до 22-лѣтняго возраста (Казанская губ., Лаишевскій у.; Болховской у.), до 23-24 (Вологодскій, Ярославскій, Ростовскій уѣзды) и даже до 25 лѣтъ. Иногда же опека прекращается до достиженія опекаемымъ 21 года; такъ, напримѣръ, въ Краснинскомъ и Орловскомъ уѣздахъ предѣльнымъ возрастомъ считается 20 лѣтъ, въ Макарьевскомъ, Порховскомъ, Хвалынскомъ, Зубцовскомъ, Солигаличскомъ, Юрьевскомъ—18 лѣтъ, въ Васильсурскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.—17 лѣтъ. Впрочемъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ, отчасти и Орловскомъ по истеченіи 18 лѣтъ выбираютъ попечителя опекаемому, но онъ значенія особеннаго не имѣетъ, такъ какъ опекаемый или опекаемая вступаютъ въ бракъ и начинаютъ жить самостоятельно;—опекунство, однако, оффиціально существуетъ до 21 года.

Во многихъ мѣстностяхъ снятіе опеки обусловлено и достиженіемъ совершеннолѣтія, и женитьбой или выходомъ замужъ. Иногда опека продолжается до 18 лѣтъ, если опекаемый вступаетъ въ бракъ; если же опекаемый достигнетъ этого возраста и не женится, то опека продолжается до 20 лѣтъ. Встрѣчается и такой обычай: опека продолжается для мужчины до 19 лѣтъ, а для женщины до 17 лѣтъ,—при женитьбѣ и при выходѣ замужъ опека снимается общественнымъ приговоромъ.

Есть мѣстности, гдѣ даже, если неженатому опекаемому предстоитъ служить въ военной службѣ, то по желанію его опека можетъ продолжаться до окончанія службы; иногда же опека въ такомъ случаѣ продолжается и независимо отъ желанія подлежащаго отбытію воинской повинности (Орловскій у.).

Обычное право порою и вовсе не знаетъ опредѣленной нормы совершеннолѣтія для опекаемыхъ: часто говорятъ, что опека продолжается до тѣхъ поръ, «пока малолѣтній не возмужаетъ», «до выроста», «до рабочаго возраста» (Дмитровскій у., Вологодскій у.), «пока онъ не сможетъ самостоятельно вести хозяйство и вообще личнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе» (Юхновскій у., Смоленскій у.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, если опекаемые принимаются въ работу съ большой охотой и будутъ хорошаго поведенія, то опеку снимаютъ и до совершеннолѣтія, но раздѣлъ наслѣдственнаго имущества до совершеннолѣтія имѣть мѣста не можетъ (Вятская губ., Котельничскій у.).

Иногда прекращеніе опеки обусловлено только желаніемъ самихъ подопечныхъ: «опека надъ малолѣтними продолжается до тѣхъ поръ, пока тѣ сами не пожелаютъ вести хозяйство» (Псковская губ., Порховской у.).

Есть мѣстности, въ которыхъ и достиженіе опекаемымъ совершеннолѣтія или иное объективное условіе не прекращаетъ опеки; прекращеніе опеки здѣсь зависитъ отъ усмотрѣнія сельскаго общества: «когда сирота выйдетъ изъ-подъ опеки и станетъ жить самостоятельно, общество всетаки усматриваетъ за нимъ, какъ онъ распоряжается хозяйствомъ; если сирота будетъ хорошо вести хозяйство, то общество оставляетъ его въ покоѣ, а если замѣтитъ, что изъ сироты не выйдетъ толку по хозяйству, то общество опять назначаетъ къ нему опекуна, которому сирота долженъ платить жалованье; опекунъ, однако, не долженъ самъ распоряжаться хозяйствомъ въ домѣ сироты, а только направлять его и давать ему полезные для хозяйства совѣты; это опекунство бываетъ до тѣхъ поръ, пока сирота исправится и станетъ хорошо распоряжаться хозяйствомъ самостоятельно; послѣ этого общество болѣе опекуновъ не назначаетъ, какъ бы онъ ни распоряжался хозяйствомъ» (Болховской у.).

Слѣдуетъ различать прекращеніе самой опеки и выбытіе даннаго опекуна съ замѣной его новымъ; послѣднее имѣетъ мѣсто, во-первыхъ, въ случаѣ смерти опекуна или когда онъ становится абсолютно неспособнымъ, во-вторыхъ, въ случаѣ отказа его, который допускается, однако, только по особо уважительнымъ причинамъ,

въ 3-хъ, вслѣдствіе низложенія его со стороны схода или начальства. Инициатива въ возбужденіи вопроса объ устраненіи неспособнаго опекуна принадлежитъ обыкновенно тѣмъ же лицамъ, которымъ принадлежитъ инициатива при назначеніи опекуна.

Прекращеніе опеки влечетъ за собою представленіе окончательнаго отчета и сдачу имущества согласно описи, составленной при назначеніи опекуна; недочетъ опекунъ долженъ вернуть, а если у него окажется болѣе того, что онъ принялъ отъ общества на свои руки, то пріобрѣтенное дѣлится пополамъ между опекуномъ и сиротами (Болховской у.).

Сдача подопечнаго имущества происходитъ или при посредствѣ міра, повѣряющаго сдаваемое (Скопинскій, Васильсурскій, Котельничскій, Юхновскій, Вологодскій, Устюжскій, Дмитровскій, Череповецкій, Дорогобужскій), или безъ него (Хвалынскій, Алатырскій уѣзды).

Вышедшіе изъ опеки расписываются на описи въ полученіи отъ опекуна въ свое владѣніе изложеннаго въ ней имущества, общество иногда объ этомъ составляетъ приговоръ (Тихвинскій у.).

§ 10. Опека по особымъ основаніямъ: виды ея; послѣдствія установленія опеки по особымъ основаніямъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли опеку, устанавливаемую въ случаѣ малолѣтства сиротъ; но помимо несовершеннолѣтія матеріалы даютъ намъ свѣдѣнія объ иныхъ основаніяхъ для установленія опеки, аналогичныхъ основаніямъ, принятымъ нашимъ оффиціальнымъ правомъ.

Такія особыя основанія могутъ быть въ слѣдующихъ случаяхъ:

Во-первыхъ, при умственной неспособности лица къ гражданской дѣятельности; въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ у крестьянъ опеку надъ душевно-больными (Вологодскій, Грязовецкій у.) «дураками», неспособными къ хозяйству (Карачевскій, Орловскій у.), «выжившими изъ ума» (Пошехонскій, Жиздринскій, Макарьевскій уѣзды).

Во-вторыхъ при длительной болѣзни, эпилепсіи, параличѣ, увѣчьѣ (Спасскій у.), слѣпотѣ (Краснинскій у.), глухонѣмотѣ (Дорогобужскій уѣздъ и т. д.). Впрочемъ, въ Юхновскомъ уѣздѣ глухонѣмота, при способности больного работать, не служитъ причиной назначенія опеки.

Въ-третьихъ, при безпорядочной жизни: сюда относятся расточительность и пьянство (Грязовецкій, Карачевскій, Одоевскій, Краснинскій уѣзды).

Въ-четвертыхъ, по безвѣстному отсутствію (Краснинскій, Дорогобужскій, Спасскій, Грязовецкій, Болховской уѣзды), однако, въ Карачевскомъ уѣздѣ при безвѣстномъ отсутствіи мужа опека надъ его имуществомъ не назначается, такъ какъ оставшаяся жена отсутствующаго ведетъ хозяйство какъ бы по порученію отсутствующаго мужа.

Въ-пятыхъ, при ссылкѣ въ Сибирь крестьянина съ его имуществомъ поступаютъ такъ же, какъ и съ имуществомъ безвѣстно-отсутствующаго (Вологодскій, Грязовецкій, Котельничскій, Спасскій, Карачевскій уѣзды).

Слѣдуетъ замѣтить, что до отмѣны круговой поруки возможна была опека и надъ лицомъ, которое, вслѣдствіе неумѣлаго веденія хозяйства, являлось неисправнымъ недоимщикомъ, и за него могло быть матеріально отвѣтственнымъ цѣлое общество.

При наличности одного изъ перечисленныхъ выше обстоятельствъ, «по предложенію сельскаго схода или по заявленію и просьбѣ кого либо изъ семейныхъ, - жены, брата, сына, отца, или матери мужа,— старшій братъ, вообще большакъ, лишается своего старшинства въ семьѣ и главное въ домохозяйствѣ, и такимъ образомъ теряетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, и «большина» передается женѣ, сыну, младшему брату и т. д.».

Если недѣеспособнымъ окажется мужъ, то во многихъ мѣстностяхъ управленіе хозяйствомъ и семейными дѣлами переходитъ къ женѣ (Грязовецкій, Карачевскій у.). «Когда въ семьѣ нераздѣленной, состоящей изъ отца, матери и взрослыхъ сыновей, глава семьи пьяница и расхищаетъ имущество, то старшимъ назначается мать или одинъ изъ сыновей: дѣлается это по постановленію схода; отстраненный опекунъ не можетъ входить въ распоряженіе по хозяйству, ни на какія должности не назначается и на сходъ ходить не можетъ; обыкновенно такому отцу дѣти гдѣ-нибудь на задахъ строятъ келью, гдѣ онъ и живетъ, кормятъ его изъ большого дома» (Нижегородская губ., Макарьевскій у.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ не расположенъ предоставлять главенство женѣ надъ мужемъ, находя, что самый плохой мужикъ лучше хорошей бабы, и поэтому въ такихъ мѣстностяхъ пьянство или расточительность мужа не лишаетъ его правъ домохозяина. Въ Котельничскомъ уѣздѣ Вятской губ. крестьяне говорятъ: «хотя будь мужъ пьяница, развратникъ, опеки никогда учредить нельзя»; то же самое встрѣчается и въ Карачевскомъ, Орловскомъ, Болховскомъ, Вологодскомъ, Хмѣлевскомъ, Ярославскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ: тамъ «грѣхъ пьянства и мотов-

ства всецѣло возлагается на душу мужа, но управленіе его имуществомъ никогда не передается женѣ.

Что касается, вообще, избранія опекуна, его обязанностей, вознагражденія, отчетности, отвѣтственности и прекращенія опеки, назначаемой по особымъ основаніямъ, то по отношенію къ этому является также справедливымъ все то, что было изложено нами объ опекѣ, устанавливаемой по случаю малолѣтства и сиротства.

§ 11. Заключеніе.

Въ такомъ видѣ представляется юридическій институтъ опеки въ обычномъ правѣ крестьянъ.

При всемъ разнообразіи регулирующихъ крестьянскую опеку обычныхъ нормъ, видоизмѣняющихся въ зависимости отъ степени благосостоянія и силы правосознанія населенія данной мѣстности, не трудно, однако, усмотрѣть устойчивыя и постоянныя начала, на которыхъ покоится у крестьянъ опека по малолѣтству и сиротству и по другимъ основаніямъ; эти основныя начала вполнѣ тождественны съ началами нашего оффиціальнаго гражданскаго права (215—382 ст. X т. ч. 1 Св. Зак.), хотя и заключаютъ въ себѣ громадную массу своеобразныхъ наслоеній и кристаллизацій, изъ которыхъ только нѣкоторыя заслуживаютъ, съ точки зрѣнія политики права, перенесенія своего въ положительное законодательство, а большинство ихъ, противорѣча новѣйшимъ условіямъ и потребностямъ народной жизни, сохраняясь лишь благодаря отсутствію закона и суда, правомѣрно примѣняющаго законъ, засоряютъ механизмъ народнаго производства, мѣшаютъ быстрому и свободному движенію правооборота; къ тому же за послѣднее сорокалѣтіе правовая жизнь крестьянства быстро сближается съ общимъ для остального населенія гражданскимъ порядкомъ, и наслоенія обычнаго права стали въ послѣднее время мельчать и мѣстами утратили свою свѣжесть и выцвѣли до полнаго исчезновенія.

Не видя, по этой причинѣ, никакихъ основаній для обособленія крестьянъ въ отношеніи опеки отъ остальной части населенія, мы, однако, отнюдь не склонны думать, что дѣйствующій законъ (1 ч. X т. Св. Зак.) можетъ регулировать обычную практику крестьянъ; самый бѣглый обзоръ матеріаловъ указываетъ на несоотвѣтствіе, существующее между X т., съ одной стороны, и правовыми воззрѣніями крестьянъ съ другой; однако, несоотвѣтствіе это въ наименьшей степени проявляется въ отношеніи института опеки, изъ недостатковъ котораго въ нашемъ оффиціальномъ гра-

жданскомъ правѣ можно указать лишь на неточность, неполноту и разбросанность матеріала на всемъ протяженіи шестнадцатитомнаго законодательства.

Въ юридической литературѣ часто встрѣчается мнѣніе, что расширеніе положительнаго закона возможно лишь на область обязательственнаго и вещнаго права крестьянъ; въ сферѣ же наслѣдственнаго права и семейнаго, куда относятъ и институтъ опеки, долженъ, по этому мнѣнію, сохраниться обычай, такъ какъ въ этихъ медленно измѣняющихся областяхъ права юридическія правила, живущія въ сознаніи народа, успѣваютъ отложиться и кристаллизоваться въ обычное право, отличное отъ общегражданскаго. Между тѣмъ опека, будучи учрежденіемъ болѣе публичнаго государственнаго и полицейскаго, нежели частнаго гражданскаго права, предоставляя частной автономіи полный просторъ, въ противоположность семейственнымъ отношеніямъ, гдѣ предписанія права, касающіяся ихъ, имѣютъ характеръ абсолютныхъ, неизмѣнныхъ по частному произволу, нормъ, является менѣе всего проникнутой указанными особенностями и потому всецѣло допускаетъ установленіе для нея устойчивой, опредѣленной закономъ формы.

HD
715
T45

Tenishev, V. V.
Administrativnoe polozhenie russkago krest'ianina

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 13 10 07 013 7